

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

На правах рукописи

Перова Марина Андреевна

**ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОЙ
РОССИИ 1920-Х ГГ
(на материалах Курганского и Шадринского округов)**

Специальность 07.00.02. - Отечественная история

диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
В.В. Менщиков

Курган 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ДЕТИ И ДЕТСТВО В ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.....	20
1.1. Детство в семейной политике Советской России 1920-х годов.....	20
1.2. Система призрения детей во властных постановлениях в 1920-е годы. Регулирование труда несовершеннолетних	32
1.3. Законодательное регулирование системы образования в Советской России 1920-х годов и его влияние на детскую повседневность.....	48
1.4. Наука о детях: педология и педагогика 1920-х годов как выполнение государственного заказа на создание «нового человека».....	66
ГЛАВА 2. ПРОСТРАНСТВО ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ).....	81
2.1. Семейное пространство детской повседневности.....	81
2.2. Детская повседневность в пространстве учреждений призрения.....	107
2.3. Образовательное пространство в повседневной жизни детей.....	142
ГЛАВА 3. ПРАКТИКИ ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ).....	177
3.1. Пионерская организация как часть детской повседневной жизни.....	177
3.2. Деятельное детство и советская идеология.....	205

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	235
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	243

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. История повседневности – одно из актуальных направлений в современной исторической науке, которое позволяет углубить понимание событийной истории, проследить ее влияние на жизнь простых людей, соотнести процессы, происходящие «внизу» и «наверху», оценить степень самостоятельности рядового человека, его роль в истории. Исследователь истории повседневности вводит в научный оборот новые источники и переосмысливает уже изученные, в связи с чем часто вносит коррективы в представления об исторических процессах.

Изучение детской повседневности 1920-х годов дает возможность проследить становление советского человека на начальном этапе существования нового государства и изменения в проекте советского детства, человека, общества, а также определить роль взрослых в реализации этого проекта, понять степень влияния на детство объективных социальных реалий (общественно-политических организаций, школы, семьи, окружающего пространства) и самих детей как личностей. Кроме того, оно поднимает вопрос о возможности ребенка быть субъектом исторического процесса.

Степень научной изученности темы исследования. В историографии детства 1920-х годов можно условно выделить два периода: советский (1920–1991 гг.) и постсоветский (1991–2018 гг.).

Советский период (1920–1991) связан с интересом к проблеме детства со стороны педологов и педагогов, в частности, А.Б. Залкинда¹, А.С. Залужного², А.З. Гольцмана³, которые сосредотачивались на проблеме воспитания нового человека в условиях консервативного характера семьи, а также в условиях детских учреждений. В их работах содержатся ценные сведения по детской повседневности, поэтому они рассматриваются нами не только как

¹ Залкинд А.Б. Педология в СССР. М., 1929.

² Залужный А.С. За марксистско–ленинскую постановку проблемы коллектива // Педология. 1931. №3. С. 44-51.

³ Гольцман А.З. Реорганизация человека. Л., 1925.

историографические, но и как исторические источники. В дальнейшем исследования касались истории школы, проблем материнства, младенчества и беспризорности: Ю.В. Гребнев, Г.П. Сосновская, П.Г. Софинов изучали систему призрения детей и детское девиантное поведение в первые послереволюционные десятилетия¹; Э.М. Конюс, А.М. Нечаева – проблемы материнства в 1920-е годы, становление советской системы заботы о младенчестве и поддержки матерей, в том числе работающих, особенности гигиенического воспитания женщин, их снабжения необходимыми продуктами, медицинское просвещение². Выходили книги, посвященные истории советской педагогики и вопросам развития общеобразовательной школы на Урале, в частности, работы В.Г. Чуфарова³.

Наибольший интерес в историографии представляет постсоветский период (1991–2018 гг.) в силу интенсификации внимания к истории детства и истории повседневности и стремления осмыслить феномен советского детства. В постсоветской историографии условно можно выделить специальные труды и труды по другим проблемам, где детская повседневность затрагиваются фрагментарно.

К числу специальных относятся исследования советского детства и его составляющих. Так, Е.М. Балашов, основываясь на данных архивных документов, педологических и социологических исследований, рассматривает процесс формирования «нового» сознания советских людей как следствие суммарного воздействия школьного воспитания, семьи и быта, социального окружения, общественных событий и катаклизмов; исследует воздействие на детскую психику беспризорности, голода и нищеты⁴. А.А. Сальникова

¹ Гербеов Ю.В. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в СССР (1917-1935) // Доклады академии педагогических наук РСФСР. 1963. №1. С. 69-72; Сосновская Г.П. Влияние опытно-показательных учреждения Наркомпроса РСФСР на массовую школу в 20-е годы // Из истории педагогической мысли и школы: сб. трудов. М., 1974. С. 63-82; Софинов П.Г. Из истории борьбы с детской беспризорностью // Вопросы истории КПСС. 1966. №8. С.109-112.

² Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917-1940). М., 1954; Нечаева А.М. Охрана материнства и детства в СССР. М., 1988.

³ Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1970. Из истории педагогической мысли и школы: сб. трудов. М., 1974.

⁴ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003.

показывает способы репрезентации российского и советского детства в исследовательской практике; рассматривает источниковедческие проблемы, возникающие в процессе изучения детства; уделяет большое внимание «детским текстам», в том числе дневникам, воспоминаниям, мемуарам, показывает воздействие войны, революции и послереволюционной разрухи на детскую психику¹. А.Ю. Рожков считает изучение молодого поколения 1920-х гг. необходимым условием понимания советского культурного кода, в связи с чем исследует жизненный опыт молодых людей, в том числе, школьников. Поскольку, по мнению А.Ю. Рожкова, повседневность невозможно понять без деталей быта, поведения и языка, он стремится детально описать условия повседневной жизни молодежи 1920-х гг. и понять, кем являлся и как ощущал себя советский школьник, был ли он субъектом своего личностного развития². Т.М. Смирнова дискутирует с А.А. Сальниковой, доказывая, что советское детство было счастливым, несмотря на шокирующие картины детского быта; основное внимание исследователь уделяет проблеме беспризорности и способам ее решения, которые предлагались советской властью и иностранными государствами³. В.Б. Жиромская и Н.А. Араловец в своей монографии исследуют российское детство, принимая во внимание достаточно большой временной промежуток – с конца XIX до начала XXI вв. Они анализируют изменение численности и половозрастного состава детского населения России, особенности отношений между детьми и родителями, уровень детской заболеваемости и смертности, проблемы демографической и семейной политики⁴. С.В. Коган рассматривает детство как важный жизненный период, в который происходило становление

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования, 2007.

² Рожков А.Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х гг., повседневная жизнь в группах сверстников: школьники, студенты, красноармейцы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2003; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов М., 2014.

³ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб, 2015.

⁴ Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. М., 2018.

советского человека в довоенное время¹. Ю.Г. Салова заостряет внимание на внеклассной работе с детьми в рамках клубов и показывает ее значение в формировании советского гражданина². Проблему отражения советского детства в воспоминаниях курганцев в своей статье исследует К.Ю. Кладова. К теме детства она обращается в рамках изучения повседневной жизни горожан 1930-х гг., и рассказывает о бытовых условиях, в которых росли дети, их играх и увлечениях. Отчасти мы можем использовать данные ее исследования для изучения детской повседневности в 1920-е гг.³ Жизнь детей в приютах Кургана в 1920-е гг. исследует А.М. Васильева⁴, Н.Н. Косинцева приводит в своей статье воспоминания о периоде становления пионерского движения в Кургане и Курганском округе⁵. В.Г. Безрогов исследует некоторые аспекты жизни советских школьников⁶.

К числу общих работ относятся исследования О.Е. Кошелевой – она реконструирует детство Древней Руси и Российского государства до XVIII в. и дает инструментарий работы с источниками по истории детства⁷. Г.С. Зеленина и М.В. Ромашова исследуют советское детство в других хронологических рамках, однако приводят подробный историографический обзор, в том числе, по истории детства 1920-х гг.⁸ И.С. Кон призывает к проблемному подходу в изучении детской повседневности и заостряет внимание на гендерной проблематике, так как повседневность девочек, на его

¹ Коган С.В. Детство как этап формирования «нового человека» в довоенном советском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Социология. 2012. №. С. 164-170.

² Салова Ю.Г. Клубная работа с детьми в практике советской школы 1920-х годов // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст./Пермский гос. ун-т. Пермь, 2010. С. 152-164.

³ Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: коллективная монография. Ч. 9 / ред. Я. Г. Солодкин. Нижневартовск, 2014. С. 172-192.

⁴ Васильева А.М. Курганские приюты 1920-х гг // V Зырянские чтения. Курган, 2007. С. 55-59.

⁵ Косинцева Н.Н. Воспоминания о первых детских пионерах (к 90-летию пионерии) // X Зырянские чтения. Курган, 2012. С. 109-110.

⁶ Безрогов В.Г. Становление образовательных традиций христианской школы в I – V веках. М., 2004. Безрогов В.Г. Практики письма в начальной школе первых советских поколений // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. №11. С. 54-62.

⁷ Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М., 2000.

⁸ Зеленина Г.С. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований // URL: <http://polit.ru/article/2008/10/03/zelenina/> (дата обращения 01.06.2014); Ромашова М.В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестник Пермского университета. 2012. №3. С. 172-179.

взгляд, отличается от повседневности мальчиков, и ребенка как такового, вне гендера, не существует¹.

С 2007 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) действует Международный семинар «Культура детства: нормы, ценности, практики», с 2012 г. кафедра литературы и детского чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств издает альманах «Детские чтения», в котором, кроме проблем современного детства, изучается история детской литературы, детского движения, в том числе и в советское время. Проблему становления советского общества и советского человека рассматривают историки Уральского федерального университета в рамках проекта «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования» под руководством Л.Н. Мазур. Непосредственно темы детства их исследования не касаются, однако позволяют составить более целостную картину об условиях, в которых протекала жизнь советских детей².

Категорию «советское детство» в теоретическом ключе рассматривает К.К. Нуркина³. И.Б. Бритвина⁴ обращается к детской повседневности времен Великой Отечественной войны, однако для данной диссертации представляет интерес методологические особенности изучения детской повседневности, представленные в работе, а также параллели с детством 1920-х гг. Тема детства на территории Кургана, Шадринска и административно подчиненных им территорий в основном представлена работами по истории образовательных учреждений и системы призрения детей преимущественно дореволюционного времени. Детство советского времени периода освещается в работах в книге «История культуры Южного Зауралья»⁵, монографии В.П.

¹ Кон И.С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. №15. С. 12-24.

² Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов / гл. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2017.

³ Нуркина К.К. Категории «детство», «советское детство» и «повседневность» в историческом исследовании // VIII Емельяновские чтения. Курган, 2014. С. 82-84.

⁴ Бритвина И.Б. Война глазами детей // VIII Зыряновские чтения. 2010. С. 103-105.

⁵ История культуры Южного Зауралья. Курган, 2004.

Федоровой¹ и коллективной монографии «Очерки культуры повседневности города Кургана XIX – первой трети XX века»².

В целом начало XXI века отмечено всплеском интереса к проблеме детства в исторической науке и появлением большого количества диссертаций и статей в этой сфере на территории всей Российской Федерации. Их темы можно условно разделить на следующие блоки: социальная защита детства и борьба с беспризорностью³, воспитание и образование⁴, дети и государство⁵, дети как субъект общественной жизни¹.

¹ Федорова В.П. Вопросы культуры в Зауральской прессе 20-30-х годов XX века. Курган, 2008.

² Очерки культуры повседневности города Кургана XIX – первой трети XX века. Курган, 2009.

³ Блонский Л.В. Детская беспризорность в СССР периода нэпа: опыт ликвидации на материалах Поволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук Саратов, 2004; Волохатова В.М. Сиротские учреждения Советской России: история становления и проблемы функционирования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Гребенкина А.А. Становление и развитие социальной защиты детства в 20 – 30-е годы XX столетия на территории Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2006; Катионова А.О. Социальные и психолого-педагогические основы организации призрения детей в России в 20-30-е годы XX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2003; Кесаева Ж.К. Деятельность государственных учреждений и общественных организаций Северной Осетии по борьбе с детской беспризорностью: 1920-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук Владикавказ, 2006; Маслова О.Б. Ликвидация массовой беспризорности в Советской России в 1920-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010; Афанасова Е.Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920 – 1930-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007; Славко А.А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4/4 (64/4). С. 229-234; Смирнов С.С., Мишина М.А. Борьба с беспризорностью и создание системы детских домов на Урале в 1920 – 1930 годы // II Емельяновские чтения. Курган, 2007. С. 149-151; Тагирджанова А.Н. Татарские детдома в Петрограде-Ленинграде 1920-х годов // URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faiizhanov/5pedagog_tagirdzhanova.htm? (дата обращения 01.06.2014).

⁴ Бородин С.Н. Школа как институт политической социализации. Автореф. дис. ... канд. полит. наук Краснодар, 2007; Клемантович С.П. Эволюция государственной политики в области народного образования в 1920 – 1930-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Нечаева К.М. Организация воспитательной работы с подростками в России в 20-е годы XX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук СПб., 2010; Малякова Н.С. Идеи антропологической направленности воспитания в отечественной школе // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. С.141-145; Сенькина А.А. Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930 – 1932 гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. С. 60-91; Бердова О.В. Из истории школьного образования и костромского учительства периода формирования советской школы (1918-1930) // Вестник КГУ им НА Некрасова. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 228-234; Безрогов В.Г. Практики письма в начальной школе первых советских поколений // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. №11. С. 54-62.

⁵ Бекмурзаева С.А. Роль Советского государства и общества в формировании нового человека. Дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2010; Кульгускина Л.В. Государство и молодое поколение в конце 1920-х – 1930-е годы: опыт создания новой ментальности. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005; Тепцова Р.Н. Деятельность московских городских властей в сфере охраны детства в 20 – 30-е гг. XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Хубулова Э.В. Формирование молодого поколения Северной Осетии в условиях трансформирующегося общества 1920-х гг.: исторический опыт. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005; Коган С.В. Детство как этап формирования «нового человека» в довоенном советском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Социология. 2012. №150. С. 164-170; Ростовская И.В. Эволюция отечественного законодательства о несовершеннолетних: дореволюционный и советский период // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2012. Вып. 2. С. 98-101; Сажина Н.С. Социальная политика в отношении материнства и детства в первые годы советской власти // Вестник Брянского государственного университета. 2013. №2. С. 91-94; Сомов В.А., Сомова Д.В. Детство 1930-х: советская политика в области воспитания подрастающего поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. С. 121-127; Федоров А.Н.

Отечественные исследования детства в основном сосредотачиваются на XX столетии, в силу интереса к феномену воспитания советского гражданина. Проявляют интерес к нему и иностранные исследователи. Так, Л.Холмс рассматривает советскую школу 1920–1930-х гг. как инструмент создания советского гражданина, но, с другой стороны, подчеркивает, что не только власть влияла на человека, но и человек на власть: тоталитарный режим и советская образовательная система возникли, на его взгляд, в ответ на требование большинства². Место ребенка в советском государстве и его возможность быть гражданином, а также спорные вопросы советской детской мифологии – например, историю Павлика Морозова – исследует К.Келли³. Возможность такого феномена, как «счастливое советское детство» и место коммунистической идеологии в повседневной жизни советских детей и представлениях о ней рассматривают Л. де Ла Фе⁴ и Х. Фримэн⁵.

Авторы работ по истории образования, беспризорности, молодежных движений, а также обобщающих работ по истории детства, в том числе, 1920-х гг., сосредотачиваются на отдельных аспектах детской повседневности. Большой пласт документов остается неизученным в качестве источников по истории детской повседневности. Не ясны различия между столичным детством и провинциальным, городским и сельским. Обобщающих работ по

Охрана материнства и детства в советской России в условиях революции и гражданской войны (1917-1920 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. №9 (64). С. 175-182; Черняева Н. Идеология семейных ценностей: повторяем пройденное? // 60 параллель. 2010. №2(37) // URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/37/9.pdf (дата обращения 03.03.2016); Шуткова Е.Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних: 1917 – 1953 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.

¹ Копейкина Ю.Л. Субкультура детства. Автореф. дис. ... канд. культ. наук. Нижний Новгород, 2000; Кудинов В.А. Общественные движения и организации детей и молодежи в России XX веке. Дис. ... д-ра ист. наук. Кострома, 1994; Алиева Л.В. Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства. Автореф.... дис. д-ра пед. наук. М., 2002; Балакирев А.Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии: 1923 – 1991 гг. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006; Маслинская С.Г. «Пионерская» беллетристика vs «большая» детская литература // Детские чтения. 2012. №1. С. 100-116; Рыбаков Р.В. К вопросу об альтернативах в молодежном движении России (1917-1920-е гг.) // Вестник Томского университета. 2014. №382. С. 119-124; Белкина Л.Р. Детский журнал 1920х гг. – соцказ или реальность? // Система ценностей современного общества. Новосибирск. 2010. №15. С. 90-94.

² Холмс Л.Ю. Социальная история России: 1917-1941. Ростов-на-Дону, 1993.

³ Келли К. Маленькие граждане большой страны»: интернационализм дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. №60. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrimon.html> (дата обращения 01.06.2014).

⁴ Loraine F. *Empire's children: soviet childhood in the age of revolution*. Florida International University, Florida, 2013.

⁵ Hannah F. *Russia's International Adoption Policies: Realities of the Soviet Happy Childhood Myth*. Illinois Wesleyan University. Honors Projects International Studies, 2012.

детской повседневности Курганского и Шадринского регионов, за исключением ряда статей, нет.

Объектом исследования является советская повседневность как особая сфера социокультурной реальности.

Предметом исследования – повседневная жизнь детей Курганского и Шадринского округов в 1920-е годы.

Территориальные рамки – Курганский и Шадринский округа, частично входящие в современную Курганскую область. Округа существовали с 1923 по 1930 г. в составе Уральской области РСФСР. Ранее они назывались уездами. Курганский уезд в 1918 г. входил в Тобольскую губернию, с 1919 г. – в Челябинскую губернию; Шадринский уезд в 1918 г. входил в состав Пермской губернии, с 1919 г. – Екатеринбургской губернии. В 1930 г. были образованы Курганский и Шадринский районы в составе Уральской области РСФСР. Выбор территориальных рамок обусловлен тем, что Курган и Шадринск представляли собой небольшие провинциальные города, не имевшие развитой промышленности, повседневная жизнь здесь протекала достаточно спокойно и равномерно, изменения в образе жизни и мышления проходили медленно. На примере данных территорий можно проследить особенности повседневности советской провинции, оценить степень проникновения в нее идеологических установок.

Хронологические рамки – 1920-е годы. Нижняя граница – 1921 год – обусловлена тем, что на исследуемой территории большевики окончательно пришли к власти в 1919 году, и их реальная работа в отношении детства началась в 1920-е годы. Верхняя граница – 1930 год – обусловлена временем существования Курганского и Шадринского округов (1930 – год ликвидации округов), а также изменениями в повседневной жизни детей: в 1930 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении». С 1932 г. пионерская организация стала частью школьной системы, тогда как ранее пионерские отряды курировались предприятиями, коммунистической партией и комсомольскими

организациями. Произошла переориентация социальной политики на семейное воспитание детей с воспитания общественного и государственного, началось укрепление института семьи. Изменилось отношение к школьной дисциплине и место, отводимое детям в общей работе по созданию нового государства.

Цель исследования – выявить особенности повседневной жизни советских детей как необходимого условия формирования феномена «советского человека» – одного из факторов становления и существования тоталитарного общества – на материале Курганского и Шадринского округов.

Задачи исследования:

– определить отношение государственной власти к детям путем анализа законодательных актов, регулирующих семейную жизнь, образование, систему призрения детей, детский труд, поведение детей;

– выяснить на основе анализа общественного мнения и реального положения детей в семье, школе, пенитенциарных учреждениях, насколько реальность соответствовала или противоречила декларируемому образу детства;

– реконструировать условия, в которых протекала детская жизнь, и выявить влияние пространства повседневности на становление характера и поведенческих установок детей и подростков;

– выявить место пионерской организации и общественно-политической активности в повседневной жизни детей;

– изучить на региональной источниковой базе детские повседневные практики и отношение детей к ним, отследить степень регулирования властью и взрослыми детского жизненного мира, а также влияние детей на взрослых и на представление власти об идеальном ребенке.

Источниковую базу исследования составили письменные и устные источники. Письменные источники представлены несколькими группами.

К первой группе относятся законодательные и нормативные акты – Конституция СССР и РСФСР¹, декреты и постановления ВЦИК СССР и РСФСР, СНК СССР и РСФСР, отдельных комиссариатов², директивы ВКП(б)³. Они позволяют показать изменение статуса детей в советском обществе, дают возможность составить представление об идеальном советском детстве, выявить задачи государственной политики в сфере образования и воспитания подрастающего поколения.

Вторую группу составляют документы, отложившиеся в трех местных архивах: Государственном архиве Курганской области (ГАКО), Государственном архиве города Шадринска (ГАШ), Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО).

Делопроизводственная документация местных органов исполнительной власти, партийных органов, учреждений образования и воспитания, акты проверок детских учреждений, протоколы собраний комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ, письма, заявления отложились в фондах ГАОПДКО «Курганский городской комитет КПСС» (10), «Шадринский окружной комитет ВКП(б)» (13), «Курганский городской комитет ВЛКСМ» (102), «Шадринский окружной комитет ВЛКСМ» (104). Они позволяют получить информацию о реализации постановлений советской власти на местах, понять, как местное партийное руководство выстраивало политику по отношению к детству и с какими проблемами сталкивалось.

¹ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических республик: принят 2-й сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. – М.: Центр. испол. ком. Союза Сов. Соц. Респ., 1924. – 20 с.; Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Петроград: Изд. Петроградского Совета рабочих и красн. депутатов, 1918. – 16 с.

² Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 года) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. № 818; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 8 марта 1926 года «Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1926. – № 19. Ст. 143; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» // СУ РСФСР. 1917. – № 11. Ст. 160; Декрет ВЦИК СССР от 16 октября 1918 года «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1026-1030 и др.

³ О всеобщем начальном обучении // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С.190; О борьбе с детской беспризорностью // Там же. С. 189; О пионерском движении // Там же. С. 202 и др.

Документы школ и детских домов: производственные планы, списки учащихся и учащих, отчеты о проделанной работе, протоколы педагогических совещаний, тексты выступлений на конференциях и собраниях, акты обследования школ, детских домов и коммун, материалы по усыновлению, заявления представлены в фондах ГАКО, таких, как «Отдел народного образования Курганского окружного исполнительного комитета» (Р-48) и «Курганская окружная комиссия по улучшению жизни детей» (р-472), и фондах ГАШ «Отдел народного образования исполнительного комитета Шадринского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (Р-213), «Шадринская окружная детская комиссия» (Р-225). Материалы дают возможность изучить условия жизни детей в семье, школе, их участие в детских организациях. Кроме того, в указанных фондах важны документы, созданные детьми, как имеющие особую ценность для изучения детской повседневности.

Третья группа источников – материалы периодической печати. В газете «Красный Курган» публиковались заметки и статьи, отражавшие взгляды представителей органов власти и организаций ВКП(б), учителей, родителей, а порой, и самих детей на детство, школу, семью, беспризорность. Газета содержит информацию о местных событиях, связанных с детской повседневностью.

Четвертую группу источников составили труды политических деятелей, советских ученых-педологов¹, которые позволяют увидеть цели и задачи, стоявшие перед советской властью в рамках работы по созданию нового человека, и оценить степень воздействия на детское сознание организаций, работающих с детьми. В художественной литературе для детей, являвшейся

¹ Гессен В.Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. Л., 1926; Гольцман А.З. Реорганизация человека. Л.,1925; Залкинд А.Б. Педология в СССР. М., 1930; Залужный А.С. За марксистско–ленинскую постановку проблемы коллектива // Педология. 1931. №3. С. 44-51; Крупская Н.К. Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми // Педагогические сочинения. Т.5. М, 1958; Крупская, Н.К. Обучение и воспитание в школе // Педагогические сочинения. Т.3. М., 1958; Ленин В. И. О воспитании и образовании. – М., 1987; Луначарский А.В. О детской литературе, детском и юношеском чтении. М., 1985; Шварцман П.Я., Кузнецова И.В. Педология // URL: <http://hstru/projects/sohist/books/cs2/121-139.htm> (дата обращения 20.05. 2018).

средством влияния на детское сознание, представлен образ идеального советского детства и его антипод.

Пятая группа – устные источники. Это воспоминания современников, чье детство проходило в Кургане и других населенных пунктах Курганского округа в 1920 – начале 1930-х годов, в виде интервью, опубликованных К.Ю. Кладовой, и восьми интервью, записанных автором диссертации¹.

Особенностью источниковой базы является ее разноплановость, позволяющая проверять данные одного вида источников информацией, получаемой из другого вида источников; большое количество делопроизводственной документации и материалов, позволяющих конструировать детскую повседневность по косвенным свидетельствам; малое количество эго-документов, компенсируемое возможностью собрать устные воспоминания; идеологическая нагруженность документов, связанная с особенностями политического строя советской России 1920-х годов, снимаемая путем сопоставления разных типов источников.

Теоретико-методологическая база. Данная работа выполнена в рамках таких направлений гуманитарных исследований, как история повседневности с использованием методов микроистории. Начало исследований в области истории повседневности связывают с именами французских ученых М. Блока и Л. Февра, основателей «Школы анналов», сформировавшейся вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории»², который впервые вышел в печать в 1929 г.; а также Ф. Броделя³ и Ж. Ле Гоффа⁴, занимавшихся изучением истории ментальностей и больших временных промежутков.

¹ Воспоминания Алефцева К.Г. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в апреле 2016 года // Личный архив Перовой М.А.; Воспоминания Дурмановой П.Г. 1924 г.р. Записано в с. Парамоново Альменевского района Курганской области в ноябре 2014 года // Там же; Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 года // Там же; Воспоминания Комогорова А.В. 1926 г.р. Записано в с. Раскатиха Притобольного района Курганской области в марте 2015 года // Там же; Воспоминания Корюкина А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в августе 2016 года // Там же; Воспоминания Окуловских Е.Л. 1920 г.р. Записано в г. Кургане в декабре 2014 года // Там же; Воспоминания Сахарова А.С. 1927 г.р. Записано в с. Белозерское Курганской области в феврале 2015 года // Там же; Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 года // Там же.

² Анналы экономической и социальной истории. Избранное / В.В. Анашвили, А.Л. Погорельский. М., 2007.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. в 3 томах. М., 1986-1992.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Другой подход к изучению повседневности был предложен А. Людтке¹ и К. Гинсбургом², обратившимся к микроистории – анализу малых жизненных миров в небольшом временном отрезке; в центр исследования они ставили группу простых обывателей или единичного человека. Методы германской истории повседневности получили наибольшую популярность в отечественной историографии, особенно применительно к XX веку. Теоретическое изучение истории повседневности в России началось в 1980-е гг. и связано с именами А.Я. Гуревича³, Л.Ю. Бессмертного⁴, Н.Л. Пушкаревой⁵, Н.Б. Лебиной⁶ и др., однако к темам, имеющим отношение к предмету истории повседневности, обращались и ранее, сосредотачиваясь на описании быта и привычек.

Открытие темы детства произошло во многом благодаря американскому антропологу М. Мид⁷ – она стала одним из первых исследователей, обративших внимание на особость детей как социальной группы и необходимость их изучения. В 1960-х гг. исследованиями в области истории детства занялся Ф. Арьес, работа которого была опубликована в России в 1999 г.⁸, с чем связана актуализация темы детства среди отечественных ученых.

В диссертационном исследовании автор опирается на принципы историзма и научной объективности. Для реконструкции сюжетов из жизни детей, иллюстрирующих как повседневную рутину, так и необычные ситуации, типичные для детской жизни изучаемого периода, он обращается региональным источникам, а для установления соотношения микро- и макроистории в рамках диссертации исследуются нормативные акты советской власти, работы педагогов и педологов. С помощью методов истории

¹ Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.

² Гинсбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

³ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

⁴ Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние Века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.

⁵ Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // Фонд исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения 01.06. 2014); Она же. Частная жизнь русской женщины. Невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.

⁶ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-1930 годы. СПб., 1999.

⁷ Мид М. Культура и мир детства. М., 1983.

⁸ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

повседневности осуществляется поиск взаимосвязей между бытом, условиями жизни и способом восприятия мира, а также соответствий идеальной детской повседневности, программируемой властью, и реальности. Автор использует также историко-сравнительный метод для соотношения образа детства, декларируемого властью, и реального детства в советской провинции, сравнения детства в Курганском и Шадринском регионах и центральных территориях РСФСР. Для работы с документами разных видов и их репрезентативного анализа в диссертации используется источниковедческий метод. Описательный метод помогает реконструировать сюжеты детской повседневной жизни исследуемого периода. Методы герменевтики используются для лучшего понимания источников и избежания осовременивания исторических сюжетов. Для записей интервью с современниками исследуемого периода и их интерпретации автор использует методы устной истории. Историко-типологический и историко-системный методы используются для структурирования информации, выделения закономерностей и типических сюжетов детской повседневной жизни.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Дети в советской России были основным материалом для создания «нового советского человека» и, в связи с этим, объектами максимального идеологического воздействия.

2. В 1920-е годы осуществлялся поиск модели семейной, социальной, образовательной политики и эффективных способов воспитания «нового человека». В связи с этим отмечается частое изменение норм, педологических идей и педагогических приемов. К концу десятилетия происходит стабилизация образа советского детства как элемента советского образа жизни.

3. Ребенок в Советской России рассматривался не только как объект воспитания, но и как субъект исторического процесса. Дети включались в политику через систему детских коммунистических организаций и должны были стать агентами власти в обществе взрослых, не сумевших расстаться с

дореволюционным мироощущением. Делегирование субъектности ребенку также служило способом воздействия на него: детей привлекал статус «маленьких взрослых», возможность быть причастными к строительству нового коммунистического мира.

4. Субъектность ребенка не только приписывалась властью, но была реальным фактором, который власти приходилось учитывать при выборе методов воспитания, обучения, пионерской работы, а также при создании продукции для детей. В отличие от взрослых дети не принимали то, что им навязывалось без учета их интересов, арсенал репрессивного воздействия на них был ограничен. Дети, в некотором смысле, пользовались большей свободой, чем взрослые граждане советского государства.

5. Поскольку усвоение советской идеологии взрослым населением советской провинции происходило неравномерно, дети часто сталкивались с идеологическими противоречиями, когда в школе провозглашался один способ отношения к миру, а дома – другой. Это заставляло ребенка делать выбор между ценностями семьи и общества и вступать в конфликт с одной из сторон, либо постоянно менять свое поведение в зависимости от окружения.

6. Несмотря на декларируемый советской властью образ «счастливого советского детства», материальные условия существования детей дома, в школе, в детском доме были тяжелыми. Это оказывало серьезное влияние на детское здоровье, психику, систему ценностей. Часто итогом вынужденного аскетизма становились мечты о богатой жизни, которые оценивались как «буржуазные», «мещанские» интересы.

7. Проекты советской власти по созданию «нового человека» реализовывались через посредников: местные исполнительные органы, партийных и комсомольских активистов, сотрудников детских учреждений (педагогов, воспитателей и лдр.), родителей. В результате до детей они доходили в интерпретированной рядом субъектов форме, не всегда соответствовавшей исходному варианту. В свою очередь власть получала искаженное представление о детстве из отчетов, газет, педологических и

педагогических разработок. Наиболее ярко разрыв между реальностью и идеальным образом детства проявлялся в провинции в силу удаленности от центральных властных структур.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней проведена комплексная реконструкция детской повседневной жизни в Курганском и Шадринском регионах в 1920-е гг.; выделены этапы изменений в детской повседневной жизни в соотношении с изменениями в законодательстве и государственной политике в сфере семьи, образования и детского призрения; выделены типы семей в зависимости от их состава и политических взглядов членов семьи; проанализировано отношение детей к социалистическим ценностям; реконструированы реальные интересы советских детей 1920-х гг., их проблемы и желания, особенности быта в семье и детском доме; рассмотрено место семьи, школы и пионерского движения в детской жизни. В диссертационном исследовании введены в оборот неопубликованные источники – архивные документы и интервью с современниками событий; опубликованные источники рассмотрены в новом ключе с привлечением методов истории повседневности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при написании обобщающих трудов, разработке лекционных курсов по истории России, истории детства, истории повседневности, социальной и социокультурной истории, для работы краеведческих кружков.

Апробация работы. Основные положения научно-исследовательской работы были обсуждены на кафедре истории и документоведения Курганского государственного университета, рассмотрены на международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Перми, Кургане. Результаты исследования были изложены в 21 научных трудах общим объемом 9,7 п.л., в том числе в 6 ведущих журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения.

ГЛАВА 1. ДЕТИ И ДЕТСТВО В ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

1.1. Детство в семейной политике Советской России 1920-х годов

Одной из детерминант повседневной жизни человека – как взрослого, так и ребенка – является представление государственной власти о том, какой она должна быть. Информацию об этом представлении мы получаем из документов законодательного характера, предписывающих и закрепляющих одни формы поведения и пространства и запрещающих другие. Идеальный образ детства реконструируется также на основе образовательных программ и других «воспитывающих» продуктов, например книг, фильмов, выпускающихся под государственным контролем, и текстов политиков и педологов непосредственно о детях и детстве. Представление о реальной жизни составляется на основании устных источников, воспоминаний, документов частного характера, материалов СМИ и других источников исследуемого периода, в частности, региональных. Сопоставление этих двух жизней и дает возможность историку, изучающему детскую повседневность, определить степень субъектно-волевой активности несовершеннолетних членов общества или зафиксировать их пассивную комфортность, одобрение предлагаемого властью образа. А также выявить препятствия, возникающие на пути приведения реальности в соответствие с идеалом. С другой стороны, прослеживая корреляцию идеальной и реальной повседневности, мы можем обнаружить тенденцию выстраивания этого идеала – насколько власть прислушивается к мнению граждан, насколько сильно влияние простого человека в истории. На наш взгляд, это значимо в процессе изучения становления и укрепления политических режимов или их падения. Другими словами, изучение детской повседневности в таком ключе позволяет установить степень осуществления советского проекта и причины его искажений.

В связи с этим, в задачи данного диссертационного исследования входит определение отношения руководящих органов страны к детям. Поскольку строительство нового социалистического общества предполагало, прежде всего, создание нового человека и главным материалом для него должны были стать дети, не испорченные капиталистическим строем империи и не порабощенные традициями.

Чтобы понять, как власть видела детство и чего ожидала от маленьких граждан, в первую очередь, необходим анализ законодательных актов, принятых в исследуемый период и так или иначе касавшихся детей – кодексов, декретов, постановлений, циркуляров ВЦИК, СНК, отдельных комиссариатов – и педологической литературы.

Законодательные акты можно разделить на несколько тематических блоков: 1) семейное законодательство и документы, касавшиеся охраны материнства и младенчества; 2) предписания, связанные с системой образования и воспитания; 3) постановления, направленные на решение проблем беспризорности, безнадзорности и асоциального образа жизни несовершеннолетних; 4) документы, связанные с бытом детей, их питанием, медицинским обслуживанием, трудовой деятельностью. Отметим, что семейное законодательство изучается, как правило, в рамках истории семьи, гендерной истории или истории права, однако не менее актуальным является и обращение к нему при изучении проблем детства.

Поскольку первое, что встречал ребенок в своей жизни, была семья, именно она необходимо должна была подвергнуться трансформации, чтобы обеспечить советскому ребенку правильное пространство взросления. Кроме того, как пишет Н.С. Сажина, целью изменений в семейном законодательстве, начавшихся сразу после Октябрьской революции было, во-первых, обеспечение женщине равноправия с мужчиной и возможности работать, во-

вторых, организация правильного идеологического воспитания детей¹. Вмешательство в мир семьи было также продиктовано необходимостью снизить детскую смертность, особенно младенческую, которая «достигала 30% от числа рождаемых, особенно в бедных семьях»², через повышение уровня гигиенической и педагогической грамотности матерей или изъятие детей на государственное воспитание, улучшение детского питания и здравоохранения. Таким образом, семейную политику определяли общие идеологические установки государства, необходимость решения проблемы гендерной асимметрии и высвобождения трудовых ресурсов, однако именно на детей предполагаемые и реальные перемены должны были оказывать наибольшее влияние.

Дореволюционная семья была автономна, закрыта для светских властей, и частично подконтрольна властям духовным, поскольку брак заключался и расторгался в церкви³, ей регламентировался и оберегался. В церкви же проходило имянаречение ребенка и его первое вхождение в социум. Поэтому главным изменением стала попытка устранить из семьи религию: с 18 декабря 1917 года действительными признавались только гражданские браки, зарегистрированные по устному или письменному заявлению в отделе записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе. В первые годы советской власти супруги сохраняли право обвенчаться в церкви, но со временем это стало грозить общественным порицанием и разрушением карьеры. В качестве замещающего ритуала большевики предложили людям обряд «комсомольской свадьбы» (также, как «комсомольскую пасху», «рождество» или «октябрины» вместо крестин⁴), так как полагалось (в большинстве случаев справедливо), что религиозность

¹ Сажина Н.С. Социальная политика в отношении материнства и детства в первые годы советской власти // Вестник Брянского государственного университета. История и политология. Право. Литературоведение. Языкознание. – 2013. – №2. С. 91-94.

² Федоров А.Н. Охрана материнства и детства в советской России в условиях революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2009. – №9 (64). С. 179.

³ Свод законов Российской империи. 1900. Том 10. Ст. 25-56 URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/> (дата обращения 03.03.16).

⁴ Красный Курган. – 1924. – №133.

основной массы населения носила не глубинный, а обрядовый характер, церковные праздники служили поводом к употреблению алкоголя и были важной частью психологической разрядки населения. Однако по факту люди продолжали венчаться, особенно в сельской местности. Также, по свидетельству людей, родившихся в конце 1920-х годов, у многих дома сохранялись иконы, люди молились и посещали храмы.

Создавать семью, как и прежде, могли мужчины от 18 и женщины от 16 лет по обоюдному согласию и при отсутствии мешающих браку обстоятельств¹, однако согласия на брак родителей или опекунов, обязательного в дореволюционной России, больше не требовалось. Процедура брака ускорилась, заключать его можно было какое угодно количество раз. Расторгнуть правовые отношения с супругом стало еще проще, чем создать их – было достаточно одностороннего обращения в отдел ЗАГС или местный суд². Это, в числе прочего, вело к снижению значимости института семьи в общественном сознании, что в первое постреволюционное десятилетие являлось частью программы по строительству коммунистического государства. Брак считался пережитком прошлого, не совместимым с коммунистическими ценностями, закрепощавшим женщину и пагубно влиявшим на детей. Однако следствиями такой политики становилось не столько освобождение женщины и ребенка, сколько безотцовщина, безнадзорность и беспризорность. Многие матери отказывались от новорожденных: неслучайно в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года отдельно оговаривались случаи нахождения брошенного младенца³. Чаще всего он попадал в дет-приемник, а оттуда – в детский дом-ясли.

¹ О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. – № 11. Ст. 160.

² О расторжении брака: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. – № 10. Ст. 152.

³ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: ВЦИК от 16.09.1918. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. № 818. Ст. 28.

На первом Всероссийском съезде по охране детства 1-8 февраля 1919 года звучали слова о кризисе индивидуальной семьи, о коммунистическом воспитании ребенка с первых лет жизни, о детских домах для всех детей¹. Однако, как писала Н.К. Крупская, «отнимать детей от родителей никто никогда и не собирался. Когда говорят об общественном воспитании детей, то под этим прежде всего понимают то, что забота о содержании детей будет снята с родителей и что общество обеспечит ребенку не только средства к существованию, но будет заботиться о том, чтобы у него было все, что необходимо для того, чтобы он мог полно и всесторонне развиваться»². Возможности для развития должны быть и у взрослых – они, предполагалось, будут жить в домах-коммунах, питаться на фабриках-кухнях, а в свободное время заниматься творчеством и самообразованием. В результате эти утопические идеи не реализовались, но сыграли определенную роль в общественном настроении и отношении к детству. Был сделан важный шаг в рамках советского законодательства к свободе родителей от детей путем легализации аборт³. Искусственное прерывание беременности имело место и прежде, но проводилось нелегально в кустарных условиях⁴, теперь же женщина получила право обращаться за помощью квалифицированных специалистов. Помимо возможности распоряжаться своим временем и жизненными циклами, это обуславливало наличие в большей степени желанных детей, а не появившихся по принципу «Бог дал», соответственно, в перспективе должно было привести к более ответственному родительству (или к полному отказу от него). Если забеременевшая женщина не хотела ребенка и не сделала аборт, она могла сдать новорожденного в приют. Если хотела – могла оставить ребенка себе, но после нескольких месяцев отпуска

¹ Федоров А.Н. Охрана материнства и детства в советской России в условиях революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2009. – №9 (64). – С.175-182.

² Крупская Н.К. Педагогические сочинения URL: <https://www.litmir.me/br/?b=237786&p=20> (дата обращения 03.03.18).

³ О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. – № 11. Ст. 160.

⁴ Лебина Н.Б. В отсутствие официальной проституции // Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 185.

должна была вернуться на производство, а его оставить в яслях, откуда он перешел бы в детский сад, а затем в школу. То есть, ребенок должен был быть максимально отстранен от матери. В связи с этим приняли ряд законодательных актов, регулировавших положение трудящихся женщин. Как пишет Н.С. Сажина, с сентября 1918 года кормящим матерям-труженицам полагался «паек первой категории или дополнительная карточка наравне с людьми, занятыми тяжелым физическим трудом»¹. С 11 ноября 1920 года работавшие женщины, воспитывавшие грудных младенцев, «имеют преимущественное право на работу в предприятиях и учреждениях вблизи места их жительства»² и преимущество при получении мест в яслях недалеко от дома или работы, на единовременное дополнительное пособие на предметы ухода за новорожденными в размере месячной средней заработной платы данной местности и пособие на кормление ребенка в размере 1/4 средней заработной платы в течение девяти месяцев со дня родов. Однако между категорией «полагалось» и объективной реальностью была разница – хотя бы потому, что яслей в то время практически не было³.

Другим нововведением стала попытка сохранить детей в неполных семьях: «забеременевшая и не состоящая в браке женщина не позднее как за 3 месяца до разрешения от бремени подает заявление..., указывая время зачатия, имя и место жительства отца»⁴. Предполагаемый отец получал извещение и в течение двух недель мог оспорить заявление женщины, в том числе, состоявшей в браке с другим, в суде. Тогда как до революции публичное признание рождения ребенка не от законного супруга лишало его всех прав состояния и имущества, передававшихся по наследству. С 1917 года

¹ Сажина Н.С. Социальная политика в отношении материнства и детства в первые годы советской власти // Вестник Брянского государственного университета. История и политология. Право. Литературоведение. Языкознание. – 2013. – №2. – С.92.

² О мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью: постановление наркомат труда РСФСР, наркомат здравоохранения РСФСР от 11.11.1920 // Известия ВЦИК Советов. 11 ноября 1920. № 253.

³ ГАКО. Ф. р-465. Оп. 1. Д. 121. Л.382.

⁴ О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. – № 11. Ст. 160.

внебрачные и брачные дети были уравнены в правах и обязанностях¹. В случае, если в момент зачатия мужчина находился «в близких отношениях с матерью ребенка, но одновременно с другими лицами»², расходы по его содержанию делились на всех возможных отцов. Если незаконный отец не желал признавать свое родительство, мать или опекун ребенка могли доказать отцовство этого человека в суде³. Содержать, ребенка должны были оба родителя в силу своих возможностей.

Новая власть уделяла большое внимание условиям содержания ребенка, правильному за ним уходу, сохранению его жизни и здоровья. В Наркомате социального обеспечения РСФСР в ноябре 1917 года был создан Отдел охраны материнства и младенчества, а после первого Всероссийского съезда комиссаров социального обеспечения 25 мая 1918 года такие отделы начали организовывать в отдельных губерниях. В числе прочего в их задачу входило «воспитание» матерей: обучение правильному обращению с детьми и основам гигиены. Предлагались меры экономической поддержки беременных и кормящих женщин, так как основными причинами детской смертности были «подорванное питание матери, кормление детей чем придется, отсутствие надлежащего ухода»⁴.

Отметим, что большинством населения страны – неграмотного или полуграмотного – ребенок не воспринимался как личность, а его смерть не переживалась как трагедия: Бог дал – бог взял, другой родится. Отдельные дети были взаимозамещаемы, особенно в младенчестве, тогда как детство само по себе имело большую ценность: бездетность в семье воспринималась как ненормальность, наказание за грехи. Новая власть боролась за своего рода персонификацию детства, объявив себя защитницей каждого ребенка и начав

¹ О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. – № 11. Ст. 160.

² Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: ВЦИК 16.09.191) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. № 818. Ст. 144.

³ О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917. // СУ РСФСР. 1917. – № 11. Ст. 160.

⁴ Федоров А.Н. Охрана материнства и детства в советской России в условиях революции и гражданской войны (1917-1920 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2009. – №9(64). – С.179.

борьбу за новый быт – здоровый и чистый. Широко проходила кампания по защите детства в средствах массовой информации, в городах и селах регулярно проводились лекции и консультации рабочих и колхозниц по проблемам детского и женского здоровья. Развитие медицинских институций и санитарного просвещения к 1925 году позволили сократить детскую смертность почти в два раза по сравнению с 1913 годом: с 280 смертей на 1000 родившихся до 129¹, снизилась детская заболеваемость и младенческая смертность².

Новое семейное законодательство должно было изменить не только отношение взрослых к детям, но и само детство. Перемены начинались с самого момента рождения. Если в дореволюционной России учет населения осуществлялся с помощью метрических книг, записи в которых вело духовенство православной и других конфессий, то теперь эту функцию должен был выполнять отдел записей браков и рождений. Семейный кодекс 1918 года утвердил необходимость подачи заявления «о рождении или о нахождении ребенка в трехдневный со дня события срок»³ с указанием, которым по счету ребенком у данных родителей являлся новорожденный. Запись подкреплялась подписью родителей или опекунов. Становился светским и акт имянаречения, ранее происходивший во время крещения. Более того, в 1920-е годы он получил политическую окраску: вместо привычных крестин особенно преданные делу революции родители стали проводить октябрины, детям при этом нередко давались неудобопроизносимые, по-революционному новые имена. Фамилию и гражданство ребенок получал от родителей. При отсутствии согласия между отцом и матерью по поводу религиозной принадлежности, дети считались неверующими до наступления 14-летнего возраста.

¹ Черняева Н. Идеология семейных ценностей: повторяем пройденное? // 60 параллель. – 2010. – № 2(37). URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/37/9.pdf (дата обращения 03.03.16).

² Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917 – 1940 гг. М.; СПб. 2015. 384 с.

³ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: ВЦИК 16.09.191) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. № 818. Ст. 19.

Государство и общество максимально вмешивались в детско-родительские отношения. Тем не менее, как и раньше, в обязанность родителям вменялась забота о личности несовершеннолетних детей, воспитании и «подготовлении их к полезной деятельности»¹, защита личных и имущественных интересов детей, представительство их в суде и вне его. Родители могли отдавать детей на воспитание и обучение, заключать договоры о найме несовершеннолетнего ребенка с его на то согласия. При этом законом гарантировалась полная самостоятельность каждого члена семьи: супруги не имели права на имущество друг друга, дети не имели права на имущество родителей, а родители – на имущество детей. Однако все обязаны были заботиться о несовершеннолетних, нетрудоспособных и нуждавшихся членах семьи. «Закон 1918 г. создал совокупность гражданских субъектов (муж, жена, ребёнок) на месте прежде недифференцированного субъекта под названием «семья», определив круг взаимных прав и обязанностей этих субъектов по отношению друг к другу. Впервые в российском законодательстве право ребёнка на попечение родителей было закреплено в законе», отмечает Н. Черняева².

Большую власть получили органы опеки. В частности, согласно Декрету СНК РСФСР от 17 мая 1926 года отмечалось: «Суд может постановить об отобрании детей от родителей, хотя бы из них только один был лишен родительских прав»³ на любой срок. Органы опеки могли отобрать ребенка до решения суда, если считали пребывание его в данной семье опасным, а ходатайствовать о восстановлении родительских прав запрещалось до истечения года после их лишения. Причем родители продолжали нести издержки на содержание детей. В новом Кодексе законов о браке, семье и

¹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: ВЦИК 16.09.191) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. № 818. Ст. 154.

² Черняева Н. Идеология семейных ценностей: повторяем пройденное? // 60 параллель. – 2010. – № 2(37) // URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/37/9.pdf (дата обращения 03.03.16).

³ Об изменении статей 153, 161 и 169 кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: декрет ВЦИК РСФСР, СНК РСФСР от 17.05.1926 // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2912.htm (дата обращения 03.03.16).

опеке, вступившем в силу 19 ноября 1926 года, прописывалось, что поводом для лишения родительских прав может служить невыполнение родителями своих обязанностей, неправомерное осуществления ими своих прав, а также жестокое обращение с детьми¹.

С середины 1920-х годов семья перестала рассматриваться как отмирающий институт. Целью было провозглашено урегулирование «правовых отношений, вытекающих из брака, семьи и опеки на основе нового революционного быта, для обеспечения интересов матери и особенно детей и уравнивания супругов в имущественном отношении и в отношении воспитания детей»². Регистрация брака из необязательной становилась желательной, брачный возраст, а значит, и начало совершеннолетия, устанавливался одинаковый для юношей и девушек – 18 лет. Была признана общность имущества, нажитого супругами в браке, даже незарегистрированном. С другой стороны, получить содержание от отца незаконнорожденного ребенка стало сложнее: время, которое давалось мужчине на опровержение факта отцовства увеличилось: месяц после извещения о заявлении женщины и еще год после внесения его имени в книгу записи рождений, а если женщина называла сразу несколько мужчин, обязанности отцовства не распределялись между всеми, как раньше, а делегировались одному из них³.

Так как идея об общественном воспитании себя не оправдала, а пенитенциарные учреждения не справлялись с потоком беспризорных, в 1926 году граждан призвали снова принимать сирот в свои семьи, что раньше считалось крайне нежелательным. Опека учреждалась «над несовершеннолетними до четырнадцати лет»⁴, была безвозмездной и контролировалась местными исполкомами и сельскими советами. Однако не допускалась передача детей на воспитание и обучение лицам, лишенным избирательных прав: использующим наемный труд, живущим на нетрудовой

¹ О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке (вместе с Кодексом): постановление ВЦИК РСФСР от 19.11.1926. // СУ РСФСР. 1926. – № 82. Ст. 46.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, ст. 69.

доход или занимающимся коммерцией, имеющим отношение к имперскому правящему режиму, душевнобольным и находящимся под опекой, осужденным за корыстные и порочащие преступления, а также служителям религиозных культов. Если ребенок достиг десятилетнего возраста, нужно было получить его согласие на усыновление, равно как и на отмену усыновления.

В дальнейшем курс на укрепление семьи продолжился. С 1930-х годов обязанности по воспитанию подрастающего поколения все больше возлагались на родителей, а государство оставляло за собой функцию контроля¹.

Таким образом, за десятилетие после октябрьской революции 1917 года советская власть радикально изменила отношение к детям и семейную политику в целом. Если первоначально большевики ратовали за отмену института семьи, раскрепощение женщины и национализацию детей, то к 30-м годам они перешли к политике укрепления семьи и усиления родительской ответственности. Однако общая линия на защиту детства оставалась главной.

По сравнению с дореволюционной ситуацией правовое положение детей значительно изменилось. Появилась система финансовой поддержки материнства и детства, тогда как ранее материальное благосостояние являлось частным делом. Государство установило контроль за здоровьем ребенка и санитарными условиями его содержания, взяло на себя заботу о беспризорных детях. Было устранено понятие «родительская власть», заменившие ее родительские права должны были осуществляться не пожизненно, а до совершеннолетия ребенка и исключительно в его интересах, за соблюдением которых тщательно следило государство. Ребенок из безгласного члена автономной семьи превратился в субъект права наравне с другими членами семьи-ячейки общества. Дети больше не были обязаны подчиняться родителям, рискуя в противном случае быть лишенными имущества и прав

¹ Замаараева З.П., Новоселов Н.В. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. Социологические науки. – 2012. – №6. – С.53-56.

состояния. Более того, они получили право участвовать в решении своей судьбы, начиная с десятилетнего возраста, а обучение в школе давало им возможность интеллектуально возвыситься над неграмотными старшими членами семьи. Вопрос об образовании детей перестал быть частным делом – теперь его решало государство, оно же заботилось о будущем ребенка. Государство активно вмешивалось в процесс воспитания детей, не допускало ущемления их прав и оскорбления достоинства, за жестокое обращение с детьми, невыполнение обязанностей, неуплату алиментов родителей ожидало наказание. Если до революции дети не имели права свидетельствовать против родителей в суде, то теперь они стали едва ли не главными доносчиками об их неблагонадежном поведении.

Несмотря на то, что семья признавалась частным пространством, советское государство старалось максимально ее контролировать. А поскольку это не всегда удавалось, использовало косвенные методы воздействия: создание образа идеологически правильной семьи и разных ее членов, а также агентов влияния – пионеров-школьников, в идеале должны выступать посредниками между дореволюционной и постреволюционной Россией.

1.2. Система призрения детей во властных постановлениях в 1920-е годы. Регулирование труда несовершеннолетних

Однако оставались дети, оказавшиеся за бортом семейного воспитания и пространства дома, отношение к которым за два межвоенных десятилетия радикально изменилось. Общеизвестно, что одной из важнейших внутренних проблем Советской России, особенно в 1920-е годы, была проблема беспризорности – следствие мировой и гражданской войн, усугубленное голодом, а также новой семейной политикой государства. К 1922 году в стране насчитывалось около 7 млн беспризорных детей¹, при этом нужно иметь в виду, что учету – и то с трудом из-за частых побегов и вымышленных имен – поддавались только беспризорники, попавшие в специальные детские учреждения. Уличная беспризорность была неконтролируемым явлением, оценить масштаб которого можно только приблизительно. Проблема требовала незамедлительного разрешения не только в силу своей масштабности. Шатавшиеся по улицам голодные и оборванные дети портили облик нового государства, в котором не должно было быть несчастных детей. Поэтому с беспризорностью объявили борьбу. Она стала частью борьбы за счастливое советское детство, за советскую репутацию и за производство новых людей. Однако беспризорные дети, лишённые влияния традиционалистской консервативной семьи, являлись благоприятным материалом для создания «нового человека», который вместо родителей будет уважать и любить вырастившую его советскую власть. В начале 1920-х годов они также вписывались в новую концепцию семьи, масштабы которой должны были стремиться к нулю, а дети максимально обобществляться.

В дореволюционной России забота о сиротах делилась между государственными ведомствами, церковью, общественными благотворительными организациями и частными благотворителями, «большое

¹ Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. – 2000. – № 11. С. 134.

число приютов, ночлежек и прочих учреждений детского призрения содержалось на средства частных лиц»¹, а в стране Советов проблема беспризорности должна была решаться исключительно государством. Постановлением возглавляемого Александрой Колонтай Народного комиссариата государственного призрения РСФСР от 12 декабря 1917 года были упразднены такие организации, как Совет детских приютов, подконтрольный ведомству учреждений императрицы Марии, Комитет для сбора пожертвований, Комитет для изыскания средств на устройство слабых здоровьем детей в летние санатории и другие благотворительные организации, занимавшиеся в царское время заботой о сиротах.

В ноябре 1917 года был создан Наркомат государственного призрения, переименованный в апреле 1918 года в Наркомат социального обеспечения. Он оказывал помощь несовершеннолетним и престарелым, при нем действовала Коллегия, занимавшаяся вопросами охраны материнства и детства. Действовал Совет защиты детей под руководством Луначарского – выполнял организационные функции в борьбе с беспризорностью². Но работа этих учреждений требовала денежных средств. Старые методы финансового обеспечения не действовали даже в том случае, если по своей сути не противоречили новым идеологическим установкам и не запрещались властью – люди утратили ощущение ответственности за социальные процессы, страдали от экономической нестабильности и не считали нужным помогать детям. Так, 6 января 1918 года, Народный комиссариат государственного призрения РСФСР обратился ко всем «гражданам Великой России» с письмом «О взимании налога с публичных зрелищ и увеселений». В имперское время, сообщается в документе, по всей стране исправно взимался «налог с увеселений (театров, кинематографов, цирков и прочих заведений) в пользу Министерства государственного призрения... на нужды содержания калек,

¹ Славко А.А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – С. 229.

² Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России. М., 2004. 344 с.

стариков, детей, сирот, вдов, инвалидов», теперь же многие уклоняются от уплаты, потому посетителям необходимо «строго следить за тем, чтобы каждый билет, полученный у кассы, был обязательно оклеен маркой соответственного достоинства»¹. Отметим, что государство облагало налогом в пользу беспризорных занятия, мало приличествующие человеку революционному, и этим позволяла им искупить свою неуместность.

Осенью 1918 года в России появилась Лига спасения детей - общественная организация, которая не делала различий между «красными» и «белыми», и ставила своей целью спасение всех детей независимо от политических взглядов их родителей. Как пишет А.А. Славко, Лига была утверждена СНК и какое-то время пользовалась его поддержкой, но просуществовала недолго².

Отказавшись от имперского меценатства, Советская власть призывала население к новому типу благотворительности – пролетарской, скромной, но сознательной. Декретом СНК от 7 октября 1920 года с 7-го по 14 ноября 1920 года «с целью пропаганды и помощи нуждающимся детям Советских Республик» и призыва «трудящегося населения Советских Республик к добровольному пожертвованию... всего относящегося к питанию детей и снабжению их предметами первой необходимости» была объявлена «Неделя ребенка»³. Такие недели, двухнедельники, месячники получили регулярность и широкое распространение на всей территории страны, в том числе и в Зауралье. Но осознанное отношение к детству нужно было прививать. Взрослые не только с трудом сдавали средства на борьбу с беспризорностью, но создавали условия для ее распространения, не всегда обращаясь с детьми подобающим образом.

¹ О взимании налога с публичных зрелищ и увеселений: распоряжение комиссариата государственного призрения от 6.01.1918 // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 6 января 1918. № 4.

² Славко А.А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – С. 229-234.

³ О неделе ребенка: декрет СНК от 7. 10. 1920 // СУ РСФСР. 1920. – № 82, ст. 403.

В связи с этим, в январе 1921 года начала работу Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК РСФСР (Деткомиссия ВЦИК) под председательством Ф.Э. Держинского, которая включала представителей наркоматов просвещения, здравоохранения, продовольствия, труда, рабоче-крестьянской инспекции, ВЧК и Всероссийского центра профсоюзов и обладала правом вносить законодательные предложения по улучшению жизни детей. В апреле 1921 создали 14 подкомиссий ей в помощь. На местах действовали уполномоченные Комиссии, постепенно создавались ее отделения при окружных исполнительных комитетах, в том числе, Курганская окружная комиссия по улучшению жизни детей. Она приступила к работе по решению Курганского исполкома от 4 апреля 1924 года в целях «организации плановой, систематической борьбы с детской беспризорностью и условиями, ее порождающими»¹. По инициативе Ф.Э. Держинского в 1920-е годы также получили развитие коммуны ОГПУ – «учреждения открытого типа, работавшие на принципах сознательной дисциплины и широкого самоуправления»² и оказывавшие учреждениям, ведавшим охраной жизни и здоровья беспризорных детей, помощь в обеспечении продовольствием, жильем, топливом обеспечивавшие контроль за выполнением постановлений в отношении детей, издание распоряжений, касавшихся их здоровья и охраны жизни.

Декретом СНК от 23 сентября 1921 года было утверждено Положение о детской социальной инспекции, в задачи которой должны были входить «борьба с детской беспризорностью, нищенством, проституцией, спекуляцией, правонарушениями; эксплуатацией детей и дурным с ними обращением в ремесленных, кустарных, фабричных и иных предприятиях и учреждениях, в семье»³. От ее лица действовали «детские социальные инспекторы (братья и сестры социальной помощи)», должность которых

¹ Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3

² Славко А.А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – С. 230.

³ О детской социальной инспекции (Положение): декрет СНК от 23.09.1921 // СУ РСФСР. 1921. – №16. Ст. 227.

могли занимать «граждане Республики не моложе 21 года, не находящиеся под судом или следствием,... с достаточным общим развитием и образованием, по возможности прошедшие курсы по подготовке вспомогательного педагогического персонала». Они должны «дежурить в публичных местах; посещать мастерские,.. семьи и учреждения, где злоупотребления имеют место; в случае надобности задерживать несовершеннолетних, препровождать их в детские приемные пункты; дежурить и производить допрос несовершеннолетних в приемно-распределительных пунктах»¹, которые организовывались для задержанных несовершеннолетних в городах и крупных поселениях под руководством педагога-воспитателя, при участии врача. Они были отдельными для мальчиков и для девочек и, по возможности, для детей разных возрастов и категорий.

В 1922 году возраст несовершеннолетних был снижен до 16 лет – это сократило их число и время пребывания детей на содержании учреждений призрения. Появилась тенденция к сокращению числа детских домов, переброске их воспитанников из одной местности в другую. В результате число беспризорных стало расти за счет детей, вынужденных возвращаться к бродяжнической жизни из-за отсутствия средств к существованию. В результате 20 июня 1924 года СНК запретил массовые реэвакуации детей, а также единичные без согласования с принимавшей стороной. Согласно Постановлению ВЦИК и СНК от 21 сентября 1925 года Народный комиссариат труда должен был размещать воспитанников детских домов на производственные работы. Был возрожден институт опеки и патроната – детей все чаще старались устроить в крестьянские или рабочие семьи. При выпуске из детского дома они должны были получать билет до места проживания родственников или учебы, работы, а также продовольственный паек, белье и одежду. Помимо средств местных бюджетов и незначительных государственных дотаций, деньги поступали из общесоюзного и местных

¹О детской социальной инспекции (Положение): декрет СНК от 23.09.1921 // СУ РСФСР. 1921. – №16. Ст. 227.

фондов имени В.И. Ленина, созданных для организации помощи беспризорным и несовершеннолетним 25 июля 1924 года. В 1925 году ВЦИК и СНК определили размер его номинала в 20 миллионов рублей, 10 из которых вносило Правительство РСФСР, а вторая половина должна быть собрана путем «добровольных и иных сборов, а также из отчисления от местных фондов»¹ в размере 20 процентов от собранной ими суммы. При этом средства фонда должны храниться в неприкосновенности, а «расходованию подлежат лишь проценты с этого фонда и притом исключительно на мероприятия по борьбе с беспризорностью»².

8 марта 1926 года появилось официальное Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР, в котором прописывались категории беспризорности и методы работы по ее устранению. «Беспризорными, нуждающимися в полном обеспечении и воспитании, признаются круглые сироты, не имеющие братьев и сестер, которые были бы обязаны и могли бы принять на себя заботу о них; потерявшие связь с родителями и родственниками; изъятые постановлением суда или комиссией по делам о несовершеннолетних из семьи, вследствие преступной или порочной жизни их родителей или лиц, у которых они воспитывались; подкинутые»³. Дети, которые оказались в трудной ситуации из-за тяжелой болезни родителей или опекунов или их временного отсутствия (вследствие лишения свободы, нахождения в больнице и т.д.) или живут с неработающей матерью без материальной поддержки со стороны других лиц, признаются «нуждающимися в охране, в мерах временной или частичной помощи и воспитания». При этом оговаривалось, что борьба с детской беспризорностью «осуществляется за счет местных и государственного бюджетов, за счет средств Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и местных комиссий, республиканского и местных фондов помощи беспризорным детям

¹ О местных фондах имени В.И. Ленина для организации помощи беспризорным детям: декрет ВЦИК и СНК от 26.01.1925 // СУ РСФСР. 1925. – № 8. Ст. 52.

² Там же.

³ Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР: декрет ВЦИК и СНК от 8.03.1926 // СУ РСФСР. 1926. – № 19. Ст. 143.

имени В.И. Ленина, средств общественных организаций,.. средств, получаемых от предприятий... организуемых при детских учреждениях»¹, то есть, заработанных самими детьми.

5 апреля 1926 года ВЦИК и СНК утвердили порядок и условия передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи: крестьяне получали дополнительный участок земли и материальную помощь на обзаведение хозяйством, за что обязывались воспитывать ребенка и содержать его как родного. Однако несмотря на разрешение опеки, очереди из желающих усыновить беспризорников у детских учреждений не выстроилось. Старались усилить работу по привлечению общественности: государство шло навстречу предприятиям и учреждениям, способствовавшим ликвидации беспризорности, предлагало налоговые льготы. Например, было решено «освободить от всех общегосударственных и местных налогов столовые и чайные, причем при отпуске упомянутыми столовыми и чайными пива и табачных изделий они уплачивают патентный сбор,.. установить целевую, на нужды борьбы с детской беспризорностью, надбавку к акцизу с пива, портера и эля внутреннего производства»². Билеты беспризорным, отправляемым на родину, продавались со скидкой в 50%. Делалось все, чтобы облегчить расходы и увеличить доходы детских учреждений.

Не забывались и дети с «особыми возможностями»: в ноябре 1926 года были организованы специальные учреждения для глухонемых, слепых и умственно-отсталых детей и подростков для подготовки их «через школу и труд... к общественно-полезной трудовой деятельности»³. К концу 1920-х годов, с постепенным тяготением к плановому хозяйству, был принят трехлетний ориентировочный план борьбы с детской беспризорностью, который определил категории детей, имевших право на социальную помощь, виды этой помощи, и разграничил функции между ведомствами и

¹Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР: декрет ВЦИК и СНК от 8.03.1926 // СУ РСФСР. 1926. – № 19. Ст. 143.

² Там же.

³ Об учреждениях для глухонемых, слепых и умственно-отсталых детей и подростков: декрет СНК от 23.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. – №83. Ст. 613.

организациями в деле борьбы с детской беспризорностью. В его рамках предполагался рост финансирования детских учреждений, в связи с чем пересматривались местные бюджеты. Должно было быть обеспечено профессиональное обучение воспитанников и их трудоустройство после выпуска. Продолжалась работа по распространению опеки и патроната и профилактике отказов женщин от новорожденных.

Как следует из Письма ВЦИК от 11 июня 1928 года, несмотря на запрещение реэвакуации беспризорных в 1924 году, данная практика продолжала сохраняться: «До настоящего времени наблюдаются случаи беспорядочной эвакуации беспризорных и безнадзорных детей, приводящей к усилению детской беспризорности и тормозящей плановое проведение мероприятий по ликвидации последней»¹. Отмечалось, что при вынужденной отправке на новое место жительства дети должны быть снабжены билетами, одеждой и всем необходимым и передвигаться в сопровождении руководителя. За нарушения закона полагалась материальная, уголовная и дисциплинарная ответственности.

В том же году было предложено увеличить ассигнование детских домов из местных бюджетов, создать улучшенные проекты их зданий, поднять уровень материального благосостояния сотрудников детских учреждений и повысить их квалификацию, реорганизовать учебно-производственные мастерские «в направлении укрупнения и улучшения оборудования... для охвата всех воспитанников детских домов старше 13-летнего возраста»², организовать постоянное шефство предприятий над всеми детскими учреждениями.

19 марта 1928 года Наркомпросом была поставлена задача ликвидировать уличную беспризорность к весне 1929-го. Медико-педагогическими мерами решили не ограничиваться. В ночь с 12 на 13 апреля 1928 года, пишет А.А. Славко, произошло массовое «изъятие», отлов беспризорных по всей стране,

¹ Письмо ВЦИК от 11.06.1928/ URL: http://gospismo.ru/library/sssripismo_6/ (дата обращения 20.05.18)

² О мерах к улучшению положения и работы детских домов: постановление ВЦИК и СНК от 3.09.1928 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 29 ноября 1928. № 227.

организованные облавы на места их скопления¹. Пойманных отправляли в детские учреждения, в том числе против их воли, что было прямым нарушением их прав. С этого момента беспризорность приравнивается к преступности.

Что касается преступности в детской среде, неотъемлемо связанной с беспризорностью и безнадзорностью, то взгляд властей на методы борьбы с ней тоже претерпел ряд существенных изменений, начав с перевоспитания провинившихся и закончив наказанием их по всей строгости. Так, Декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» дети и подростки обоего пола до 17 лет извлекались из общей системы наказаний. «Суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних»² отменялись, работать с нарушителями должна была Комиссия для несовершеннолетних, в состав которой обязательно входил врач, представители ведомств общественного призрения, народного просвещения и юстиции. Это должно было обеспечить мягкость и педагогическую выверенность работы с ребенком, учет его психического и физического здоровья. 26 января 1918 года «для организации дела призрения за несовершеннолетними, обвиняемыми в деяниях общественно-опасного характера»³, при Народном комиссариате государственного призрения был создан Отдел призрения несовершеннолетних, в ведение которого перешли все исправительно-воспитательные «приюты, колонии и учреждения призрения малолетних и несовершеннолетних детей, всех категорий и наименований... все их имущество и капиталы»⁴. Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 года «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» окончательно упразднил суды и тюремные заключения

¹Славко А.А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. 2009. С. 229-234.

²О комиссиях для несовершеннолетних: декрет СНК РСФСР от 14.01.1918 // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 14 января 1918. № 8.

³О переходе в ведение НК Госпризрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении коллегии призрения несовершеннолетних: постановление наркомата Госпризрения РСФСР от 26.01.1918 // СУ РСФСР. 1918. – № 22. Ст. 321.

⁴Там же.

для малолетних и несовершеннолетних, а возраст наступления совершеннолетия для лиц обоего пола установил в 18 лет. Считалось, что «воспитание, обучение и лечение морально дефективных несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях, являясь задачей медико-педагогической, ...должно осуществляться... в соответствующих лечебно-воспитательных учреждениях»¹. Поскольку уровень и характер преступлений могли быть разными, степень закоренелости подростков в преступном образе жизни – тоже, в Декрете значилось, что «при рассмотрении дел о несовершеннолетних в возрасте 14-18 лет, если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия, дело передается комиссией в Народный суд»². Тяжкими общественно-опасными деяниями считались «посягательство на человеческую жизнь, причинение тяжких ран и увечья, изнасилование, разбой, грабеж, поджог, подделка денежных знаков и документов, взяточничество, крупные хищения из советских или общественных учреждений и крупная спекуляция»³. При передаче обвиненных в данных преступлениях подростков в суд, последнему ставилось условие помещать их отдельно от взрослых, для чего должны быть организованы специальные учреждения – «реформатории». К особой ответственности привлекали взрослых, виновных в подстрекательстве детей к преступлению, соучастии в нем или попустительстве, «за склонение несовершеннолетних и малолетних к проституции и половым извращениям, за сводничество; за эксплуатацию труда несовершеннолетних и малолетних; за жестокое обращение с несовершеннолетними и малолетними, в том числе и родители»⁴. Для контроля за детской преступностью на местах создавались Комиссии по делам о несовершеннолетних при отделах социально-правовой охраны

¹ О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях: декрет СНК от 4.03.1920 // СУ РСФСР. 1918 г. № 16. Ст. 227.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

несовершеннолетних (СПОН), в состав которых, также входили стол опеки, детский адресный стол и отдел юридических консультаций. Заседания Комиссий, в отличие от обычных судебных заседаний, проходили непублично, имена и фамилии несовершеннолетних запрещалось оглашать в СМИ.

Декретом СНК от 22 мая 1925 года было утверждено Положение о центральной комиссии по делам о несовершеннолетних при Народном Комиссариате Просвещения, которая должна была руководить деятельностью местных комиссий по делам о несовершеннолетних, координировать их и обеспечивать методологическую и организационную поддержку. С понижением возраста достижения совершеннолетия, число подростков, попадавших под их юрисдикцию и подлежавших исправлению медико-педагогическими мерами сократилось. Но наиболее радикальные перемены в этой области наступили в 1930-е годы. С отказом от педологических разработок менялось не только отношение к детям в целом, но и система воздействия на юных преступников. Постановлением от 7 апреля 1935 года ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» «в целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних» были ужесточены меры наказания и снижен возраст привлечения к ответственности. Так, «несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания»¹, а виновных в подстрекательстве несовершеннолетних к преступлениям грозило тюремное заключение сроком не менее 5 лет.

31 мая 1935 года вышло Постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности», в котором отмечалось плохое состояние большинства детских домов и большое число беспризорных на

¹ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: постановление СНК и ЦИК СССР от 7.04.1935 // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 381, 382.

улицах, несмотря на то, что она должна была быть ликвидирована еще в 1929 году¹. В этом обвинили местные органы, не сумевшие организовать процесс борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и вовлечь в него общественность. Сталинский лозунг «Кадры решают все» действовал и в этой сфере, отмечает Н.В. Семина². В 1935 году было «выделено» 200 коммунистов на должности заведующих детскими домами, 500 комсомольцев-активистов на должности их заместителей, 300 квалифицированных рабочих для руководства мастерскими при детских домах и большое число педагогических кадров. До этого в детских дома в основном работали люди с начальным образованием. Ответственность за устройство и своевременное обеспечение детей-сирот возложили на председателей городских и сельских советов. Опекунам отныне грозило уголовное наказание за использование детей в корыстных целях. Усилилась ответственность родителей: за хулиганство ребенка они стали должны уплачивать штраф в размере 200 рублей, при невыполнении ими родительских обязанностей ребенок изымался из семьи и помещался в детский дом, причем родители обязывались оплачивать все расходы по его содержанию. Вместе с тем, возросла и помощь государства. Кассам взаимопомощи в колхозах выделили 5 млн рублей для поддержки детей из бедных семей. В школах должны были появиться посты охраны детства. Предполагалось усилить культурно-массовую работу среди детей: распространялось детское кино и спектакли, снижались цены на музейные экскурсии. 1 апреля 1936 года вышло Постановление «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» – приемным семьям колхозников предлагалась помощь в приобретении мелкого и крупного скота и постройке дома, ежемесячное материальное пособие³.

¹ О ликвидации беспризорности и безнадзорности: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 // Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.). М., 1938. С. 351, 352.

² Семина Н.В. Правовые основы борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в 1930-е гг в России // Известия Пензенского ГПУ им. Белинского. – 2012. – №27. – С 969- 973.

³ О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1.04.1936 // СУ РСФСР. 1936. – № 9. Ст. 49.

В 1930-е годы беспризорность – не стихийное явление, отмечает Н.В. Семина. На улицах жили, в основном, дети врагов народа – постановлением 1934 года родственникам запрещалось брать их к себе. В документах маленьких детей в графах «мать» и «отец» ставились прочерки, взрослые же проходили процедуру отказа от родителей. В целом стоит отметить, что к середине 1930-х годов власть ужесточила отношение к выпадавшим из общественных идеалов и установок детям. Ответственность снималась с власти и перекладывалась на окружение ребенка и самого ребенка. Когда революция и войны остались позади, поводов для оправдания девиантного поведения стало гораздо меньше: были созданы все условия для «счастливого детства», а те, кто не желал ими пользоваться и нарушал властные предписания, должны были быть наказаны независимо от возраста и не заслуживали внимания общественности. Со второй половины 1930-х годов в официальных источниках практически исчезает информация о беспризорных, чтобы не омрачать картину советских достижений.

На фоне идеи счастливого советского детства интересно отношение государства к детскому труду, который, во-первых, в сложившихся экономических условиях был неизбежен, во-вторых, являлся важной составляющей идеологического воспитания, в том числе, в детских домах и колониях. Связь школы и производства, открытие школ крестьянской молодежи и школ ФЗО, создание мастерских при детских домах и колониях, классовая дискриминация «нетрудовых элементов» должны были делать труд необходимостью и честью одновременно. Поэтому допуск подростка к взрослому производству являлся, с одной стороны, актом доверия, включением в процесс коммунистического строительства, подтверждением равенства детей и взрослых, и предоставлением возможности самореализации. С другой стороны, он был, нередко, единственным способом обеспечить ребенка питанием и не дать ему вернуться к беспризорной жизни. А в некоторых случаях – например, в годы войны – и необходимым условием поддержания государства. Так, Постановлением от 3 июля 1919 года «О

применении труда малолетних», Народный комиссариат труда РСФСР запретил принимать на работу и регистрировать «в отделах распределения рабочей силы малолетних до 16 лет»¹, но в случаях острой материальной нужды и невозможности социального обеспечения государством разрешил работать подросткам с 14 лет, при условии, что «работа малолетних от 14 до 16 лет, оставляемых с разрешения (трудового) инспектора на работе, не должна превышать 4 часов в сутки»² и оплачиваться как полный рабочий день подростка. Дети до 14 лет подлежали снятию с работы и размещению «по общим и профессиональным школам и соответственным обеспечением их»³. При снятии ребенка с работы ему полагалось пособие в размере получаемого ранее заработка, если он жил только на него, и в размере, необходимом для доведения доходов семьи до прожиточного минимума, если он жил не самостоятельно. Однако стремление ликвидировать эксплуатацию детского труда, в которой советские власти упрекали капитализм буржуазных стран, встретилось с враждебной реальностью. В условиях гражданской войны постановлением от 11 декабря 1920 года допускались даже сверхурочные работы детей «на предприятиях, работающих на оборону, и в предприятиях и учреждениях исключительно государственной важности»⁴, при условии, что они не будут превышать 1-2 часов. Исключение составляли учащиеся подростки, которые, «в целях предоставления им возможности нормального обучения... должны быть беспрепятственно увольняемы с места работы»⁵ по заявлению, правда, при наличии удостоверения о «нормальном темпе» занятий в учебном учреждении, а рабочий день учащихся, остававшихся на производстве, не должен был превышать 4 часов в сутки. Сокращать им заработную плату при этом запрещалось. Очередной месячный отпуск подросткам до 18 лет предписывалось назначать в летнее время, до 1 октября,

¹ О применении труда малолетних: постановление наркомата труда РСФСР от 3.07.1919 // СУ РСФСР. 1919. – № 34. Ст. 338.

² Там же.

³ Там же.

⁴ О сверхурочных работах несовершеннолетних: постановление наркомата труда РСФСР, ВЦСПР от 11.12.1920 // Известия ВЦИК Советов. 11 декабря 1920. № 279.

⁵ Там же.

чтобы они могли полноценно отдохнуть, в том числе, в летних колониях и на спортивных площадках.

После гражданской войны, государство на законодательном уровне закрепило необходимость использования детского труда на производстве «для правильного восстановления квалифицированной рабочей силы». Декретом ВЦИК от 2 мая 1922 года «Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях»¹ был указан минимальный процент подростков от числа всех занятых в определенной сфере промышленности. Число детей от 15 лет особенно высоко было в полиграфической и стекольной промышленности (не ниже 13 и 12 процентов соответственно). В 1923 году инспекторам труда было дано право после предварительного освидетельствования разрешать регистрацию сирот и материально нуждавшихся детей соответствующего возраста на биржах труда или «направлять на работы, связанные с обучением – как-то: школы фабрично-заводского ученичества, районные школы, мастерские, профессионально-технические школы, ученические бригады и индивидуальные обучения»². Кроме того, детские дома и колонии были обязаны заботиться о трудоустройстве своих выпускников, в связи с чем заключали соответствующие договора с предприятиями. Труд в пролетарском государстве должен быть общим делом, но, вместе с тем, считалось необходимым избегать негативного воздействия перенапряжения на организм подрастающего «нового человека».

Таким образом, место беспризорных детей в советском проекте по созданию человека и методы работы с ними радикально поменялись ко второму десятилетию советской власти. Отметим, что перемены в сфере призрения детей шли параллельно с изменениями семейного законодательства. Заявив радикальные цели по перестройке общества в начале

¹ Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях: декрет ВЦИК от 2.05.1922 // СУ РСФСР. 1922. – № 39. Ст. 447.

² О труде малолетних в возрасте от 14-ти до 16-ти лет: постановление наркомата труда РСФСР и ВЦСПС от 19.06.1923 года // СУ РСФСР. 1923. – №57. Ст. 529.

1920-х годов, советская власть не могла не отметить положительных сторон в проблеме беспризорности – основным вопросом был поиск финансовых средств и педагогических методов, должных обеспечить воспитание детей вне семьи, в альтернативном, государственно-коммунистическом пространстве. Это было также время экспериментов – воспитание трудом, создание производственных колоний и детских трудовых коммун как идеальных общежительных пространств советского общества. Перемена в политике и появление вектора на семейное воспитание может объясняться экономическими трудностями, нехваткой кадров, неспособностью справиться с потоком беспризорных, увеличивавшимся за счет распада семей. Кроме того, ужесточение контроля над трудными подростками, переход от системы перевоспитания к системе наказаний совпадает с переходом к тоталитарным тенденциям в государственной политике. Но все это может быть также реакцией власти на запрос общества, не собиравшегося отказываться от консервативных ценностей – то есть, результатом столкновения спроектированного идеального образа и реалий повседневности, воли власти и миллионов воль простых людей, в том числе и детей.

1.3. Законодательное регулирование системы образования в Советской России 1920-х годов и его влияние на детскую повседневность

В Советской России одним из главных средств идеологического контроля над молодым поколением и способом создания нового человека служило образование, охватывавшее как детей из семей, так и из пенитенциарных учреждений. Как отмечает О.В. Бердова, «школа была обязана закрепить победу революции воспитанием будущих поколений»¹. Ликвидация неграмотности, пишет В.Г. Безрогов, имела целью не борьбу с умственной и духовной необразованностью, а укоренение идеологии в массовом сознании: «Учащиеся приобретали грамотность, одновременно усваивая официальный дискурс»². В партийной программе ВКП(б) 1919 года провозглашалось: «Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм»³. В связи с этим планировалось введение бесплатного и обязательного всеобщего образования, создание сети дошкольных учреждений, снабжение всех учащихся одеждой, обувью, учебниками и бесплатным питанием, государственная помощь рабочим и крестьянам в занятии самообразованием, развитие и поддержка профессионального образования, свободный доступ в высшие учебные учреждения всем желающим учиться и другие позитивные новшества в сфере народного просвещения. Достижение конечной цели революции без качественной образовательной системы представлялось мало возможным.

¹ Бердова О.В. Из истории школьного образования и костромского учительства периода формирования советской школы (1918–1930) // Вестник КГУ им.Н.А.Некрасова. Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – №4. – С.228.

² Безрогов В.Г. Практики письма в начальной школе первых советских поколений // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2012. – №11. – С. 54.

³ Программа всесоюзной коммунистической партии большевиков // URL: <http://libelli.ru/works/program.htm> (дата обращения 20.04.16).

Идея всеобщего образования не только школьного и профессионального, но и дошкольного, и внешкольного была связана также со стремлением к освобождению и раскрепощению женщины. Воспитывая и обучая ребенка, в том числе и вне школы, государство достигало, как минимум, двух целей: занимало детское время, освобождая мать для производительного труда, а детское сознание – от воздействия традиционалистского материнского мировоззрения. «Мы должны изъять детей из-под грубого влияния семьи,.. взять их на учет, скажем прямо – национализировать. С первых же дней их жизни они будут находиться под благотворным влиянием коммунистических детских садов и школ», – отмечал советский педагог А.Б. Залкинд¹, правда, спустя десять лет после принятия вышеупомянутой программы. «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование», прописано в Конституции РСФСР 1918 года².

Исходя из этого, еще в Положении «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики», утвержденном Декретом ВЦИК от 16 октября 1918 года³, значилось, что обучение в школе 1-й и 2-й ступеней должно быть бесплатным, а посещение ее – обязательным для всех детей соответствующего возраста. В реальности добиться заявленных целей удалось только спустя почти 20 лет. «До сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении, – кроме закона есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь.... мы спотыкаемся о недостаточную культурность масс», – отмечал В.И. Ленин

¹ Залкинд А.Б. Педология в СССР. М., 1929. С. 36

² Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 1918. Ст. 17 // Петроград: Изд. Петроградского Совета рабочих и красн. депутатов, 1918. – 16 с.

³ Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики (Положение): декрет ВЦИК от 16.10.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1026-1030.

весной 1919 года¹. Изучение декретов и постановлений, касавшихся сферы образования, позволяет проследить, во-первых, изменение отношения властей к народному просвещению в 1920-е годы, во-вторых, проанализировать существовавшие в этой области проблемы, в-третьих, понять отношение власти к детям через предъявлявшиеся к ним требования и условия, создававшиеся для их развития.

Сразу после революции необходимо было устранить несоответствие старой системы образования новым социалистическим принципам, в первую очередь, в области управления образовательными учреждениями. Согласно Постановлению Народного комиссариата просвещения «О реформе средней школы»² от 29 ноября 1917 года, высшим руководящим органом в школе становился педагогический совет (комитет), в котором с правом решающего голоса участвовали представители хозяйственного и родительского комитетов, а также представитель учащихся старших классов. Спустя несколько месяцев были упразднены «должности директоров и инспекторов народных училищ, а равно губернские дирекции и инспекции и их канцелярии»³, их места заняли выборные председатель педагогического совета с товарищем и секретарем.

Вторым важным новшеством, непосредственно затронувшим детей, было освобождение школы от влияния религии. «Дела воспитания и образования» перешли из Духовного ведомства в ведение Комиссариата народного просвещения: ему передавались все учебные учреждения «со штатами, ассигновками, движимыми и недвижимыми имуществами»⁴. С 23 января 1918 года запрещалось «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и

¹ Ленин, В.И. VIII съезд РКП(б) [Текст] / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: 1970. С. 56-91.

² О реформе средней школы: постановление Народного комиссариата по просвещению (Наркомпрос) РСФСР от 29. 11. 1917 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 61.

³ Об упразднении должностей директоров, инспекторов народных училищ, и губернских дирекций и инспекций: постановление Наркомпроса РСФСР от 20.01.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 274.

⁴ О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению: постановление Наркомпроса РСФСР от 11.12.1917 // Известия ВЦИК Советов. 5 июня 1918. №113.

общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы»¹, однако, по закону у граждан оставалась возможность получать религиозное образование в частном порядке.

Дело народного образования становилось частью более общего процесса народного просвещения: «все здания и помещения низших, средних и высших учебных заведений и благотворительных обществ могут быть занимаемы для культурно-просветительных целей во время, свободное от занятий»² под контролем местных Советов или других органов самоуправления (сельских обществ и волостных земств).

Происходила демократизация письменного русского языка: 23 декабря 1917 года было введено новое правописание. В результате обучение грамоте становилось более простым и доступным, письмо унифицировалось. В связи с этим, стоит отметить, что начальное образование в дореволюционной России предполагало весьма поверхностное обучение письму. Тексты, как правило, заучивали наизусть, а писать умели немногие, отмечает В.Г. Безрогов³. Советская власть делала эту чиновничью привилегию доступной каждому гражданину и возвышала грамотного ребенка над необразованным взрослым.

Следующее революционное нововведение – уничтожение половой дифференциации: в мае 1918 года во всех учебных заведениях было введено обязательное совместное обучение разнополых детей. В бывшие мужские гимназии, школы, училища, вузы должен был проводиться добор девочек и наоборот, «чтобы количество учащихся обоего пола по классам было возможно более равномерно»⁴. Сами гимназии и другие учреждения среднего образования были упразднены – их заменила Единая трудовая школа. Эффект

¹ Об отделении церкви от государства и школы от церкви: декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 23.01.1918 // СУ РСФСР. 1918. – № 18, ст. 263.

² О представлении всех зданий и помещений низших, средних и высших учебных заведений и благотворительных обществ во время, свободное от занятий для культурно-просветительных целей: постановление Наркомпроса РСФСР от 18.12.1917 // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 21 декабря 1917. № 38.

³ Безрогов В.Г. Практики письма в начальной школе первых советских поколений // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2012. – №11. – С. 54-62.

⁴ О введении обязательного совместного обучения: постановление Наркомпроса РСФСР от 31.05.1918 // Известия ВЦИК Советов. 31 мая 1918. № 109.

от совместного обучения дополнялся унифицированным обращением «товарищ» к детям обоего пола.

Менялось управление системой образования на ведомственном и государственном уровне. Декретом СНК 5 июня 1918 года «для преобразования учебно-воспитательного дела, объединения и обновления его на началах новой педагогики и социализма, все начальные, средние, высшие, открытые и закрытые, общеобразовательные и специальные учебные заведения,.. а также и учреждения дошкольного воспитания и внешкольного образования, казенные, общественные и частные, передаются в ведомство Народного комиссариата просвещения»¹. Вместе с учреждением передавался находившийся в его собственности инвентарь, библиотеки, усадьбы и другое движимое и недвижимое имущество. Государственная комиссия по просвещению выработывала план организации народного образования, основы школьного устройства, распределяла и учитывала имевшиеся денежные средства. Однако, как отмечалось в декрете об ее учреждении, «Государственная комиссия по народному образованию... не является центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Самостоятельная работа... рабочих, солдатских, крестьянских культурно-просветительных организаций должна обладать полной автономией как по отношению к государственному центру, так и по отношению к центрам муниципальным»². Тем не менее, создавалась административная вертикаль, координировавшая образовательный процесс: на местах действовали Отделы народного образования (ОНО) – областные, губернские, уездные и волостные, при них – Советы народного образования соответствующего уровня. Важно, что в них могли входить несовершеннолетние с 14 лет: подрастающее поколение получало право голоса и возможность влиять на образовательный процесс.

¹ О передаче в ведение Народного комиссариата просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств: декрет СНК РСФСР от 5.06.1918 // Известия ВЦИК Советов. 5 июня 1918. №113.

² Об учреждении Государственной комиссии по просвещению: декрет СНК РСФСР от 11.09.1917 // СУ РСФСР. 1917. – № 3, ст. 32.

Волостные ОНО занимались непосредственно осуществлением плана распространения всеобщей грамотности, должны были организовывать общественно-трудовое воспитание и образование всего населения волости, вести учет детей дошкольного и школьного возраста, контролировать посещаемость учебных учреждений, организовывать выборы учителей населением. В первые годы существования советской школы педагогический персонал был выборным, и только административный подлежал назначению. Совет Народного образования выступал общественным регулятором деятельности ОНО. В волости он должен был собираться не реже раза в месяц. В случае несогласия с отделом образования по какому-либо вопросу, он мог обращаться в волостной Совет рабочих и крестьянских депутатов и в высшие инстанции органов, ведавших народным просвещением, и требовать пересмотра принятого решения. В уезде ОНО имел более широкий аппарат, включавший дошкольный, школьный и внешкольный подотделы. В губернском ОНО действовала целая коллегия. Ее членов избирал исполком губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Губернский Совет ОНО выяснял нужды губернии в области просвещения, предлагал проекты школьных реформ, способы распространения грамотности среди губернского населения с учетом местных условий. На уровне области ОНО контролировал весь образовательный процесс в области, планировал мероприятия в сфере народного просвещения, проводил съезды по народному образованию, организовывал курсы, выставки, экскурсии.

В 1918 году всем учебным учреждениям страны, состоявшим в ведении Наркомпроса, кроме вузов, было присвоено наименование «Единая трудовая школа» (ЕТШ) или сокращенное «Советская». Вместо системы разных школ, дававших разный уровень знаний, создавалась единая школа, обеспечивавшая поступательное, комплексное, политехническое образование каждого учащегося. Она разделялась на две ступени: первая предлагала 5-летний курс для детей от 8 до 13 лет, вторая – 4-летний курс от 13 до 17 лет. В эту структуру также входил детский сад для детей от 6 до 8 лет. Новая школа

должна была быть открыта для всех, руководствоваться гибким учебным планом, способным подстроиться под конкретные условия, уделять большое внимание физической культуре детей и их эстетическому воспитанию. Основой обучения в ЕТШ должен был стать труд. Он выступал важным фактором, помогавшим самоорганизации и самодисциплине учащихся, и воспринимался «не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только как метод преподавания, но, именно, как производительный общественно-необходимый труд»¹. Отмечалось, что «трудовое начало станет мощным педагогическим средством.., если труд в школе будет творчески радостным, свободным от приемов насилия над личностью учащегося и при всем этом планомерно и социально организованным»².

Бесплатное, совместное, безрелигиозное, обязательное обучение в ЕТШ, согласно ее уставу, принятому 16 октября 1918 года, в местностях с достаточным количеством школ должно было вводиться немедленно. Местные ОНО обязывались приступить к разработке плана школьной сети, учету всех детей школьного возраста, составлению смет на постройку и оборудование школ, зарплату учителей, организацию питания детей и снабжения их обувью, одеждой и учебными пособиями. Данные установки носили, по большей части, декларативный характер, так как не могли быть воплощены в реальность в условиях гражданской войны. Не только в 1918 году, но и на протяжении 1920-х в большинстве местностей количество учащихся не превышало 60% от всех детей школьного возраста.

Руководство новой школой, согласно Уставу, было весьма демократичным. Во главе учебного заведения стоял школьный совет, в который входили все школьные работники, «представители трудового населения данного школьного района в количестве 1/4 числа школьных

¹ Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики (Положение): декрет ВЦИК от 16.10.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1026-1030.

² Там же.

работников»¹, столько же учащихся от 12 лет, и представитель ОНО. Совет распределял учеников по группам, утверждал учебные планы и программы, следил за хозяйственной работой, составлял сметы и отчеты, и школьную инструкцию – о внутреннем строе жизни школьной коммуны, которая должна была основываться «на началах полной свободы объединения всех членов коллектива в группы и кружки, преследующие образовательные и воспитательные цели»². Назначались инструкторы при ОНО, обязанные посещать школы и оказывать учащим методическую поддержку.

В соответствии с Уставом, радикальным образом менялись отношения учителя (отныне «школьного работника») и ученика. Упразднялись старые понятия о строгой дисциплине. Обязательные домашние задания были запрещены, наказания – тоже, экзамены отменялись. Педагог должен был не передавать знания бесправному и послушному объекту, а направлять учащегося, который становился полноценным субъектом образовательного процесса, в самостоятельном поиске знаний. Это в корне меняло представление ребенка о самом себе, его самоощущение и отношение к окружающему миру.

Привычные нам классы в школе 1920-х заменялись группами, причем учащихся делили не по возрасту, а по степени подготовленности. Ребятам полагался горячий завтрак, приготовленный с учетом гигиенических норм, за состоянием здоровья должен был регулярно наблюдать врач. Каждой школе полагался земельный участок, необходимый как для ее самообеспечения, так и для трудового воспитания учеников.

Обычные школьные занятия, как и сегодня, проходили с 1 сентября по 1 июня. Первый летний месяц отводился для занятий под открытым небом, в июле и августе были каникулы. Кроме этого дети отдыхали по две недели зимой (23 декабря – 7 января) и весной (1 – 14 апреля). В учебное время школа

¹Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики (Положение): декрет ВЦИК от 16.10.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. Ст. 32.

² Там же.

работала без выходных. Два раза в неделю выделялись дни отдыха для ребят – в один из них занятий не было вообще, только экскурсии, спектакли, и тому подобное, второй был рабочим на половину – с клубными и лабораторными занятиями, ученическими собраниями. Так или иначе, дети должны были ежедневно, за исключением каникул, приходиться в школу, которая являлась средоточием не только учебной, но и общественной жизни и, соответственно, важной частью их повседневности. Эта постоянная занятость облегчалась тем, что учебный день был довольно непродолжителен: «учебные занятия для учащихся в школе 1-й ступени не должны превышать в первые три года 4-х часов и в остальные два года – 5 часов, а на 2-й ступени – 6 часов»¹. Предполагалась организация образовательного процесса вне школы, причем не только детей, но и всего населения. В связи с этим, 4 июня 1919 года вышло особое Постановление Наркомпроса РСФСР. Согласно ему, задача внешкольного образования – «содействие интеллектуальному, эстетическому и физическому развитию взрослых и подростков послешкольного возраста»². Заниматься им могли частные и общественные учреждения, с условием, что их воспитательная работа носит светский характер и не была направлена против советской власти.

Не обделялись вниманием также дети младшего возраста и юношество. С сентября 1919 года должны были непрерывно работать дошкольные учреждения, «переходя на лето в дошкольные колонии и площадки»³. Для молодых людей от 16 до 18 лет организовывалась общая допризывная военная подготовка. Ее обязаны были пройти все юноши, девушки - по желанию. Военная подготовка детей до 16 лет сводилась к школьным занятиям физкультурой – они проходили не реже 6 раз в неделю и были обязательны для детей и подростков обоих полов.

¹Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики (Положение): декрет ВЦИК от 16.10.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1026-1030.

² Об организации дела внешкольного образования в РСФСР (Положение): постановление Наркомпроса РСФСР от 4.06.1919 // СУ РСФСР. 1919. — № 21. Ст. 267.

³ О непрерывности занятий в дошкольных учреждениях: постановление Наркомпроса РСФСР от 20.09.1919 // СУ РСФСР. 1919. – № 47. Ст. 453.

Однако все вышеперечисленное являлось некими идеальными установками, к реализации которых стремилась советская власть, действительность же была очень далека от желаемого. К середине 1920-х годов стало ясно, что принятые в первые послереволюционные годы нормативно-правовые акты, касавшиеся сферы образования и просвещения, не отвечают условиям времени, и их постановления не могут быть выполнены. В 1923 году, в связи с этим, выходит новый Устав единой трудовой школы¹, в котором уточнены некоторые пункты (например, полномочия школьного совета), а некоторые – изменены (например, о доступности образования). Школа 1-й ступени включала теперь четыре, а не пять возрастных групп (для детей от 8 до 12 лет), школа 2-й ступени – пять.

Наметилась тенденция к централизации системы образования. Согласно утвержденному декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 5 октября 1925 года «Положению о народном комиссариате просвещения РСФСР», Наркомпрос владел всеми рычагами идеологического воздействия на население республики от образовательных до культурных. Он руководил «научной, ученой, учебной, политико-просветительной и художественной деятельностью как общего, так и профессионального характера»², в его состав входили соответствующие структуры от Государственного ученого совета (ГУС) до Госкино и Объединения предприятий музыкальной промышленности (Музпред). Заведующего школой, согласно уставу ЕТШ 1923 года, назначал ОНО из лиц с педагогическим стажем, он же назначал и увольнял школьных работников (ранее – выборных). Заведующий мог приостанавливать исполнение постановлений школьного совета при несогласии с ними. Окончательное решение спорного вопроса могло приниматься только местным Отделом народного образования. Изменилось число учащихся в школьном совете. Теперь они составляли не четверть от педагогического состава, а

¹ Устав единой трудовой школы: декрет СНК РСФСР от 18.12.1923 // Известия ВЦИК. 28 декабря 1923. № 296.

² Положение о Народном комиссариате просвещения РСФСР: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 5.11.1925 // Известия. 21 октября 1925. № 241.

представляли в совет по одному человеку от каждой группы, начиная с четвертого года обучения, - то есть на совете в школах второй ступени присутствовало, минимум, пять учеников (если школа однокомплектная), а в школе первой ступени всего один. Кроме них в совет входил врач, представитель технического персонала и воспитателей детского дома (если в школе обучались дети из него). «Трудящиеся» и представитель ОНО из состава совета исключались – это был сугубо школьный орган управления, который созывался заведующим не менее одного раза в месяц для решения вопросов, связанных с приемом, обучением ребят, организацией их отдыха и труда и прочих аспектов школьной жизни.

Взгляд на возможность всеобщего образования стал более рациональным: было очевидно, что стопроцентный охват детей школьного возраста обучением невозможен в силу ряда объективных и субъективных причин. Поэтому в новом Уставе оговаривалось, что, «в случаях, когда развитие школьной сети не позволяет принять в школу всех детей, преимущество при приеме отдается детям трудящихся»¹, хотя в идеале доступ к образованию был открыт для всех. «В основу работы школы кладется всестороннее теоретическое и практическое изучение трудовой деятельности людей и ее организации», при этом она должна «опираться на окружающую производственную деятельность»², строить учебный план в тесной связи с местным производством и отводить большое место производственному труду. Таким образом, образование носило ярко выраженный классовый характер: «Вся работа в школе и весь строй жизни ее должны способствовать выработке в учащихся классового пролетарского самосознания и инстинктов, осознанию солидарности всех трудящихся в борьбе с капиталом, а равно подготовке к полезной производительной и общественно-политической деятельности. В этих целях должны быть используемы коллективный труд в школе и вне последней, установление связи с трудящимися массами, организация юных

¹ Устав единой трудовой школы: декрет СНК РСФСР от 18.12.1923 // Известия ВЦИК. 28 декабря 1923. № 296.

² Там же.

пионеров, коллективное чтение и беседы...»¹. Естественно, что детям из не пролетарских и не крестьянских семей здесь не было места. С запретом Уставом ЕТШ частных школ, а Постановлением Наркомпроса от 22 декабря 1923 года – занятий вне школы с группами из более, чем трех детей, и индивидуального репетиторства педагогов они, практически, теряли шансы на получение образования. Так несовершеннолетние жители страны вовлекались в острые политические и социальные процессы, что также отражалось на их повседневности.

За обучение в школе, изначально объявленное бесплатным, с 1923 года официально взималась плата, однако, с учетом финансовых возможностей граждан. Освобождались от нее с июля 1924 года рабочие и служащие, получавшие заработок менее 45 – 55 рублей. Кроме того, сумма, вносившаяся за обучение, независимо от того, сколько в семье детей-школьников, не должна была превышать пяти процентов от жалованья родителей.

В школах, ранее носивших общеобразовательный и политехнический характер, начинает вводиться специализация. Так, Постановлением одобрялся план реорганизации сельских «семилеток» и школ 2-й ступени в школы крестьянской молодежи (по одной на уезд), а городских - соответственно потребностям конкретных районов в работниках той или иной сферы - в кооперативно-торговые, производственно-технические, административно-хозяйственные и школы фабрично-заводского ученичества. Ограничивался доступ к высшему образованию: в вузы предполагалось поступать через рабфаки безупречным в классовом отношении студентам. В апреле 1925 года появилось «Положение о школах рабочих подростков», где из ребят должны были готовиться квалифицированные промышленные кадры. Школы фабрично-заводского ученичества (в том числе, школы-фабрики) содержались на средства предприятий, курс обучения в них длился 3– 4 года, принимались подростки 14 – 16 лет. Обучение здесь было тесно связано с производством и

¹Устав единой трудовой школы: декрет СНК РСФСР от 18.12.1923 // Известия ВЦИК. 28 декабря 1923. № 296.

налагало на учащихся подростков ответственность: если школьники не выполняли план обучения, их увольняли по статье 88 Кодекса законов о труде за непригодность к работе с выплатой при этом выходного пособия в размере двухнедельного заработка и предупреждением об увольнении за две недели до него. Постановлением СНК РСФСР от 23 июля 1927 года «О состоянии школ повышенного типа» предлагалось ввести систему повышенного образования (школы крестьянской молодежи, фабрично-заводские школы и т.д.) повсеместно, разработать специальные учебные планы с особым акцентом на обществоведение, малообеспеченным учащимся назначить стипендию. Так как одной из основных проблем школ повышенного типа являлся невысокий процент обслуживания школой детей рабочих и крестьян, особенно бедных и низкооплачиваемых, нужно было создать специальные общежития для детей, испытывавших жилищные трудности. К школам крестьянской молодежи постановлялось приставить профессиональных агрономов, а также обеспечить их «земельными участками, мертвым и живым сельскохозяйственным инвентарем, семенами и агрономической помощью»¹. Для фабрично-заводских семилеток – оборудовать мастерские.

Показательным, в плане осознания советским правительством собственных возможностей, является постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 года «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети». Оно предлагало предельным сроком для введения всеобщего обязательного обучения на всей территории Р.С.Ф.С.Р. считать 1933/1934 учебный год, при этом, в первую очередь, в достаточно обеспеченных областях и губерниях, с широкой школьной сетью и большой плотностью населения. Также постановлялось «принять меры к тому, чтобы к десятилетию Октябрьской Революции была обеспечена общедоступность школ первой ступени, при условии добровольного посещения ее, а в

¹ О состоянии школ повышенного типа: постановление СНК РСФСР от 23.07.1927 // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3321.htm (дата обращения 20.04.16).

следующие годы было осуществлено всеобщее начальное обучение»¹ детей от 8 до 11 лет. Пока же сохранялось право взимания платы за обучение и предлагалось развивать сеть школ первой ступени там, где их особенно мало, учитывая интересы национальных меньшинств – в частности, в национальных школах, согласно Уставу ЕТШ, должны были вести занятия на родном языке учащихся. Трудовые школы первой и второй ступени, а также школы первой ступени повышенного типа содержатся на местные средства, из государственного бюджета поступали только средства на оплату педагогического труда.

Необходимо было изыскание дополнительных средств на образовательные расходы. Предлагалось также увеличить финансирование внешкольной работы среди детей и подростков и привлечь как можно больше людей и организаций к ее осуществлению. Было отмечено важное значение кино для молодежи и «необходимость создания детской и юношеской кинофильмы и снабжения ею кинотеатров на возможно льготных условиях»², а также организации кинопередвижек. Подчеркивалась необходимость улучшения финансирования пионерского движения и физической культуры, организации для безработных и малообеспеченных рабочих, крестьян и их детей бесплатных экскурсий в музеи и научные учреждения, посещения зрелищных предприятий.

К концу 1920-х – началу 1930-х годов централизация системы образования, как и других сфер жизни, значительно возрастает. Постановлением от 30 июля 1928 года «в целях усиления методического и организационного руководства массовыми учреждениями народного образования» приказывалось «обязать краевые, областные и губернские

¹ О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 31.08.1925 // СУ РСФСР. 1925. – № 69. Ст. 543.

² О внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством: постановление СНК РСФСР от 25.07.1927 // СУ РСФСР. 1927. – № 61. Ст. 424.

исполнительные комитеты с 1928 –1929 года ввести участковую (районную) инспектуру по народному образованию» и «инспектуру социального воспитания»¹.

Введение всеобщего начального образования, запланированного на 1933 –1934 год, было решено форсировать. В 1930 году в очередном Постановлении заявлялось, что «всеобщее начальное обучение является важнейшей политической задачей ближайшего времени»² и должно быть безотлагательно введено во всем СССР. Осенью 1930 года в школу планировалось принять всех не учащихся мальчиков и девочек 8, 9 и 10 лет. Все дети должны были обязательно закончить школу первой ступени, а в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках и в районах сплошной коллективизации (по усмотрению местных властей) – школу-семилетку. Для подростков 11-15 лет, не получивших начального образования, организовывались ускоренные специальные двухгодичные и одногодичные школы-курсы и группы при школах. Предписывалось к 1932 году создать достаточное для всех количество школ колхозной молодежи (как дневных, так и вечерних). Отступление от плана допускалось не более, чем на 1-2 года, в случае крайне неблагоприятных условий в культурно-отсталых местностях.

Были выделены все проблемы, мешавшие всеобщему образованию, - отсутствие школьных зданий, недостаток книг и учебных принадлежностей, дефицит педагогических кадров, халатное отношение родителей к образованию детей, бедность, отсутствие одежды и обуви у детей и прочее - и указаны методы их решения. «Обязанность посылать в школу детей... возлагается на их родителей, а также на тех лиц и на те учреждения, на попечении которых находятся дети»³, за неисполнение ее предполагалась ответственность по закону. Постановлением предписывалось усилить финансирование образования из местных и государственного бюджетов.

¹ О мероприятиях по укреплению местных органов народного образования: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.07.1928 // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3396.htm (дата обращения 20.04.16).

² О всеобщем обязательном начальном обучении: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14.08.1930 // СЗ СССР. 1930. – № 39. Ст. 420.

³ Там же.

Выделять средства на бесплатное снабжение детям бедняков и малообеспеченных учебниками, письменными принадлежностями, обувью, одеждой, питанием и транспортом, а также создавать для этих целей фонды продовольствия, обуви и одежды на местах. Рекомендовалось для решения проблемы помещений использовать под школы бывшие помещичьи усадьбы и кулацкие дома, для пополнения кадрового состава «срочно развернуть сеть педагогических институтов и техникумов,.. специальных педагогических курсов,.. принять меры к привлечению на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности,.. усилить коммунистическое и рабочее ядро среди учителей... значительно улучшить материальное положение учителей трудовой школы»¹. Впредь учителя в селах должны были снабжаться по нормам, установленным для промышленных рабочих. В 1931 году заработную плату учителей увеличили – она составила от 90 до 130 рублей в зависимости от квалификации, ступени школы и качества работы педагога.

Был взят курс на, своего рода, усреднение образовательного уровня, борьбу за всеобщую успеваемость: с отстающими школьниками нужно было проводить дополнительные занятия – это считалось общественно-полезной работой. Устанавливалась четкая продолжительность учебного года в размере не менее 225 учебных дней. На местах создавались комитеты содействия всеобщему обязательному обучению самых разных уровней.

Вместе с приходом жесткой, централизованной школьной политики исчезала демократическая линия в образовательной преемственности. В 1933 году выпускникам школ фабрично-заводского ученичества запретили поступать в другие учебные заведения (техникумы, вузы и втузы), если они проработали по специальности на производстве менее 3 лет – это объяснялось потребностью в квалифицированных рабочих в связи с процессами индустриализации. Кроме того, срок обучения в этих школах был сокращен с 2 лет до 6 месяцев для подготовки квалифицированных рабочих массовой

¹ О всеобщем обязательном начальном обучении: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14.08.1930 // СЗ СССР. 1930. – № 39. Ст. 420.

специальности и до года для «наиболее квалифицированных групп рабочих» [36], что достигалось за счет изменения планов обучения – 80 процентов времени ученики должны были проводить за станками. Принимались в эти школы старательные дисциплинированные дети рабочих и колхозников, преимущественно окончившие семилетку. Лучшие из них посылались на более квалифицированное производство, а в случае выполнения норм взрослого рабочего должны были «оплачиваться по общей рабочей сетке заработной платы по разряду выполняемой ими работы»¹.

С 15 мая 1934 года постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» были восстановлены исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов. В том же 1934 году была проведена реформа среднего образования, завершившая создание классической советской школьной системы и покончившая с послереволюционными демократическими тенденциями². Восстанавливалась субординация в отношениях учителя и ученика, система оценок и домашних заданий. Учебные группы были переименованы в классы. Вместо школ первой и второй ступеней, семилеток и школ повышенного типа появилась общеобразовательная школа, которая делилась на начальную (4 класса), неполную среднюю (7 классов) и среднюю (10 классов). При этом молодые люди, окончившие неполную среднюю школу, имели право преимущественного поступления в техникумы, а среднюю - в высшие учебные заведения.

Таким образом, в период с 1917 по 1934 год советская власть неоднократно пересматривала свое отношение к образованию и воспитанию молодого поколения. Переоценив свои возможности в первые послереволюционные годы, советское правительство пришло к более объективному отражению действительности в законодательно-правовых актах

¹ О школах фабрично-заводского ученичества Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15.09.1933 // СЗ СССР. 1933. – №59. Ст. 357.

² О структуре начальной и средней школы в СССР Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 16 мая 1934. № 113.

середины 1920-х годов и, в результате, смогло в начале 1930-х совершить рывок, который позволил осуществить всеобщее начальное образование детей школьного возраста и создать новую систему среднего образования к середине десятилетия. От демократизации образовательного процесса и системы управления им был совершен возврат к строгой централизации и контролю, от педологических изысканий и свободного творчества учителей в процессе комплексного обучения – к системе четких программ и предметов. Дети из субъектов образовательного процесса вернулись к объектному состоянию, из обучающихся стали обучаемыми, подчиненными строгой дисциплине, расписанию, системе отметок и домашних заданий, сохранив при этом самостоятельность и возможность проявления свободной инициативы благодаря школьному самоуправлению, пионерской и комсомольской организациям, насыщенной общественной жизни.

Из представленных выше властных установлений следует, что дети, их образование и воспитание имели для государства огромное значение. Правильно выстроенная система образования должна была удовлетворить потребность партии в лояльных гражданах, готовых преодолевать трудности на пути к коммунистическому будущему, сформировать у молодого поколения материалистическое мировоззрение, свободное от традиционных предрассудков, снабдить страну квалифицированными промышленными рабочими, способными обеспечить процесс модернизации, и грамотными сельскими тружениками, необходимыми для организации нового хозяйства в районах сплошной коллективизации.

1.4. Наука о детях: педология и педагогика 1920-х годов как выполнение государственного заказа на создание «нового человека»

Ставя перед собой цель создать «нового человека», советская власть нуждалась в соответствующей методологии. В первые два десятилетия после революции роль по ее выработке в числе прочего отводилась педологии – науке о детях. Основателем и творцом педологии в СССР называют и В.М. Бехтерева, но наиболее ярким ее представителем, пропагандировавшим примат окружающей среды в развитии ребенка являлся А.Б. Залкинд, который в 1923 году заговорил о создании «нашей советской педологии», основой которой, в отличие от дореволюционной российской или западноевропейской, был тезис о зависимости человека от среды и огромном воспитующем значении последней. В результате, «при быстром темпе роста и углубления социализма, социальное воспитание даст в СССР колоссальные творческие результаты»¹, считал А.Б. Залкинд. Ребенок на 90% - продукт средовых воздействий, и только на 10% его поведение определяется инстинктами. Исходя из этого, советская наука 1920-х годов считала «глубоко неправильным... объяснять «талант» непосредственно биологическими особенностями организма»², так же, как и отсталость, «трудность» ребенка. И то и другое – результат воздействия среды. Пролетариат пока не сумел дать миру выдающихся людей только потому, что пролетарские дети росли в неблагоприятных средовых условиях, зато их классовые враги имели все возможности для полноценного развития. В советской стране все должно измениться. Помимо отношений наследственности и влияния среды, дискуссионным вопросом стала проблема соотношения личности и коллектива. Необходимо было «отрешиться от индивидуалистических

¹ Залкинд А.Б. Педология в СССР. М., 1928. С. 20.

² Стоюхина Н.Ю. Доминанта социального воздействия в советской педологии 1930-х гг // Publishing House "ANALITIKA RODIS" Pedagogical Journal. 5-6 2013. С. 56

тенденций», и потому ребенок для педагога в растущем детском коллективе был интересен скорее как «эндогенный раздражитель коллектива», а не как личность¹.

Педологи должны были заниматься не только теоретическими исследованиями, но и практической работой – предполагалось их присутствие в окружных и районных заведениях, связанных с детством, или, по крайней мере, регулярное посещение детских учреждений. Специалисты педологи проводили тестирования, опросы, беседы с детьми, выявляя их интеллектуальный, психический и физический уровень развития.

Результаты этих обследований, по большей части, оказывались неутешительными. В 1920-е годы советская власть вследствие роста беспризорности столкнулась с необходимостью воспитывать детей революции, Первой мировой и гражданской войн. Их родителями были люди, не призванные на фронт, в силу своей непригодности, или искалеченные войной, голодом и постоянным нервным напряжением – следствием почти десяти беспокойных лет. Поэтому исходный генетический материал и первичная среда обитания, в которой оказывались дети, за редким исключением, оказывалась неблагоприятной. Многие дети были выброшены на улицу. Причем, если в военно-революционные годы причиной беспризорности достаточно часто становилось сиротство в результате смерти или потери родителей, то в 1920-е годы ряды беспризорников пополнялись социальными сиротами. Институт семьи распадался, матери отказывались от детей, которых не могли содержать в одиночку. В руки воспитателей эти дети попадали, пройдя школу улицы, пережив голод, холод, предательство, одиночество, безысходность и другие, травмирующие психику и тело состояния, не имея нравственных устоев, неграмотные, привыкшие руководствоваться ценностями и правилами уличной жизни или даже инстинктами. В результате исходный «материал» для создания нового человека был очень некачественным. Так, Ю.Н. Стоюхина цитирует педолога

¹ Залужный А.С. За марксистско–ленинскую постановку проблемы коллектива // Педология. 1931. №3. С.44–51.

С.А. Золотарева: «Сегодняшние дети... родились и выросли в обстановке войн, эпидемий, голода и холода, которые пагубно отразились на всей их организации... Кто пропал без вести, кто погиб случайно, кто умер от голода, кто покончил самоубийством... найдется редкая семья, которая не понесла бытового или иного ущерба... Результаты плохой наследственности и социальных потрясений дети принесли и в школу... Масса малокровных... расстройство речи у детей; говорят, как иностранцы, замечается вялость, лень из чувства самосохранения»¹. Следовательно, от помещения детей в здоровые условия ожидался обратный эффект. Попадая в детское учреждение, они сталкивались с новой средой, стремившейся переделать их привычки и взгляды, исправить их и предложить новый образ существования. Разумеется, процесс переделывания не мог быть простым, особенно учитывая тот факт, что создать необходимые условия для этого власть, как правило, могла только на бумаге.

Несколько легче должно было быть работникам школы, которые имели дело, в основном, с детьми, жившими в семьях. Однако и здесь возникал ряд проблем. Во-первых, большинство семей были неполными или неблагополучными. Во-вторых, имели большие экономические трудности, плохие условия жизни, некачественное и однообразное питание и одежду, что, несомненно, отражалось на развитии ребенка, его психологическом состоянии и на возможности посещать учебное заведение. В-третьих, старшие члены семьи, как правило, были религиозны, неграмотны или идеологически неверно воспитаны и образованы – их тоже необходимо было переделывать, а ребенка ограждать от влияния дореволюционных традиционных устоев.

Самым благодарным «материалом», в результате, оказывались дети ясельного возраста, дошкольники, с пластичной психикой, легко поддающейся воспитанию, не испорченные негативным влиянием улицы и семьи. «В нашей педологии особо велик интерес к ясельному и дошкольному возрастам как к решающим по своей эластичности,.. а к переходному возрасту

¹ Стоюхина Н.Ю. Доминанта социального воздействия в советской педологии 1930-х гг // Publishing House "ANALITIKA RODIS" Pedagogical Journal. 5-6 2013. С. 52

сугубо велик непосредственно-практический... интерес. Подростки скоро будут практическими работниками социализма»¹, отмечает А.Б. Залкинд. Таким образом, перед педологией и педагогикой стояла задача понять, с какими исходными данными приходится иметь дело, и выработать наиболее эффективные методы приведения их к нужным показателям для всех имеющихся вариаций.

В отличие от тоталитарных 1930-х, когда процесс развития должен был осуществляться одним строго заданным путем, 1920-е годы были временем экспериментов, поиска наиболее адекватных способов построения нового общества и создания нового человека. «В советской школе активно развивалась также идея самореализация личности ребенка в социальных структурах. Широко известен.. опыт... А.С. Макаренко по организации деятельности трудовой коммуны им Ф.Э. Дзержинского»². А.Б. Залкинд отмечал, что «именно в детстве, в эпоху развития, роста человека, среда оказывается наиболее могущественным, решающим фактором,.. определяющим все основные перспективы дальнейшего бытия человека», и потому «педагогика СССР оказалась с первых ее шагов вполне отчетливо построенным заказом нового классового строя к воспитанию. Новый класс появился у власти. Он хорошо знает, что ему надо в области живого человеческого материала»³. «Человеческий материал» - это выражение как нельзя ярче иллюстрирует отношение власти и тех, кто выполнял ее заказ, занимаясь научными разработками, к детям и детству. Так, один из коллег и современников А.Б. Залкинда А.З. Гольцман писал: «Дети это только гусеницы человека. У них нет жизни. Есть только подготовка к жизни»⁴, а педагог П.П. Блонский мечтал об особой науке - «человеководстве». И это рядом с лозунгами «Все лучшее – детям!», «Дети – наше будущее!» и тому подобными.

¹ Залкинд А.Б. Педология в СССР. М., 1928. С. 17.

² Н.С. Малякова. Идеи антропологической направленности воспитания в отечественной школе // Вестник Псковского государственного университета. 2011. Вып.15. С.144..

³ Залкинд А.Б. Педология в СССР. М., 1928. С. 7

⁴ Гольцман А.З. Реорганизация человека. Л.: Госиздат, 1925. С. 6

Несмотря на это противоречие, свобода школьников, их право на творчество и самоопределение признавалось советской педологией и педагогикой 1920-х годов. Кроме перечисленных выше правотворческих актов, касавшихся системы образования, и регулировавших отношения учителя и ученика в пользу последнего, был предпринят еще ряд шагов в этом направлении. В частности, из школьной программы фактически устранили учебник, как сковывающий свободу детского процесса познания. «Разделяющие революционный нигилизм педагоги писали: «Учебник неразрывно связан с определенной программой, которой нет места в свободной творческой школе... новая школа должна приложить все усилия к организации образцовых школьных библиотек и музеев... Новая школа стремится лишь содействовать пробуждению в ученике культурных потребностей и удовлетворить имеющийся у него интерес к знанию», отмечает А.А. Сенькина¹. По этой причине составители разработанных в 1923-24 учебному году новых учебных программ-схем подчеркивали их необязательный характер, призывая педагогов участвовать в обсуждении предлагаемых «комплексов». Однако учебник, хотя бы в демократичной его форме, был, все-таки, нужен, и в мае 1926 года в его качестве одобрили «рабочую книгу» для всех ступеней школы. Тогда же появились «краевые» или «краеведные» книги – учебники, построенные на региональном материале. К 1927-28 учебному году от имени ГУСа и Главсоцвоса был опубликован первый рекомендательный список учебных пособий, а в 1930 году, пишет А.А. Сенькина, цитируя письмо заведующего главсоцвосом М.С. Эпштейна Госиздату, «решили приступить к изданию периодического органа «журнала-учебника»... с тем, чтобы... дополнять стабилизированные учебники злободневным материалом»². Эпоха экспериментов и школьной демократии, вместе с образованием без учебников, закончилась в 1930-е годы. Но пионерия, комсомол, школьное самоуправление, внешкольные занятия во

¹ Сенькина А.А. Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. №4(7). С. 61

² Там же. С.75

Дворцах пионеров сохраняли будущим строителям коммунизма возможность включения в процесс творения истории и себя, правда в гораздо более строгих рамках, чем в первые послереволюционные годы.

Допущение права детей быть, в некотором роде, субъектами политического и общественного процесса – в том смысле, что они являлись будущим страны, строителями коммунизма, членами единого социалистического коллектива – давало им возможность иметь платформу для выражения собственного мнения, в том случае, если оно было идеологически верным. Оно также требовало от государства вести с детьми диалог почти на равных позициях с тем, чтобы ребенок чувствовал себя частью системы и стремился влиться в нее как можно качественнее и принести максимальную пользу. На наш взгляд, это было одной из причин широкого развития детской прессы и прессы для детей.

Как пишет Л.Р. Белкина, в детской журналистике «существовало две тенденции – необходимость детской педагогики выполнять социальный заказ – адаптировать применительно к возрасту систему классовых ценностей,.. и отражение гуманистических традиций русской периодики, ориентация на интересы детей, их потребности в саморазвитии, самопознании и самовыражении... Последняя вызывала у теоретиков коммунистического воспитания большие опасения»¹. Л.Р. Белкина проанализировала журналы «Барабан», «Воробей» (с 1924 года «Новый Робинзон»), «Пионер», «Искорка», «Красные зори». В оформлении всех выпусков присутствовал ряд визуальных образов, носивших идеологическую нагрузку, - советско-пионерская атрибутика, изображения на рабоче-крестьянскую тематику. Содержание журналов, обращаясь к «новому читателю», создавало образ идеального ребенка – юного ленинца, пионера – которому этот читатель должен следовать. Издатели журнала вели с ним равный диалог, советовались, обсуждали взрослые темы – такому отношению нужно было соответствовать.

¹ Белкина Л.Р. Детский журнал 1920-х гг - соцзаказ или реальность? // Система ценностей современного общества. Новосибирск, 2010. С. 93.

«Зрелость ребенка 20-х годов прослеживается в специфичности вопросов, задаваемых на страницах детских журналов»¹: обсуждалась история октябрьской революции и гражданской войны, печатались жизнеописания вождей революции, поднимались проблемы беспризорности. Кроме этого, журналы развивали умственные способности ребенка, его творческое мышление, смекалку и производственные навыки. В такие журналы (да и в периодику для взрослых) достаточно много писали сами дети. Развивалось детское и юношеское движение, издавались специальные книги-учебники в помощь подросткам, пробовавшим себя на журналистском поприще. Широко поддерживалась и даже внедрялась в детский быт подростковая самодеятельная пресса. Считалось, что она выполняет более широкие функции, чем пресса, создаваемая для детей взрослыми, «является уникальным видом трудовой жизнедеятельности подростка, ... позволяет ему самоопределиться в мире, ... выработать активную гражданскую позицию»².

Интерес представляют также написанные для детей художественные тексты. Так, Н.В. Шевцова, опираясь на исследования критика А. Ефремова, пишет, что советская детская литература отличается от дореволюционной «утратой нравственного императива», отрицанием свойственного христианскому дискурсу признания человеческой греховности, «поскольку страдающий ребенок не соответствовал психологическому портрету советского человека»³. Но вместе с тем, появляется новое, «советское понимание греха, а наказание за него становится бесчеловечно суровым, ибо не оставляет надежды на искупление»⁴: например, в рассказе Н.Носова «Огурцы»⁵, советская мать, не раздумывая, заявляет, что пусть лучше ее сына застрелит сторож, чем у нее будет сын вор, и выставляет его за дверь.

¹ Белкина Л.Р. Детский журнал 1920-х гг - соцзаказ или реальность? // Система ценностей современного общества. Новосибирск, 2010. С. 94.

² Косолапова Д.И. Ювенильная журналистика в российской историографии // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 3. С. 125.

³ Шевцова Н.В. Коммуникативные намерения современных критиков при оценке детского чтения советской эпохи // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. №5. С.88.

⁴ Там же.

⁵ Н.Носов. Огурцы // URL: <http://www.planetaskazok.ru/nnosovskz/ogurtsynosov> (дата обращения 20.05.18).

Примечательно, что мальчик украл эти огурцы с колхозного огорода, то есть у коллектива, у государства, и своим поступком навел подозрение на вину другого члена коллектива, который, вследствие этой ошибки, мог быть несправедливо отторгнут системой. Кстати, на фоне подобной литературы, поступок Павлика Морозова, на длительное время ставший идеалом советских детей и вызывающий немало нареканий сегодня, является вполне закономерным, справедливым и правильным. Родители могут отказаться от ребенка, а ребенок от родителей, потому, во-первых, что коллектив стоит иерархически выше маленькой ячейки-семьи, и, во-вторых, потому, что семейные, личные отношения не имеют ценности сами по себе, а только как форма организации быта и процесса рождения и воспитания новых людей.

Отношение власти к детям можно проследить и в изменениях, коснувшихся такой неотъемлемой сферы детской жизни, как игра. «После 1917 года коммунистические идеологи находят во всеобщем увлечении игрой особые возможности»¹, пишет М.В. Гаврилова. Начинается теоретическое осмысление игры и поиск методов идеологического воспитания с ее помощью. Как утверждала Н.К. Крупская: «Есть игры, вырабатывающие жестокость, грубость, развивающие национальную ненависть, плохо действующие на нервную систему, вызывающие азарт и тщеславие, и есть игры, имеющие громадное воспитательное значение, укрепляющие волю. Путем игры можно воспитать зверя, путем игры можно воспитать коммуниста»². Поэтому советские специалисты производили запись детских игр, подвергали их анализу, отбору, и редактуре и публиковали в специальных сборниках, рекомендованных для проработки в детских учреждениях всех типов. Неприемлемыми советской моралью считались грубые, травмоопасные, бессодержательные и азартные игры. Поскольку игры выполняли воспитательную задачу, их основными темами должны были стать

¹ Гаврилова М.В. Трансформация традиционных русских игр в советской педагогике (1920–1930-е гг) // Антропологический форум №19 online. 2013. С. 137.

² Цит. по: Гаврилова М.В. Трансформация традиционных русских игр в советской педагогике (1920–1930-е гг) // Антропологический форум №19 online. 2013. С. 139.

классовая борьба и принципы нового советского быта - так можно было максимально надежно привить правильные взгляды и полезные привычки. Предлагалось играть, например, в «Законы ленинца», «Товарищ выручай!», «Спасай от фашистов», «МОПР», «Пионер и беспризорные», «Долой цепи рабства!», «Детсанком», «Аресты коммунистов». «Если верить самим авторам, все новые игры широко применялись в работе с детьми – в детдомах, на детских игровых площадках, в пионерских лагерях, в школах и детсадах, - пишет М.В. Гаврилова. – Однако уже с конца 1920-х – начала 1930-х годов к играм, в которых присутствовало идеологическое содержание, начинают относиться с опаской. Больше всего вопросов вызывает то, что в ряде игр детям приходится играть роли «махновцев», «фашистов», «капиталистов», «белых»¹. В результате в середине 1930-х годов идеологические игры были осуждены как педагогически вредные – примечательно, что тогда же было покончено с педологией и демократическими тенденциями в образовании. В играх начинают преобладать развлекательная и спортивная составляющая, сельскохозяйственная и военная тематика. Теперь играют в «Ищи бригадира», «Трактор привезли», «Единоличники и колхозники». Становятся популярными «хороводы и игры-песни, которые не нравились педагогам-игровикам 1920-х годов,.. игры про героев-животных... острота противостояния в играх сглаживается, они деидеологизируются»².

Исходя из всего перечисленного, отношение власти к детям и требования, к ним обращаемые, были достаточно противоречивы и постоянно менялись, принимая все более консервативные и жесткие формы по мере удаления от октябрьского переворота. Возникает принципиальный для изучения детской повседневности вопрос: какое место в системе воспитания детей занимали сами дети?

Из приведенных в настоящей главе нормотворческих актов следует, что государство проявляло заботу о детях, не свойственную ему в эпоху

¹ Гаврилова М.В. Трансформация традиционных русских игр в советской педагогике (1920–1930-е гг) // Антропологический форум №19 online. 2013. С. 162.

² Там же. С.167.

императорского правления, наделяло их рядом прав и обязанностей, освобождало от неограниченной родительской власти, признавало за ними (в частности, за подростками с 14, а в некоторых случаях и с 10 лет) право на выбор и принятие решений. В новой школьной системе оно отводило ученику роль субъекта образовательного процесса, поощряло самостоятельность и творческую инициативу в рамках идеологии, настаивало на развитии системы школьного самоуправления и включении ребенка в общественно-политическую жизнь через ряд соответствующей атрибутики, ответственных действий, молодежные коммунистические организации. Из всего этого следует, что ребенок являлся субъектом и полноценной и полноправной личностью. Однако изучение педологических работ говорит, скорее, об обратном. Дети называются здесь «исходным материалом», который необходимо должным образом обработать. В них рассуждается о качестве этого материала, исходя из которого требуются те или иные инструменты и способы работы, определенное время на достижение результата и ожидается разная степень его удовлетворительности: из одних детей получатся работники простейшего труда, не требовавшего никаких мыслительных операций, из других – талантливые рабочие, из третьих – колхозники, из четвертых – инженеры и агрономы и так далее. Причем в идеале планировалось избежать этой дифференциации, так как все определяет среда, и можно создать целое поколение гениев, независимо от их персональных различий. То есть личность конкретного ребенка имеет значение только для правильного подбора методов – как средство, а не как цель. Более того, личностно ориентированный подход в итоге признавался идеологически неверным в принципе – новые люди должны формироваться на новых идеалах, то есть в духе коллективизма, а значит, педагоги должны иметь дело с коллективом и не позволять развиваться у кого-то из учащихся индивидуалистическим чувствам и мыслям.

Исходя из интерпретированных большевиками идей марксизма и материалистических взглядов, для советской системы в целом было

характерно отношение к человеку как к машине, которая предназначена для труда, но имеет право на отдых и лечение – как на ремонт износившихся механизмов. Антагонистическая позиция по отношению к религии, воспринимавшей каждого человека как уникальное творение Бога, наделенное богоподобной душой и потому, несомненно, заслуживавшего отдельного внимания, приводила к полному отрицанию индивидуального и стремлению к усредненности. Сам по себе человек утрачивал всякое значение и приобретал его только в коллективе, как полезная для него часть. Вероятно, сентенция И.В. Сталина «Незаменимых людей нет» - результат именно этого взгляда на человека и общество, и с позиций этого ничего кощунственного и тиранического в ней нет, так же, как и в ужасах массовых репрессий: они не были жестокостью по отношению к конкретным людям, которых вообще не существовало. Это был процесс «ремонта» общественного организма, акт устранения испорченных деталей, нарушавших общий ход. И, конечно, одного человека можно «с легкостью» заменить другим – возможно, новый материал окажется даже «лучше» предыдущего. Из этого же отношения к человеку, как к детали общества, и вытекали требования к его интеллектуальному развитию, здоровью, быту.

Чтобы коллектив в целом мог конкурировать в разных областях деятельности с антагонистическими сообществами капиталистических стран, все его члены должны иметь соответствующее образование. При этом образование нужно усредненное, чтобы общая работа шла ровно – в связи с этим отстающих учеников в школе нужно подтягивать, а слишком выдающихся держать в рамках. Интересно, в связи с этим, отношение советских педологов к дефективности и таланту. Добиться определенной степени талантливости могут все дети, ничего уникального в этом нет. Но, помимо нарушения гармонии коллектива, талантливый ребенок, если признать его таковым, нарушал и свои собственные идеологические установки – осознав себя отличающимся от других, он становился на ложный путь индивидуализма. С другой стороны, для более качественной работы

целого, каждый его член должен отдавать максимум энергии, а чтобы он был способен на это, необходим определенный уровень интеллектуального развития, начитанность, достаточная для того, чтобы осознавать важность общей работы и ценности общей идеологии, но не выходящая за некие условные границы, так как иначе мог произойти обратный процесс: удержание энергии для того, чтобы использовать ее на собственный рост, а не на рост общественного благосостояния.

Спорт, здравоохранение, система санаториев и оздоровительных лагерей культивировались все с той же целью: обеспечить правильное и полноценное функционирование каждого отдельного человека. В Советской России развивалось движение физкультурников, подчеркивалась обязательность занятий физкультурой в школе и других детских учреждениях, поощрялась женская физкультура – это дает более здоровых, крепких, активных и жизнерадостных работников. И, вместе с тем, осуждался азарт в спорте и других видах деятельности, стремление к личному рекорду объявлялось сугубо буржуазным и ставилось в укор капиталистическим странам. В советском государстве настоящее соревнование могло быть только командным или социалистическим – во-первых, оно коллективное, во-вторых, целью его является не победа сильнейшего, а обнаружение недостатков у слабейшего и устранение их все с той же тенденцией к усреднению а также наилучшее служение обществу. То же касается организации быта – в ней не должно быть излишнего комфорта, а, тем более, роскоши. Быт нужно устраивать так, чтобы человек мог получить полноценный отдых для более качественной работы. Он не должен стеснять человека и отвлекать его энергию на себя – то есть не быть ни плохим и неустроенным, ни слишком приятным, но удовлетворительным в санитарно-гигиеническом отношении и оптимальным по другим показателям – отсюда внимание к чистоте, опрятности, свежести воздуха и оптимальности температуры. Ту же функцию выполняли одежда, косметические средства, еда.

Но борьба с человеческой индивидуальностью сталкивалась с той сложностью, что человек, так или иначе, является субъектом. Это его изначально заданная качественная характеристика. Советская идеология, педагогика и педология учитывая этот факт, постоянно подчеркивают значимость каждого «Я» для «Мы», необходимость всех работать на благо государства для достижения общих целей, подчеркивают – в том числе и непосредственным живым примером – неотвратимость гибели в случае несоответствия конкретного маленького «Я» общим стандартам: оно может быть отвергнуто «Мы» вплоть до физического уничтожения. На наш взгляд, именно этим объясняется столь двойственное отношение государства к детям, следовавшее из властных предписаний и педолого-педагогических изысканий. Они представляли собой ценность как будущее страны, как детали организма, которые еще находятся на начальных стадиях производства и, следовательно, их можно выточить, выплавить, закалить надлежащим образом, обеспечив организм идеальную работу. Поэтому к ним относились с большим интересом и бережностью, чем к взрослому населению, которое можно было только относительно приспособить к новым условиям, но не приладить полностью. Им давали относительную творческую свободу, возможность чувствовать свою личную значимость, но только в рамках строительства коммунизма, чтобы они привыкли направлять свою субъективность на благо общему делу и чувствовали себя субъектом, только действуя от имени коллектива. Вместе с тем, для государственной машины все детское сообщество в целом было одним большим объектом, материалом, состоявшим из качественных и некачественных элементов, и нуждавшемся в должной обработке для более эффективного использования.

Этот же фактор повлиял на пересмотр властью семейного законодательства, образовательной политики, системы наказания несовершеннолетних. На практике выяснилось, что раскрепощение женщины и отказ от буржуазного и индивидуалистического в своей основе института семьи не оправдывает себя и дает обратный от ожидаемого результат:

увеличивается число беспризорных и безнадзорных детей и, в результате, страдает качество исходного человеческого материала, необходимого для обновления общественного организма гораздо больше, чем свободные от кухонного рабства женщины, которые, в большинстве случаев, этой свободой не умеют пользоваться. В свою очередь, относительно свободная система единой трудовой школы с ее комплексными программами нуждалась для выполнения своих идеологических функций в идеально правильных педагогах, способных направить детский субъективизм в нужное русло. Опытным путем установили, что гораздо эффективнее ограничить этот субъективизм строгой дисциплиной и четко выверенной унифицированной образовательной системой, чем ожидать идеологически верной творческой энергии от педагогов всех учебных учреждений. Отсюда поворот к школьному консерватизму и дисциплине 1930-х. И, наконец, сама педология в 1936 году была объявлена лженаукой и запрещена, так как тоже вышла за рамки дозволенного в усредненном интеллектуальном поле государственного организма. Только силу действующего субъекта она придала не человеку, а среде, воздействовавшей на него. Ученых-педологов раскритиковали за «недифференцированный подход к исследованию средовых факторов: ...если они обуславливают поведение ребенка, то судьба его фатально предопределена,.. и никакой воспитатель не в силах противостоять стихийному воздействию среды»¹. Кроме того, предлагавшаяся ими «дифференциация школы на обычную и для разных категорий детей с задержкой умственного развития «нарушала» идеологию равенства и усредненности советских людей, которая нередко доходила в своих послылках до абсурда: утверждений, что ребенок самого передового и революционного класса должен быть достоин своего положения, быть передовым и революционным как в области физического, так и психического развития

¹ Стоюхина Н.Ю. Доминанта социального воздействия в советской педологии 1930-х гг // Publishing House "ANALITIKA RODIS" Pedagogical Journal. 5-6 2013. С. 71.

ввиду преобразующего воздействия революционной среды и чрезвычайной лабильности организма...»¹.

Таким образом, «маленькие граждане большой страны»², как называла советских детей 1920 - 1930-х годов британская исследовательница К. Келли, признавались субъектами исторического процесса только в качестве будущих общественных единиц, от слаженности работы которых зависит развитие целого государства. Каждая из этих единиц в отдельности могла принимать самостоятельные решения только в рамках заданной воспитательным процессом программы. Однако в целом эти рамки были достаточно широки для творческого развития и проявления личного энтузиазма на благо коллективу.

¹ Шварцман П.Я., Кузнецова И.В. Педология // URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/books/os2/121-139.htm> (дата обращения 20.05.18).

² Келли К. Маленькие граждане большой страны»: интернационализм дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. – 2003. - №60. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html> (дата обращения 01.06.14).

ГЛАВА 2. ПРОСТРАНСТВО ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ)

2.1. Семейное пространство детской повседневности

Семейная политика Советской России была направлена на выполнение определенного ряда задач, которое позволило бы сделать семью ячейкой социалистического общества, в рамках которой существуют и воспроизводятся его члены – советские граждане, с определенным набором идеалов и ценностных установок. Однако семья по-прежнему оставалась сферой частной жизни человека, как бы настойчиво не вмешивалась власть. Другое дело, что в ряде случаев это вмешательство вело к трансформациям семейных ценностей и семейного пространства, служившего основным пространством детской повседневности. Говоря о пространстве мы имеем в виду многоуровневое понятие, сочетающее не только материальные объекты, окружающие человека, но и социальные отношения, интеллектуальный и эмоциональный фон, которые в совокупности создают «жизненный мир», влияющий на процесс формирования социальных представлений ребенка¹. Н.Л. Пушкарева, в частности, делает важное уточнение, что в отличие от исследователей быта, историки повседневности изучают «не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто живет рядом или жил до нас... под повседневностью они понимают не только... условия жизни и труда, жилище.... но и весь спектр соответствующих отношений»². Однако для начала сосредоточимся на материальном аспекте пространства, в котором протекала повседневная жизнь детей и их семьи. Как отмечает В.Д. Лелеко, населенный пункт, дом, места частого посещения обеспечивали условия

¹ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003. 236 с.; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. 640 с.

² Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. №5. С.10.

повседневной жизни¹ и конституировали представление человека о мире, влияли на ощущение собственных границ.

А.Ю. Рожков пишет, что «жизнь в тесноте, еда из одной миски, сон на общей кровати создавали из значительной части рабочей и крестьянской молодежи не поколение убежденных коммунаров-коллективистов, а людей с повышенными жизненными притязаниями»², то есть, на фоне тотальной пропаганды нового мира и новых ценностей именно материальная составляющая пространства детской повседневности играла значительную «подрывную» и «контрреволюционную» роль. Недаром, по замечанию Н.Б. Лебиной, жилищному вопросу в Советском Союзе уделялось особое внимание как одному из инструментов создания нового гражданина³.

Большая часть зауральских детей исследуемого периода жила дома с родителями или с опекунами, чаще всего в сельской местности: согласно переписи 1926 года в СССР городское население составляло 17,9 %⁴. Хотя в Уральской области урбанизация была несколько выше, чем в целом по стране, в том же году в ее городах проживало 20,7 % жителей, при этом Курган и Шадринск не были большими промышленными центрами, и сельское население превалировало здесь еще больше⁵. Жилищем служила собственная или съемная изба, землянка, квартира (отдельная или коммунальная) в многоквартирном доме⁶. В первое послереволюционное десятилетие постоянно подчеркивался разрыв между городом и деревней, власть призывала «крепить смычку» рабочих и крестьян. Пространство города и деревни отличалось разительно, особенно если речь идет о крупных городах. Однако в провинции, как, например, в Кургане и Шадринске 1920-х годов, визуальные отличия от сельской местности были не так значительны: здесь

¹ Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002. 320 с.

² Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С.536.

³ Лебина Н.Б. Советский дом-коммуна: границы тела // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2012. № 23. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2118> (дата обращения 16.07.17).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. // Справочник статистических показателей. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_26.php. (дата обращения 16.07.17).

⁵ Там же.

⁶ ГАШ. Ф. Р-519. Оп.1. Д. 1. Л. 1.

превалировали невысокие деревянные постройки, правда, наряду с частными домами были распространены бараки. Как и сельские жители, большинство курганцев имели огороды и держали скот. Воспоминания горожан об аскетическом устройстве повседневного быта 1920 –1930-х годов приводит, в частности, К.Ю. Кладова: «У нас там был огород. Небольшой огород, но, по крайней мере, распределили там, ну сколько? Наверное, по две, по три грядки каждому, каждой семье доставалось... В городе Кургане очень много коров держали. У нас во дворе, по-моему, только двое держали, а так в Кургане очень много. Несколько стад в Кургане было. Тогда центр был как деревня. Машин-то мало было тогда»¹. Однако город отличался более развитой инфраструктурой, наличием производственных предприятий, доступностью прессы и более разнообразных форм досуга.

Е.М. Балашов отмечает, что в наихудших условиях находились деревенские дети: «в 30% деревенских изб живут ...домашние животные, 38,7 % детей спят с другими детьми, 25,5 % спят на полу»². Действительно, как вспоминает уроженец Половинского района И.А. Комарский, «кровать была только родителям, а мы на полатах или на печке, или, когда набегаешься, на полу тебе постеляют, да так и уснешь»³. Однако это не воспринималось как плохие жизненные условия, особенно детьми. Так жили не только в деревне: в провинциальном городе среди простых его жителей было приблизительно то же самое. По воспоминаниям Ф.И. Захаровой, записанным К.Ю. Кладовой, в довоенном Кургане «Ворота настежь, всё открыто, заходи и спи. ...сноха стелет половики...Жарко дома спать да и много нас там, она его постелет на улицу, к дому, когда дождика нет. Сарайки там вот недалеко. ...мы прибежим, тут же ляжем... Они (старшие дети – прим. М.П.) придут с танцев, лягут. Так жили, и всем было не тесно...» В те годы встречались в городе очень большие семьи, насчитывающие больше десяти человек, где «всем было не тесно».

¹ Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 315.

² Балашов Е.М. Школовроссийском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003. С.74.

³ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

Особенно это было характерно для жизни рабочих – выходцев из сельской местности и сохранявших тесные связи со своими родными. К примеру, Фетиния Кошелева жила в Кургане то у одних, то у других родственников»¹. О том, что это воспринималось как норма, свидетельствует тот факт, что люди вполне свободно могли выделить место в своем маленьком жилище не только родственникам, но и посторонним детям: опрошенный нами В.А. Филимонов, родившийся в 1925 году в деревне Кузьминовке Куртамышского района, рассказывал о распространенном явлении – сдаче мест в доме для школьников, ходивших на занятия из соседних сел: «Нас держали те, у кого небольшая семья... делают деревянный настил, чтобы не на полу спали, и все»². Большого дохода это не приносило, следовательно, и не вызывало особого неудобства. И деревня, и провинциальный город предоставляли детям большое открытое пространство вне дома, которое активно использовалось для игр, работы и других активностей, компенсируя недостаток квадратных метров в помещении: «Не боялись, что отпустишь ребенка, дак надо за им смотреть, а то убьют...»³.

Однако село дольше, чем город, оставалось отрезанным от технических новшеств, таких, например, как кино и электричество: «Жили при керосиновой лампе, без стекла даже. А потом уже, как получше стали жить, — стекло стали одевать на нее. Мы семья бедная, так у нас нет, а если кто побогаче — у тех было и электричество. Потом появилось и радио, но не у всех», - сообщает один из респондентов⁴. Если город в процессе урбанизации подвергался уплотнению и его пространство сжималось и перестраивалось, заставляя человека, в том числе ребенка, приспосабливаться к нему, то условия быта сельского населения оставались традиционными. Как и до революции, сельчане «жили в простых крестьянских домах из дерева

¹ Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 315.

² Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

³ Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 315.

⁴ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

рубленных. Дома были пятистенники – по две комнаты. В одной родители спали, во второй мы. В этой второй комнате была одновременно с нашей спальней и прихожая, и кухня, и приемная», - вспоминает свое детство В.А. Филимонов,¹ хотя, конечно, встречались и более просторные помещения. Сельский дом сохранял традиционную обстановку: «В доме стоял стол самодельный – какой-то местный плотник его делает – и табуреточки. Стулья были со спинками, но тоже самодельные. Вся мебель была сделана в этой же деревне. Еще в ту пору у нас был коврик – мать сама вышивала, всяких цветов на нем наделала, и его над кроватью прибили»², «Обстановка дома была простенькая. Самовар стоял на кухне»³. При этом интервьюенты отмечали бедность жилища в сравнении с тем, как они живут теперь, но не жаловались на тесноту или неудобные условия.

Каковым было влияние такого построения домашнего пространства на организацию детского сознания? По мнению Рожкова, например, оно сказывалось на отношении к учебе: в городских квартирах «многие дети ожидали, когда лягут спать родители и настанет их черед занять стол. Другие не могли днем делать уроки в шумных рабочих общежитиях и были вынуждены засиживаться за учебниками до 3–4 часов ночи»⁴, а в деревне, где с освещением дела обстояли плохо, а днем нужно было работать по хозяйству, заниматься учебой было практически невозможно. В результате школа становилась для большинства ребят больше, чем вторым домом: она давала возможность вырваться из замкнутого пространства жилища, почувствовать себя не младшим членом семьи, не имевшим даже кровати, но гражданином, грамотным человеком, строителем и наследником великого социалистического государства. Образование становилась ценностью, путевкой в новую жизнь, тогда как, по мнению Рожкова, «большинство деревенских школьников не было удовлетворено своими бытовыми

¹ Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

² Там же.

³ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

⁴ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 182.

условиями и не считало их нормальными ...в 1920-е годы подрастало поколение, ненавидевшее крестьянский быт»¹ – это, в свою очередь, вписывалось в процесс модернизации и раскрестьянивания страны, правительство которой делало ставку на пролетариат.

Пожалуй, действительно сложно мечтать о сельской жизни, когда находишься в положении мальчика, о котором упоминают в справке, выданной 14 января 1930 года его бабушке: «гражданка Бахтина Мария имущества за исключением одной ветхой землянки не имеет. На иждивении состоит оставшийся после смерти дочери внук Василий 4 лет. Доходов никаких не имеет»². В местных архивах отложилось много документов, содержащих просьбы об оказании материальной помощи на покупку еды и одежды от семей, которым не на что содержать детей. Как правило, это пожилые люди, или матери-одиночки, или родители больных детей: «в деткомиссию при горсовете от гражданки Суворовой Прасковьи Семеновны... заявление. Настоящим прошу оказать мне материальную помощь в количестве 4 рублей. Положение мое бедное. Имею ребенка 2 лет больного туберкулезом костей. Работать от ребенка уйти нельзя. И средства к существованию не имею. Прошу не отказать в моей просьбе»³. Причиной происходящего служил часто распад семьи – иногда в силу изменившегося отношения молодежи, особенно городской, к институту брака, но также из-за внешних обстоятельств. С такой ситуацией столкнулась семидесятилетняя Елена Суханова из Шадринска, воспитывавшая двух внуков 14 и 9 лет, старший из которых учился в школе 2 ступени, младший – в школе 1 ступени: «Отец Суханов Николай присужден в исправительный рабочий дом на 3 года и отправлен... в Надежденский завод, а мать детей не поможет, и жить абсолютно нечем. Решила просить комиссию помочь мне, дать на хлеб, на

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 172.

² ГАКО Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 40.

³ ГАШ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 14. Л.22.

белье и на плохонькую одежду»¹. Отметим, что, несмотря на отсутствие родителей – отца вынуждено, а матери – по неизвестной причине, дети не остались беспризорными: факт того, что бабушка взялась за воспитание, говорит о сохранности старых традиционных отношений, не принимавших отрицания семьи, в том числе многопоколенческой. При этом бабушка ничуть не препятствовала образованию внуков, напротив, тогда как в общих масштабах посещение детьми не только начальной школы, но и семилетки, допускали немногие. Тем более, в тяжелой финансовой ситуации – 14-летний подросток уже вполне мог зарабатывать деньги. Для зауральских семей вообще было характерно трепетное отношение к школе, хотя исследователи, работавшие с материалами других регионов и общероссийскими, отмечают медленность слома в сознании, позволявшего взрослым принять необходимость именно образования, а не обучения грамоте (письму, чтению и счету). Вероятно, одна из причин – недостаток других возможностей для продвижения в небольших провинциальных городах.

Конечно, в таких условиях могли прожить не все пожилые люди: из Утятского райисполкома в окроно поступила просьба «принять в детский дом сирот Михайловых села Лебяжье... Отец и мать умерли, имущества никакого, на иждивении 70-летней бабушки»², но на такие меры шли только в крайнем случае. Тем не менее, некоторые дети оказывались в детском доме при живых родственниках или даже родителях в силу плохого материального положения. К концу 1920-х годов появилось много обращений от матерей и отцов с просьбой вернуть детей, сданных в учреждение во время голода начала десятилетия: «Я мать ребенка и сама могу его воспитывать. У нас итак много кто более нуждается в том, чем мой ребенок. Январь 1930 г»³, «Отец из Юргамышского р-на разыскивает детей в Кургане, отданных в детский дом в 1922 году по случаю голода. Если они живы, просит сообщить»⁴ – отметим,

¹ ГАШ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 14. Л.53.

² ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 336.

³ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

⁴ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.

что поисками ребенка занимался отец: вопреки утверждениям об утрате семейных ценностей и о большей ориентации мужчин на ценности революционные. Вообще в регионе встречается мало сведений, свидетельствующих о разрушении семейных ценностей.

В предыдущей главе шла речь о первоначальном импульсе власти к национализации детей через создание сети детских домов, которые позволят освободить женщину для производительного труда и воспитать ребенка в нормальных условиях. На практике сделать это не удалось, как не удалось и создать в первое послереволюционное десятилетие комплекса яслей и детских садов. Последними активно занялись только в 1930-е годы, тогда же началась большая компания по сворачиванию детских домов и выселению детей на улицу или распределению между домами. При этом, в провинции встречалось немало женщин-активисток, в том числе, в деревне, но их активность была связана как раз со сферой заботы о детях: «В общем и целом крестьянки и работницы полит-общественной жизнью интересуются, стремятся к знаниям, поднимают вопрос о необходимости обучения своих детей, горячо откликнулись на смерть товарища Ленина, верят партии»,¹ - записано в одном из отчетов отдела работниц Шадринского окружкома РКП(б) 1924 года. Однако уровень заинтересованности женщин политикой власть не удовлетворял: «но затрудняет их работа по хозяйству, уходу за детьми приковывая их к дому мешая дальнейшему развитию. Со стороны мужей к общественной деятельности крестьянок встречаются препятствия, но женщины с более твердым характером стараются перебороть, и даже есть случаи, что на этой почве разводятся с мужьями, особенно делегатки»². То есть, в некоторых случаях дело до распада семьи все-таки доходило. Из процитированного документа мы видим, что вплоть до середины 1920-х годов подобный исход дела воспринимался как положительный: власть выступала в общем против семьи. Поддерживавших такие начинания было немного. Как

¹ ГАШ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 285. Л. 13.

² Там же.

правило, женщины делегатки не встречали поддержки не только мужей, но и других женщин. Иногда коммунистическим путем шел не только муж или жена, но оба супруга: есть материалы о «современных», образцово-передовых семьях, вступавших в коммуны и там же воспитывавших детей: согласно анкете «Кузнецов Александр родился 17.10 1910 года... живет в коммуне «Родно». Родители крестьяне-коммунары, трудящиеся, на иждивении коммуны «Родно», отец и мать живы, живут в коммуне, отец, член ревизионной комиссии, ведет общефизический труд, мать занимается общим трудом, доходов не получают, имущество в общем состоянии коммуны, отец член РКП(б), Александр комсомолец с 1924 года»¹.

То есть, в 1920-е годы существовало несколько основных типов семейного пространства, в котором мог находиться ребенок, и в зависимости от этого различался внутренний климат семей и их материальное положение. Встречаются случаи, когда ребенок сам изъявлял желание воспитываться в «национализированном» виде и просил изъять его из семьи.

Первая причина – крайняя бедность: «Заявление в окроно. Прошу.. принять меня в общежитие или детский дом. Отец у меня был крестьянин-бедняк от сельхоз налогу освобожден. Семья состоит из 7 человек. Одна лишь бедность да нужда. И вот из-за этого, наверное, папа уехал неизвестно куда и для какой цели. Или он уехал искать места лучше или чтобы глаза не глядели на эту нищету. Матери у меня нет родной, а мачеха живет в деревне с 4 детьми, у ней средств нет всех прокормить. Хотя мне из школы выдают 3 рубля для платы за квартиру. Ну ладно, квартира есть, пока учусь из школы - будут выдавать, а там как жить, не знаю. Самое главное, это то, что нечем питаться и нечего носить. Я могу достать справку, что действительно у меня нет матери родной, и отец уехал... и все еще нет от него письма. Я вас прошу... даже если уже нет местов, дать мне хоть какую-нибудь работу под силу мне»². Письмо написала Вера Черепурина, ученица 4 «в» группы школы-

¹ ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

² ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 11. Л. 382.

семилетки, то есть девочка приблизительно 12-13 лет. В письме видим ситуацию распада семьи за счет выделения из нее мужчины, причем безотносительно к классовой его неполноценности – он был как раз из идеологически правильной среды бедняков. Дети живут с мачехой по неизвестной причине (смерть матери или развод). Видим, что за жилье в деревне семья вынуждена платить приличные деньги и, самое главное, что помогает ей это делать школа, при том, что сама школа в то время существовала за счет местного бюджета, а большей частью на средства горожан или сельчан, будучи на так называемом «самообложении». Девочка обещает достать в случае необходимости справку, что ее семья действительно находится в таком положении – вероятно, слишком часто дети злоупотребляли возможностью уйти из семьи в детский дом, где и настоящим сиротам места не хватало.

Другой причиной служило жестокое обращение. Антонина Самарцева 1 марта 1930 года написала соответствующую жалобу на своих отца и мачеху за жестокое обращение и просила изъять ее из семьи: «Папа и мама содержат меня плохо. Мама у меня не родная. Часто бьют, ругают, заставляют меня исполнять трудную работу, несмотря на то, что у меня больная рука и нога. Иногда не пускают в школу и отрывают от занятий, поэтому учусь я плохо. Держат меня в холодном помещении. Бьют меня кулаками и пинками. Садят в амбар, не дают плакать, зажимают рот. Мама приезжала 29 декабря 1929 года, здесь в городе взяла муки, мяса, сахару и т.п., а мне ничего не оставила. Сейчас мне помогают пионеры и квартиранты. Мама и папа уезжали летом в отпуск в деревню на два месяца, меня тоже одну оставляли. На первое время мне оставляли немного муки, а потом я опять была голодом. Мама летом меня выгоняла из дома, и я уходила за Тобол и там была 3 дня голодом. Одевают плохо – ношу мамины обноски, в школу пойти не в чем. Пимы худые, пальтишко рваное. Сейчас денег не высылают. Пишу письма домой – не отвечают, к подругам не отпускают. Учительница Наумова обследовала мое положение, ничего не предприняла. Было так, что меня больше недели не

отпускали в школу. Жить у них больше не хочу. Лучше уйду куда-нибудь, но у них не останусь. А. Самарцева, ученица 4 «а» группы школы 1 ступени №7, пионерка 12 отряда. Свидетели: Прегичева, Шикин, Шумкова, Соколова»¹. С обратной стороны документа подпись: «Временно делу не дан ход, так как отец болен, в вендиспансере лежит».

Исходя из документа видим, что родители не особенно бедствовали, так как могли покупать даже мясо и сахар, не только муку, причем покупали все в городе, а не в деревне. Девочка оставалась в городской квартире, которую, судя по всему, сдавали за деньги. Ситуация, которую она описывает, кажется нетипичной. Хотя распространены были проблемы с едой и одеждой, грубое обращение и наказания детей, в прессе стремились показать, что это характерно для «темных» людей, не перевоспитавшихся в социалистическом духе, неграмотных, невежественных. Однако в данном случае это не является следствием необразованности, бедности и приверженности к традициям, как то бывало обыкновенно: как выясняется из других документов, касавшихся этого дела, отец Антонины работал учителем в Чашинском районе. Но, по сообщению газеты «Красный Курган», он «по наговору неродной матери подвергает частым побоям свою 14-летнюю дочь, заставляет работать до школы, в школу отправляет последней»². «Нужно избавить девочку от подобных издевательств»³, обращается к Чашинскому району городской инспектор окружного отдела народного образования Воронцова.

В газете, между тем, писали, что «учитель Александр Михайлович Самарцев и его жена Серафима Андреевна имеют 2 детей: сын 17 лет учится в сельхоз техникуме, дочь 14 лет учится в 7-ой советской школе. Дети Серафиме неродные. Отец, слушая частые наговоры на свою дочь, издевается над ней: бьет ее руками и ногами – избивает до полусмерти, после побоев заставляет работать: до школы носить воду, мыть пол, несмотря на то, что она к труду совершенно не способна, так как одна рука у ней и нога больные. В

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 44

² Там же, Л. 92.

³ Там же.

школу уходит голодная, совершенно не имеет теплой одежды. По приходе из школы начинаются снова издевательства. По вине матери Антонина пропустила 3 дня. А когда пришла учительница совшколы Наумова с обследованием, то мать наговорила, что дочь неспособна учиться, а и не на что ее учить. Фамилия автора в редакции известна»¹. 16 января 1930 года Антонина написала заявление в окроно: «Прошу направить меня в детский дом, так как живу я очень плохо. В настоящее время родители уехали в деревню Асямолова Макушинского района. Живу на то, что дают пионеры и квартиранты. Прошу выяснить мое положение»².

Во всей этой ситуации примечательно, что реакция на обращение девочки началась спустя полтора месяца, при этом только в качестве рекомендаций и отписки о болезни ее отца, а также то, что Антонина обвиняет родителей в принуждении ее к труду и применении физических наказаний. И то и другое, как пишет А.Ю. Рожков, было распространено в семьях даже столичных – «Обследование домашних условий учащихся московской школы при заводе «Серп и молот» в 1923 году показало, что 100% родителей били своих детей»³ – но большинством детей воспринимались как должное, хотя в Семейном кодексе 1918 года впервые, как отмечает И.В. Ростовская, отсутствовало понятие «родительская власть», все дети признавались равными, а их воспитание становилось не частным делом, а обязанностью перед обществом и государством⁴. Вместо особой власти отец и мать пользовались «родительскими правами», которые действовали в отношении детей до их совершеннолетия⁵, а не пожизненно, исключительно в интересах детей – в противном случае родители лишались этих прав местным судом.

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 96.

² Там же, Л. 45.

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С.41

⁴ Ростовская И.В. Эволюция отечественного законодательства о несовершеннолетних: дореволюционный и советский период // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2012. – Вып. 2. – С.99.

⁵ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. ВЦИК 16.09.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. № 818.

Фактически это мало влияло на отношения в семье: по-прежнему сохранялась власть старших в доме, к детям применялись наказания, в том числе телесные, родители могли злоупотреблять детским трудом и не учитывать возрастных особенностей психики, не стесняясь сексуального общения при детях. Это отмечают все исследователи советского детства.

С другой стороны мы видим, какой водоворот закрутился вокруг написанной девочкой жалобы – отреагировала даже газета, слово которой имело настолько большой вес, что цитировалось чиновниками как основание для указания к действию. Остается вопрос, насколько соответствуют действительности ее жалобы: документа с осмотра ее квартиры не сохранилось. Вызывает сомнение фраза «на письма не отвечают, к подружкам не отпускают», написанная подростком, предоставленным самому себе – вряд ли в таком случае кто-то контролировал ее общение со сверстниками. Так же неясно, как девочка могла не знать, что ее отец в больнице, а не в отпуске. При этом старший брат Антонины не подвергался никаким несправедливостям и получал хорошее образование. Примечателен также возраст авторов прошений о помещении в детский дом – ученики 4 группы, подростки в переходном возрасте, остро переживавшие действительность.

Вполне возможно, что перед нами образец злоупотребления вниманием и свободой детства, когда обиженная девочка-подросток вымещает таким образом недовольство мачехой, которая строга с ней и не покупает новой одежды – если Павлик Морозов представитель коллективистского начала в борьбе поколений, то Антонина Самарцева – индивидуалистического. В противном случае ее отец – пример педагога с извращенной психикой. В данной ситуации мы сталкиваемся с проблемой достоверности источников – одной из самых острых в работе с материалами исследуемого периода. Провозглашение детских интересов властью и публичное декларирование необходимости их защищать улавливалось детьми и влияло на их отношение к взрослым и самим себе. Наказания и патриархальные отношения теперь не всегда воспринимались ими как норма. А.Ю. Рожков отмечает: «семья как

социально-психологическая целостность постепенно теряла свое нормативное и информационное воздействие на молодое поколение»¹, при этом «распад семьи многими детьми был воспринят без особого сожаления»². А.А. Сальникова пишет, что переориентация детей и юношества с семьи на улицу начала происходить в России уже в годы первой революции, а затем в годы первой мировой войны с уходом на фронт отцов, приводя к «политизации» и «освобождению», но одновременно и к «озлоблению» и «огрублению» детей³. Однако в больших масштабах, это, вероятно, было характерно для столиц и других крупных городов, но в исследуемых Курганском и Шадринском округах традиционное почтение детей к родителям в массе своей сохранялось, за исключением некоторых выделявшихся случаев, как с Самарцевой.

Тем не менее, проблема «улучшения быта детей в семье» поднималась в исследуемых округах и в 1920-е, и в 1930-е годы: «Положение детей в семьях тоже остается еще тяжелым. Меры физического воздействия являются еще чрезвычайно распространенными... Безнаказанными остаются такие явления, как спаивание детей, использование их для антиобщественных целей, насильственное приобщение к религии. Требуется... широкая постановка педагогического просвещения по вопросам воспитания детей в семье, проведение кампании против битья детей и религиозного одурманивания»⁴. У детей могла возникать и другая реакция на негативную обстановку в доме: «40% детей живут в атмосфере домашних ссор, драк, попоек... уже в раннем детстве дети копировали увиденное в своих играх, обсуждали услышанное»⁵, а потом, естественно, переносили в свою жизнь, пишет Е.М. Балашов. Так, среди детей и подростков было практически нормой курение и употребление алкоголя, но как мы выяснили в процессе работы с местным материалом, виной здесь не влияние родителей, а, наоборот, его недостаток. Так, одним из ярких

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С.39.

² Там же, с. 44.

³ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С.105.

⁴ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 323.

⁵ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003. С. 75.

воспоминаний И.А. Комарского, который видел родителей только в теплое время года и то по выходным, стало пробование табака – на эксперименте настояли старшие товарищи. Физически мальчик перенес курение очень плохо, отравился, и бабушка помогла ему скрыть этот инцидент от родителей, чтобы избежать наказания¹ – следовательно, они, простые колхозники, никак не поощряли подобные эксперименты. Сальникова пишет о широком распространении подростковой проституции², практически все исследователи отмечают распущенность молодежи 1920-х годов. Однако чаще всего такие явления были следствием беспризорности и безнадзорности, и только отчасти – разрушения моральных установок и традиций. А.Ю. Рожков пишет, что «мужчины и женщины едят, спят, делают все свои отправления совершенно открыто»³ и именно это развращает детей или напротив навсегда отвращает их от родительского дома. Но упомянутая открытость была естественным результатом тесного пространства жилища, характерным для быта простого населения, в том числе и дореволюционной России. Другое дело, что в постреволюционное время, когда дети получали в школе представление о другой жизни, у них в процессе взросления могло формироваться неприятие домашнего быта, желание жить иначе, уехать в город, получить хорошую профессию. Это отмечают многие респонденты, дававшие интервью о своем детстве, прошедшем в конце 1920 – начале 1930-х годов. И в целом это соответствовало общей политике власти: судя по документам, семья разрушалась, но медленно, не стихийно и с определенным вектором. При этом нужно иметь в виду, что сведения о собраниях делегатов, о внушенных детям новых ценностях, отрицавших традиции, содержатся или в прессе, или в делопроизводственной документации отчетно-планового характера – задача и того, и другого представить действительность в максимально приглядном для власти образе и (в первом случае) послужить в качестве воспитательного

¹ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

² Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С.170.

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 171.

средства для населения. При этом сведения, получаемые из них, фрагментарны и вырваны из контекста. В архивах откладывались, как правило, документы, содержащие только косвенную информацию о частной жизни, причем, в большинстве случаев, о ее девиациях.

На фоне вышесказанного практически единственной возможностью заглянуть в семейную повседневную жизнь зауральских детей 1920 – начала 1930-х годов дает работа с устными источниками, созданными при общении с людьми, чье детство прошло на территории Курганского или Шадринского округа в исследуемое время. Безусловно, обращаясь к устным источникам следует помнить крайнюю степень их субъективности и зависимость извлекаемой информации от избирательной памяти респондента, его жизненного пути, характера, настроения в момент рассказа – об этих опасностях подробно писала К.Ю. Кладова¹. Тем не менее, значимость их трудно переоценить.

Вот что вспоминает уроженец Половинского района И.А. Комарский: «Семья у нас небольшая была, всего трое ребятишек, я средний, сестра старшая и за мной еще брат был. Родители занимались сельским хозяйством, воспитывала меня в основном бабушка, потому что они обычно целыми днями были на работе в летний период, а зимой их отправляли на лесозаготовки в другие области, на север. Они только к весне возвращались домой, а с нами в это время занималась бабушка. Утром мы вставали, умывались, бабушка нас приглашала в горницу, мы молились, после молитвы садились за стол, завтракали. Учиться пошел я с 8 лет... Как обычные школьники учился я неплохо, потому что у меня отец был по тем временам грамотный, а мать безграмотная... Отношения с родителями? Они приезжали... нормальные отношения. ..Особенно в выходной день, в воскресенье, на завтрак все мы дома. А обед — я когда заиграюсь, забуду. Прихожу — а уже все.обеда нет,

¹ Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 315.

меня его лишали. Бабушка подсунет пирожок ли, булочку ли или там шанежку. Наказывали, конечно, что опаздываю на обед: не надо заигрываться»¹.

Во-первых, мы видим, что представления о масштабах семьи разительно отличались от наших: три ребенка для села было мало. При этом работа в колхозе лишала родителей возможности заниматься детьми, они оставались на попечении старшего поколения, которое прививало им религиозные ценности и традиционное мировоззрение. Как и сегодня, бабушка выступала своего рода детским адвокатом, покрывала мелкие шалости, помогала избежать наказаний, баловала сладостями, если таковые имелись. Так же в документе отражается типичная ситуация с образованием: у родителей еще существует гендерная асимметрия в этом отношении, а дети обоих полов уже все ходят в школу и безграмотными не остаются. Примечательно, что свои успехи в учебе респондент связывает с уровнем грамотности родителей. Детям старались прививать дисциплину: следили, чтоб не заигрывались, садились за стол вместе со всеми. О декларируемой детской свободе в действительности речь не шла: воспитание было традиционным с той только разницей, что дети оказывались оторваны от матери из-за ее круглогодичной занятости на работе. В этом смысле советским семьям жилось тяжелее, чем дореволюционным крестьянским: по-крайней мере, матерей на лесозаготовки зимой раньше не отправляли. Из-за редкой встречи с родителями их участие в воспитании детей сводилось к совместным приемам пищи по выходным и проявлениям строгости: наказаниям. В данном случае таковым служило лишение обеда, что свидетельствует о значимости пищи и придании ей манипулятивного характера по аналогии с тем, как поступала власть, когда наказанием для взрослых граждан служило лишение продовольственных карточек или снижение пайка. С другой стороны, выпечка, в том числе, сдобная, очевидно имелась в достатке, раз бабушка могла незаметно угостить внука, а значит, семья не голодала.

¹ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

Тяжело приходилось тем, кто не попал в категорию бедняков. Так, К.Г. Алефцев родился в 1927 году в селе Песчаное Пресногорьковского района Кустанайской области в большой крестьянской семье потомственных казаков. В 1931 году его семья переехала в станицу Звериноголовскую (Курганский округ): «жили богато, зажиточно, пашни были свои. Начался голод, неурожай. Скот стал мереть, кормить нечем. Раскулачивали. А у нас семья большая, что делать? Вот мы и в Зверинку — там знакомые. Стали жить. Через некоторое время пришли искать отца. А мать говорит — все имущество вам оставили, ничего у нас нет больше. Только дети. А муж уехал работу искать. ...Отца в итоге осудили как вредителя за нечаянно просыпанное зерно»¹. Семье в некотором смысле повезло – они были хорошие работники, смогли получить, пусть чужое и временное, но жилье и право на труд: «На краю Зверинки жили чабаны в саманных домах. Единоличники они были, уехали на лето на выпас, нас устроили жить в их квартиру. Сестра наша жила в прислугах. Брат в совхоз механиком поступил. Мы остались младшие да средние. Жили голодом, пищи не было, опухали. Утром взрослые уезжали на работу. А я пас гусей и уток у речушки, кормил их, цыплят охранял от коршунов. Оставляют крынку молока да краюшку хлеба»². Взрослые работали целыми днями, но жили все равно впроголодь. А вот у Е.Л. Окуловских из деревни Зимино Белозерского района 1920 года рождения к моменту раскулачивания и ссылки отца не оказалось рядом ни братьев, ни старшей сестры – только младшая сестра по отцу и мачеха. В возрасте 10-11 лет Елена лишилась жилья и еды и попала на каторгу вслед за отцом: «Мачеха собрала нас и повезла в Надеждинск. Там давали паек. Взрослые уходили на работу, нас оставляли в бараке. Я была постарше, варила похлебку. Пол был земляной. Мачеха все время работала и приходила раз в неделю, отца вообще не выпускали из

¹ Воспоминания Алефцева К.Г. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в апреле 2016 г.

² Там же.

тайги. Иногда приходила соседка приносила в бутылке молока, можно было кашу сварить»¹.

Многие семьи старались искать лучшей доли, переезжали, и попадали в еще более тяжелую ситуацию, причем ни ум, ни мастерство выжить не помогали. Родители до последнего старались обеспечить детям еду и одежду, найти жилье. Так, один из респондентов А.В. Комогоров родился в селе Раскатиха Притобольного района в 1926 году, был третьим ребенком в семье, единственным мальчиком. «В 30-х годах шло раскулачивание. У нас в деревне жил сапожник по фамилии Малафеев. Он был зажиточным и подлежал раскулачиванию. Чтобы избежать этого, он «смотался» в Кемеровскую область. В 1932 году все утихло, он приехал сюда, хвастаться начал, что там хорошо. А у нас с продовольствием туго было в те годы. Вот некоторые мужички и решили поехать в Кемеровскую область, в том числе и мой отец: он, мама и нас четверо ребятшек. Наняли извозчика и поехали. На одной из станций нас обокрали. Мало того, что утащили все вещи, так еще и самовара лишились. Денег совсем не было. До Мариинска все же доехали, там наняли извозчика, так и добрались до деревни, от Мариинска километров 30. Ночевали мы у извозчика одну ночь, вторую ночевали, потом жена его татарка сказала нам искать свое жилье, а у отца ни копейки денег нет. Нашли мы дом, папа печку сложил, так и прозимовали. Отец был хорошим печником. Он на лето ушел в русскую деревню, нанялся печи класть в колхозе. А в колхоз не принимают без справок, без документов. Он лето «помыкался», печи положил всем, оказалось, что больше нет работы никакой. А вещи все уже поизносились. Нанялся он пасти коров. Мать помогала ему осенью, простыла, слегла, полмесяца пролежала, в октябре 1934 года умерла. Не было же медицины никакой. И отец заболел. Мы с сестрами пошли по миру при родном живом отце»². В данном случае обречены на существование изгоев были не кулаки, а обычные бедные люди, попавшие в неприятность. Притом

¹ Воспоминания Окуловских Е.Л. 1920 г.р. Записано в г. Кургане в декабре 2014 г.

² Воспоминания Комогорова А.В. 1926 г.р. Записано в с. Раскатиха Притобольного района Курганской области в марте 2015 г.

местные власти, колхоз, общественность не оказали никакой помощи не только взрослым, но и детям – будущему своей страны, хотя они даже не были детьми врагов народа. Дети оказались в состоянии голодных беспризорников, просивших милостыню в середине 1930-х годов, когда в целом жизнь в стране начинала стабилизироваться, аборт уже запретили и приняли ряд законов по укреплению семьи. Семья действительно укреплялась через совместное противостояние голоду и подступавшей смерти: «Принесем куски, разделим на пятерых, каждый себе в кучку складывал. Папа не брал первым. Таким образом еще год прожили, в 1936 году он умер. Можно сказать, что с голоду»¹.

Несмотря на заботу о пропитании и одежде, отношения взрослых к детям часто не носили привычного сегодня нежного характера. По воспоминаниям А.Н. Корюкина 1916 года рождения из Мокроусовского района его в двухлетнем возрасте едва не увезли офицеры (было время гражданской войны), но мать его все же выпросила обратно, а дальше поступила не совсем понятным для нас образом: «взяла меня, в ограду забросила, калитку закрыла. Я оттуда вылезти никак не могу. А в ограде были гуси. Гусь на меня напал, вздернул. Я упал, он меня хлестал крыльями, клевал до синяков, избил всего, я ползком заполз под телегу. А на телеге палочка. Вот мать и говорит: взял бы палочку да ей гуся-то и отгонял. Ну я палочку-то взял. А разве отгонишь его, он такой хищный. Палочку я поставил в сени, она у меня стояла всю зиму в уголочке. А весной как тепло ударило, я вышел, а он опять прилетел ко мне. Я его стукнул по головке, он крылышки раскрыл и уснул. Больше он меня не видел, и я его не видел»². Двухлетний ребенок был брошен к птицам, превосходящим его по силе и массе, причем увидев, что он не справляется, мать не вышла на помощь, а предложила вооружиться прутиком. В три года ребенок совершил первое убийство живого существа, из самозащиты или из мести – неясно. Вероятно, описываемое А.Н. Корюкиным равнодушие матери, жестокость, предоставленность ребенка самому себе

¹ Воспоминания Комогорова А.В. 1926 г.р. Записано в с. Раскатиха Притобольного района Курганской области в марте 2015 г.

² Воспоминания Корюкина А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в августе 2016 г.

даже в трудных ситуациях – следствие ожесточения, наступившего в результате непрерывной череды войн – Первой мировой и гражданской. Однако на фоне описанной ситуации не удивительно, что одной из главных задач в семейной политике власть считала обучение матерей обращаться с детьми, ликвидацию неграмотности, привитие людям навыков гигиены и заботы о здоровье. Так, в газете «Красный Курган» в 1920-е годы появились рубрика «По охране материнства и младенчества»¹, публиковались статьи о семейном праве и роли женщины в воспитании детей, стали освещаться выезды делегатов в деревни с докладами о женской гигиене и здоровье младенца.

Тем не менее, большинство респондентов отмечает удивительно дружескую атмосферу в тесном доме и его открытость гостям, в особенности детского возраста, что слабо вяжется с утверждением о распаде семьи и падении ее авторитета. По воспоминаниям В.А. Филимонова 1925 года рождения (Куртамышский район), «в семьях жили все дружно. Ну, когда-нибудь, может, мать схватит веник, если мальчишки здорово то раздерутся между собой, то поспорят. Или не работают которые – тех веником или по заднице шлепнут. Че сделаешь – такое воспитание было»². Такие наказания не вызывали обиды, не наносили вреда, а служили для детей сигналом, что они ведут себя не совсем правильно. То есть, выполняли именно воспитательную функцию. К.Ю. Кладова приводит воспоминания жителей города Кургана о своем детстве 1930-х годов. Одна из ее респонденток говорит: «Почему-то не ругались. Вот в семье у нас до моего замужества я не знала, чтобы кто-то ругался. Никто никогда: ни братья не ругались, с женами не ссорились никто, никогда никто, я не слышала»³.

Устные источники дают также более целостную картину бытовых условий горожан и селян. Выше мы приводили воспоминания Филимонова, Комарских о домашней обстановке. По воспоминаниям Вениамина Кунгурова

¹ Красный Курган. – 1925. - №1.

² Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

³Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск., 2014. Ч. 9. С. 315.

«Ну жили мы, конечно, не богато, работал только один отец, а нас, гавриков, было, если не считая Анатолия, было два гаврика да и мать-домохозяйка. Но в то же время и не бедно. Конечно, как сейчас, допустим, рубашек, костюмов и прочего не было. Но одевали более-менее прилично...Жили мы в доме...вообще очень дружно. Если что-то нужно было, какие-то субботники провести во дворе, вот все выходили туда на уборку. У нас был там колодец, но правда пить из него нельзя было, вода такой болотной была, технической. Для уборки, для помывки дома пола можно было использовать. А воду мы носили из колонки. Колонка находилась в горсаду...Покупали талоны и по два ведра носили оттуда... С жильем, конечно, была проблема всегда»¹

При этом скромно жили практически все: социализм, действительно, уравнил население. Председатель сельского совета голодал также, как рядовой колхозник, также воспитывал детей и часто мог быть неграмотным. Отличать его могла разве что идеологическая выдержанность, как отца одной из респонденток П.Г. Дурмановой: «Я, Дурманова (в девичестве Белохвостова) Полина Георгиевна, родилась 10 октября 1924 года. По паспорту 10 ноября 1924 года в деревне Дедковка Косулинского сельского совета Куртамышского района Курганского округа. В семье было четверо детей. Самая старшая Катя умерла в возрасте 1 года. Из оставшихся в живых я самая старшая... Отец работал председателем сельского совета. Жили очень скромно. Голодали. В день иногда ели 1, 2 раза. ... Родители относились к моей учебе положительно, так как я их учила грамоте... Больше времени мы проводили с матерями и бабушками, так как отцы – мужчины – постоянно были заняты работой. Но они нас контролировали, спрашивали о проделанной работе»². Во-первых, видим характерное для тех лет явление – несовпадение даты рождения в паспорте и в реальности: родители не всегда могли вовремя зарегистрировать рождение ребенка в органах ЗАГСа. Во-вторых, смерть

¹Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск., 2014. Ч. 9. С. 315.

² Воспоминания Дурмановой П.Г. 1924 г.р. Записано в с. Парамонове Альменевского района Курганской области в ноябре 2014 г.

ребенка в младенческом возрасте – то самое бедствие, с которым боролся Отдел материнства и младенчества. В-третьих, наблюдаем совмещение в отце девочки образов руководителя, коммуниста, бедного и скромного человека, постоянно работавшего, ответственного, занимавшегося самообразованием.

Мы видим, что влияние семейного законодательства на жизнь реальных семей, безусловно, было, но оно не носило прямого характера и не перекраивало жизнь. Те случаи, когда власть, действительно, меняла частную жизнь и вривалась в ее пространство, как правило, подкреплялись не семейным правом, а общей государственной политикой: повсеместное введение начального образования и ликбез, пропаганда здорового образа жизни через средства массовой информации, имевшие в то время большой авторитет, курс на коллективизацию и индустриализацию, раскулачивание, тяжелая экономическая обстановка заставляли семьи меняться, приспосабливаясь к новым условиям, сохраняя при этом основные традиционные обстановки.

Существовал и обратный вектор влияния, что подчеркивает значение детской повседневности в личной истории и истории государства. Респонденты, чье детство прошло в условиях семейного мира и поддержки, сохранили положительное отношение к действительности, несмотря на тяжелую жизнь. В их числе, например, И.А. Комарский, В.А. Филимонов, К.Г. Алевцев, пережившие на голод, смерть родителей, войну. Е.Л. Окуловских, прошедшая ссылку вместе с отцом, вспоминает его любовь к ней и его незлобивость и уважение по отношению к сославшей его власти, которое переняла и она сама, пронеся через всю жизнь. Большинство респондентов – ветераны Великой Отечественной войны. Несмотря на тяжелую судьбу почти все сохраняют оптимизм, своеобразную религиозность и желание помогать людям. С другой стороны П.Г. Дурманова, воспитывавшаяся в семье идейных коммунистов, сама представляет образец жесткости, аскетичной строгости, идеологической выдержанности. А.Н. Корюкин, с которым так грубо обращалась мать, вспоминает детство и юность с горечью и гневом, и с этими

же эмоциями говорит о власти и своей дальнейшей жизни. Это еще раз подчеркивает значение среды, в которой протекало детство, причем не столько материальной ее составляющей, сколько эмоциональной, зависимость детского сознания от характера взаимодействия с близкими взрослыми.

Было еще одно следствие взросления в рамках пространства семьи – неизбежный внутренний конфликт ребенка при столкновении домашних традиций, как правило, религиозных, и прививавшихся в школе коммунистических и атеистических ценностей. В некоторых случаях, как у П.Г. Дурмановой, ценностные системы совпадали, другие жаловались на попытки детей перевоспитать взрослых. Некоторые дети делали однозначный выбор в пользу того или иного мировоззрения, но большинство, в частности, по мнению А.Ю. Рожкова, учились приспособливаться и лгать. На наш взгляд, эту способность адаптироваться можно рассматривать не только в отрицательном ключе. Гибкость мышления и способность пойти на компромисс, сохранив при этом свои убеждения, веру, традиции – не самое плохое качество. Многие родители умели соединить пионерский галстук сына или дочери и молитвы перед приемом пищи.

Таким образом, мы видим, что семейная политика и реальность не только не совпадали, но иногда прямо противоречили друг другу. Семейное законодательство дает нам точку зрения власти на семью и ее идеал в представлении политиков. Реальная жизнь не всегда соответствует идеалу и не всегда стремится к нему даже в тоталитарном государстве.

В целом люди в провинции сохраняли традиционное сознание и ценности и передавали их детям. Однако в силу влияния внешних обстоятельств и происходивших, пусть достаточно медленно, метаморфоз в восприятии себя и мира, в исследуемое время выделялись несколько типов семейного пространства: 1) традиционная полная семья с большим количеством детей и открытостью взаимоотношений; 2) полная коммунистическая семья; 3) полная семья, внутри которой есть противостояние ценностных систем между взрослыми ее членами; 4)

неполная семья вдовы/вдовца, разведенной женщины или матери-одиночки; 5) семья без родителей с бабушками и дедушками. Тип семьи, в которой воспитывался ребенок, определял его отношение к себе, взрослым и политической ситуации, а также оказывал влияние на формирование характера.

В семье первого типа, несмотря на материальные трудности, должен был вырастать достаточно счастливый человек – неурядицы здесь компенсировались межличностными отношениями. Как правило, такие дети сохраняли традиционные ценностные установки, скрывая приверженность им от общественности и власти, усваивая защитные способы поведения, ведя раздвоенный образ жизни – дома и вне его.

В семье второго типа в наименьшей степени мог возникнуть внутренний конфликт в мироощущении ребенка: ценностные системы дома и в школе совпадали, прямых возможностей знакомства с альтернативной системой традиционного типа почти не возникало. С наибольшей вероятностью в таких условиях вырастал коммунист (в данном случае мы рассматриваем только семейное влияние в детстве и исключаем знакомство с другими системами во взрослом возрасте).

В семье третьего типа внутренний конфликт у ребенка развивался особенно остро. Ему не только нужно было выбирать между правдой дома и правдой школы (когда вопрос стоял так, большинство выбирали дом, если только семья не демонстрировала распада морального и материального одновременно), но между правдой разных членов семьи. На наш взгляд, именно в данном случае мог сформироваться наиболее убежденный коммунист или противник системы, поскольку убеждения оказывались максимально взвешенными и выстраданными.

Семья четвертого типа, в большинстве случаев, не могла удовлетворить детей – одинокому родителю сложно было представить ребенку более или менее приемлемые условия существования как в материальном, так и в морально-психологическом смысле, к тому же он воочию наблюдал распад семьи или ее существование в распавшемся виде. Прибежище он мог найти в

школе и в утверждаемой государством системе ценностей. Там же была и замена полной семьи – партия, состоящая из мужчин и женщин.

Семья пятого типа обеспечивала прямую передачу традиционных ценностей от старшего поколения к самому младшему, но их авторитет в силу большого разрыва в возрасте был слабее, чем если бы они передавались родителями. К тому же такие семьи могли существовать длительное время только в очень редких случаях при благоприятном стечении обстоятельств: в материальном плане это было затруднительно и нередко дети сами изъявляли желание уйти из таких семей. Дети уходили не на улицу, а просились в детский дом. Иногда их отдавали туда отчаявшиеся взрослые, что привело к волне поиска родителями детей в 1930-е годы. Причиной такого отказа от воспитания служила не приверженность новым взглядам, а материальная несостоятельность.

Бедность и неустроенность быта совсем не обязательно приводила к его отрицанию и отрицанию старых ценностей. Хотя, безусловно, дети мечтали о лучшей жизни и преобразовании имевшихся реалий через преобразование самих себя – образование в таких случаях приобретало особую ценность в глазах как родителей, так и самих детей.

2.2. Детская повседневность в пространстве учреждений призрения

Если семья несмотря ни на что оставалась частной сферой и с трудом поддавалась воздействию власти и идеологии, то, казалось бы, сфера призрения детей, будучи государственным образованием, должна полностью соответствовать предъявляемым к ней требованиям. В предыдущей главе шла речь о законодательстве, регулировавшем жизнь детей, по той или иной причине оказавшихся вне семьи, а также о педологических разработках, предлагавших способы усовершенствования детского характера и природы, в том числе через правильное социалистическое воспитание в детских учреждениях. В данном параграфе мы на примере местных документов проследим реальное развитие системы детского призрения как результата взаимодействия воле – государственной и гражданской.

С первых дней своего существования Советское государство взяло заботу о беспризорных на себя, лишив общественность и частные лица права на инициативу в данной сфере. Это объяснялось тем, что «Дети расценивались как «образцовые носители нового социального порядка»¹, на них делали ставку, как на поколение, с малых лет впитавшее в себя коммунистические ценности и не знавшие других. Дети не должны были благодарить частных благодетелей за спасение от жизни на улице. Более того, в идеале всех детей полагалось поместить в детские дома, созданные коммунистическим обществом.

Однако беспризорность была реальной проблемой, а не потенциальной возможностью создать новых людей. После революции ситуация постоянно усугублялась. К 1922 году в стране насчитывалось около 7 млн беспризорных детей. Уральская область была территорией, куда стекались беженцы с других регионов страны, в том числе и беспризорные дети. В итоге, по данным

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С.50.

Государственного архива Свердловской области, опубликованным Г.Е. Корниловым, «к 1925 году на территории Уральской области скопилось до 39 тыс. беспризорных детей (из них более половины были неместными)»¹. Становилось очевидным, что нет возможности устроить даже их, не то, что национализировать всех детей страны. Идею создания всеохватного количества детских коммун и домов, и даже детских садов и яслей для всех детей соответствующего возраста не удалось воплотить в реальность, хотя велась постоянная работа в этом направлении: в Курганском и Шадринском округах, как и по всей России, действовала сеть детских домов, детприемников, ночлежек. По данным на 1923 год в 19 детских домах по Курганскому округу Уральской области воспитывалось 1680 детей².

В детские дома попадали не только беспризорники – в них отдавали детей семьи, распавшиеся или оказавшиеся в тяжелом материальном положении. Однако, убедившись, что ресурсов на содержание всех детей в стране нет, власть стала культивировать семейные формы воспитания, пытаясь максимально контролировать эту сферу, пока не пришла к признанию семьи как максимально подходящего места для развития ребенка в качестве ячейки нового общества. На местах сирот старались устроить, в первую очередь, к родственникам. Те, однако, особого энтузиазма не проявляли, основной причиной называя материальную несостоятельность: «На ваше предложение о принятии на мое иждивение детей Смирновых, находящихся в Каргапольском приюте, при всем желании не могу, так как в настоящее время без должности, а состав семьи 4 человека. Что касается брата, который служит учителем и имеет семью 4 человека, то он тоже не может взять, так как на его жалование с трудом может прожить семья,... а других родственников сироты не имеют. В виду чего и просим детей Смирновых пока оставить, а когда я поступлю к должности, то возьму их. 18.04.1924»³.

¹Корнилов Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в.// Уральский исторический вестник. 2012. №2(35). С. 50.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

³ ГАС. Ф. Р-213. Оп.1. Д. 354. Л.37.

Когда в середине 1920-х годов был восстановлен институт усыновления, детей стали передавать в семьи за вознаграждение: вместе с ребенком давали землю и деньги. Так, в 1926 году «детей и подростков в детских учреждениях интернатного типа в Уральской области насчитывалось 19,5 тыс., под опекой состояло 18,9 тыс., под патронатом — 1,6 тыс. Таким образом, детей-сирот насчитывалось более 40 тыс. человек»¹. Часто детей устраивали не в семьи, а в коллективные хозяйства – сделать было гораздо проще, так как в основном люди редко соглашались брать детей на воспитание из-за предвзятого отношения к детям из приюта несмотря на вознаграждение. «В последнее время начата раздача детей по коммунам и совхозам – роздано 14 человек. Содержание.. на ребенка 125 р в год»² – отмечено в документе от 1927 года.

Вообще на протяжении 1920-х годов в Курганском и Шадринском округах вместо увеличения числа детских учреждений шла тенденция к его сокращению. Так, в 1926 году число детей, проживавших в местах государственного призрения по Курганскому округу, сократилось до 1043 (с 1680 в 1923г.), количество детских домов до 16: 9 – в городе и 7 – в округе³. На 1 марта 1930 года в детдомах округа проживало 650 человек. В Кургане оставалось всего два детдома – в первом проживало 30 человек, во втором – 95; в округе действовала Юргамышская школа-коммуна (171 человек), Звериноголовская деткоммуна (117 человек), Куртамышский (125), Косулинский (45), Иковский (67) детские дома⁴: «окрстархком окроно сообщает: детдома № 4, 5, 1, 6 не существуют, слиты, организована школа-коммуна в Юргамышском... Перегруппировка детей произведена в сентябре 1929 года»⁵. Отметим, общее число 650 – неестественно ровное, как на заказ. Нормы существовали не только на производстве, но и в сфере призрения

¹Корнилов Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в.// Уральский исторический вестник. 2012. №2(35). С. 52.

² ГАОПДКО. Ф.10. Оп. 1. Д. 252. Л. 14.

³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп.1. Д. 4. Л. 52.

⁴ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп.1. Д. 11. Л. 125.

⁵ Там же. Л. 189.

детей: «Темп в областном народном образовании должен нагнать народный хозяйственный пятилетний план»¹. К 1929 году планировалось полное уничтожение беспризорности, поэтому детские дома нужно было сокращать. С конца 1920-х гг. проблема детской беспризорности постепенно исчезла со страниц советской печати: «это было связано с политической установкой советского государства о завершении дела о беспризорности и успешном выполнении трехлетнего плана по борьбе с детской беспризорностью (1927 – 1930)»². Кто же все-таки попадал в детские учреждения?

В материалах детских домов обязательно содержатся листы учета прибывавших и убывавших воспитанников, а также другие документы с указанием их пола, возраста, уровня грамотности и других характеристик, в том числе, класса. Так, в акте обследования Звериноголовской сельскохозяйственной колонии 22 сентября 1929 года отмечено: «детей 92: 36 девочек, 56 мальчиков (по возрасту больше 15-16 лет – 50 человек). Совершенно неграмотных ...16 человек, малограмотных – 66, вполне грамотных (окончили школу 1 ступени) – 10 человек, из них 6 учатся в школе крестьянской молодежи. По социальному положению: рабочих – 9, крестьян – 34, кустарей – 3, служащих – 9, служителей религиозного культа – 1, и не выяснено – 31 человек. Полусирот – 2, круглых сирот – 90»³. Если в начале 1920-х годов были нередки случаи сдачи в детский дом детей родителями, то к концу десятилетия эта тенденция прекратилась – началось, напротив, возвращение ранее оставленных детей (см. пред. параграф), поэтому подавляющее большинство детдомовцев, действительно, не имели семьи. Особенно это касается тех 31 человека, чье социальное происхождение не удалось выяснить. Как видим, представителей господствующего класса – пролетариата – совсем немного, больше всего детей крестьян: Курганский округ все-таки был аграрным по своей хозяйственной направленности. Среди

¹ГАКО. Ф. Р- 465. Оп.1. Д. 11. Л. 240.

²Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг: сборник документов и материалов/ Г.Е. Корнилов, И.А. Лаврова. Екатеринбург, 2009. С.8.

³ГАКО. Ф. Р- 465. Оп.1. Д. 11. Л. 198.

воспитанников есть «служитель культа» - по всей видимости, ребенок священника. Его судьба представляется наиболее загадочной – священнические семьи, как правило, большие, крепкие и просто так не распадаются. Возможно, семья была репрессирована или ребенок сам отказался от нее. Также видим, что большинство детей не получало образования, несмотря на возраст школы второй ступени.

В постановлениях сверху подчеркивается необходимость классового подхода при отборе детей: «классовая политика в детучреждениях не проводится и искривлена. Должен быть ясный состав детей учреждения. Задача перед учреждениями СПОН: воспитать классово здорового человека, беспризорников, испорченных улицей, взять и исправить в классовом духе»¹. Испорченность улицей подчеркивается ярлыками, навешиваемыми на детей: в Звериноголовской коммуне «умственно дефективных – 7, умственно отсталых – 8, трудно воспитуемых – 20 (16 рецидивистов)»².

О реальных условиях жизни в детском доме можно судить по письмам воспитанников, отчетам сотрудников детских домов и по актам обследования детских учреждений надзорными органами. Основными проблемами, как следует из документов, были, во-первых, отсутствие специально предназначенного для размещения детей пространства, во-вторых, плохое состояние имевшихся помещений и их теснота, в-третьих, антисанитария. Как пишет Т.М. Смирнова, новая власть резко раскритиковала «старые дореволюционные приюты, в которых, по словам работников советских органов соцобеспечения, «молот порабощения дробил молодые души в куски», и «давящие казематы» было решено заменить новыми детскими домами с «наилучшими условиями» для «нормального и здорового развития как в физическом, так и в духовном отношении»... Действительно, ряд особняков был передан под детские учреждения... Но не всегда удавалось

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп.1. Д. 11. Л. 240.

² Там же. Л. 198.

получить даже здания бывших детских учреждений, не говоря уже о передаче других помещений, в том числе обещанных детям «дворцов»¹.

Причинами таких условий служили, во-первых, недостаток финансирования или полное его отсутствие, во-вторых, халатное отношение местных властей и персонала детских учреждений к жизни и здоровью бывших беспризорников, в-третьих, неспособность большинства детей самостоятельно заботиться о соблюдении элементарных норм гигиены и трудового распорядка. Тем не менее, например, А.Ю. Рожков отмечает, что наряду с пионерами «более приученными к самообслуживанию оказались воспитанники детских учреждений»² – это было прямым положительным следствием организации детского пространства изолировано от взрослого, когда сами дети несли большую долю ответственности за свой быт, а их повседневная жизнь выстраивалась в соответствии с расписанием, в которое обязательно входили гигиенические процедуры, возможные в условиях проживания, и уборка помещения.

Однако по большинству позиций жизнь детей в таких учреждениях и окружавшее их материальное пространство напрямую зависели от взрослых сотрудников учреждения. Т.М. Смирнова приводит примеры содержания детей в помещениях бывших конюшен и поросятников, без кроватей и теплой одежды, по месяцу не менявших белье и не мывших тело, при том, что на складах хранились и мыло, и постельное, и одежда³, а также случаи сдачи сотрудниками в аренду комнат и кроватей в детских домах и других злоупотреблений и проявлений халатности.

Данная ситуация была характерна как для центра, так и для окраин: например, в помещении Каргапольского детского дома – двухэтажном кирпичном здании без стекол из 10 жилых комнат, поделенных на спальни и

¹ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб., 2015. С. 239

² Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 185

³ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб., 2015. С. 300

холодные складочные помещения – проживали «62 человека детей, а считаясь с кубатурой воздуха оно может вместить всего 15-20 человек»¹, при этом дети «просят пожертвований, болеют, умирают»², тогда как взрослые не принимают никаких мер, вплоть до решительного вмешательства со стороны власти: «С актом обследования ознакомилась уже прокуратура. Окроно предлагает Каргапольскому РИКу немедленно озаботиться приисканием и выделением вполне соответствующего... помещения для детского дома»³. Этот детский дом занимал двухэтажное кирпичное здание из 10 жилых комнат, 5 из которых служили спальнями, при нем имелась «баня с печью и флигель с двумя печами (используется для сушки белья), 5 складочных холодных помещений. В верхнем этаже расположены спальни детей, внизу кухня, столовая, 1 спальня и комната дежурного воспитателя. Дом к зиме непригоден: отсутствуют стекла в рамах – заклеены бумагой, печи в неисправном положении... Днем на подоконниках вода, бегущая на пол, а ночью лед»⁴.

Другим бедствием детдомов не только в Курганском и Шадринском округах, но и в других регионах Уральской области и по всей стране, было отсутствие или неустроенность уборных. Как пишет Т.М. Смирнова, «обычно под них использовали пустые комнаты, которые никогда не убирали, а при отсутствии пустых помещений – спальни или коридоры где... по целым дням лежали испражнения детей неубранными»⁵. При этом, отмечает она, «ситуация не воспринималась современниками как катастрофическая. В условиях всеобщей разрухи представления о «норме» и «благополучии» совершенно деформировались»⁶. В первую очередь такая невосприимчивость относилась к воспитанникам и сотрудникам детских учреждений. Тогда как сторонние проверяющие постоянно оговаривали эти проблемы в своих

¹ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 354. Л. 15.

² Там же. Л. 43.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 43.

⁵ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб., 2015. С.249

⁶ Там же.

отчетах. Вот замечания, сделанные относительно санитарного состояния шадринских детских домов 23 октября 1923 года: «Детский дом № 1: Выгреб уборной во дворе переполнен нечистотами, которые вытекают через край и растекаются по двору... при доме имеется теплая уборная, выгреб которой давно переполнен и трубы засорены так, что по всему верхнему этажу распространяет зловоние... Детский дом № 2: Уборная во дворе содержится грязно, в окружности ее мусор и экскременты... № 3: Помои разливаются по двору вблизи дома. Банная сточная яма переполнена... №4: Уборной нет... Во дворе кучи мусора и экскрементов... Детский дом №6 изолятор: Спят на койках по 3-4 человека... В окружности уборной грязь и кучи экскрементов. Детский дом №7: Двор в ужасном состоянии. Помойной ямы нет... №8: в помещении совсем нет кроватей и постельных принадлежностей. Уборной и помойной ямы нет, то и другое заменяют вырытые во дворе непригодная и необорудованная яма. №9: в помещении много клопов, двор в удовлетворительном состоянии... Детский дом №11: размещение детей работающих на конном дворе очень тесное»¹.

Аналогичная ситуация в Курганском округе. Удручающее впечатление производит описание детского трахомного изолятора №2 (для детей страдающих трахомой – инфекционным заболеванием глаз), составленное в июле 1926 года: «Имеется четыре небольших комнаты, где размещено 80 человек... дети принуждены днем находиться просто сидя на полу, а ночью спать вповалку. Остальные 40 человек детей находятся без всякого крова: круглые день и ночь находятся во дворе и ночью спят... вповалку под навесом – часть на земле, часть на поломанных кроватях,.. не имея совершенно нижнего белья и теплой одежды; для детей с повышенной температурой... комната.. около 2-х квадратных аршин с одной койкой (комната переделана из бывшей уборной). В доме нет столовой, комнаты для занятий с детьми... баков с кипяченой водой, умывальников,... вторых рам,... уборной...»².

¹ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 350. Л.36.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 135. Л. 128.

Курганский детдом № 9 располагался по улице Советская, 108 в двух старых кирпичных зданиях – бывшей столовой и пивной. «Сыро, речное и колодезное водоснабжение, 2 га земли, детей 65, все учатся в школе 2 ступени, самообслуживание, административный персонал – 1 человек, педагоги – 1, хоз персонал – 2. Состоит на горбюжете»¹. Детский приемник по улице Кирпичная №3 занимал частное деревянное здание 1906 года постройки «в плохом состоянии.., 50 детей от 8 до 17 лет, трудновоспитуемые и педагогические, образование получают - внутри приемника школа 1 ступени, 3 педагога, 2 тех работника»².

Сохранившаяся после реорганизации детских учреждений Звериноголовская сельскохозяйственная колония в 1929 году занимала три двухэтажных и одно одноэтажное здание в центре села - помещения нуждались в капитальном ремонте, комнаты были грязными, на каждого человека приходилось всего 6,35 квадратных метров (по нормам 25 квадратных метров, а при подчеркнутой в документе дешевизне зданий в Звериноголовском, была возможность расширить площадь без особых затрат). «Оборудование мебелью, как в комнатах девочек, так и мальчиков, отсутствует. Койками обеспечены полностью, но из-за недостатка места и постельных принадлежностей (50%) размещаются по двое на койку... Совершенно нет умывальников и баков»³. Как следует из документа, теснота, в которой живут дети, не объективное следствие сложившейся социально-экономической ситуации, а результат бездействия администрации детской колонии. Это подтверждается и общим состоянием имеющегося: «все три здания, занимаемые детским домом, находятся в крайне бесхозяйственном и антигигиеничном состоянии. Не хватает зимних рам, двери не притворяются, выбиты стекла в спальнях. Неисправны печи, нет вентиляции, 9 детей болеют недержанием мочи – это создает непосильно тяжелую атмосферу во всех

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 11. Л. 262.

² Там же. Л. 263.

³ Там же. Л. 198.

помещении детского дома. Вокруг зданий помои и другие нечистоты. Кухня совершенно холодная и грязная»¹.

Помимо негативных примеров есть и более оптимистичные, в том числе, показывавшие готовность самих детей создавать пространство детского учреждения: «У нас в комнате стало чисто и опрятно, ребята исправились... Мы моем через день, и в коридоре каждый день», - пишет в окроне детдомовец Николай Итальянцев под диктовку товарищей. В том же письме он отмечает, что у девочек дела обстоят не так хорошо, и во всем учреждении проблемы с гигиеной: «Мы уже 2 недели не мылись, но нам дали белье, и мы его надели на грязное тело, и скоро нам будут шить белье. А баня еще не исправлена»². Дети считают важным упомянуть о получении чистого белья, которое «надели на грязное тело» - то есть, понимают антисанитарность окружающих их условий. Вообще, как пишет Т.М. Смирнова, из-за дефицита в стране мыла и воды «даже грудных детей в домах ребенка... мыли порой не чаще одного раза в неделю. Старших детей мыли еще реже, не чаще одного раза в месяц, причем не всегда с мылом... наиболее благоприятной с точки зрения санитарно-гигиенических условий оказалась Томская губерния.. благодаря поддержке местной власти»³. В Курганском и Шадринском округах местная власть мало заботилась о детях, хотя есть и примеры благополучия, как в Куртамыше.

Куртамышский детский дом для детей школьного возраста имени Октябрьской революции к концу 1920-х годов вмещал 97 воспитанников в возрасте от 10 до 16 лет и занимал три частных дома: в двух располагалось детское общежитие, квартиры служащих, склад и канцелярия, а третья занимала школа, столярная мастерская и лавка, где продавалась продукция этой мастерской. «Помещение хорошее, но не приспособленное для детского дома, кухня холодная, баня и прачечная не оборудованы. Освещение

¹ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 11. Л. 250.

² Там же. Л. 52.

³ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб., 2015. С. 248.

электрическое, отапливается дровами. Койками и матрацами снабжение дома удовлетворительное», - говорится в документе. Имелись «кухня, столовая, банная, два саманных склада, два дровяника, четыре оборудованных конюшни, пять стаек»¹ и половина гектара земли. Это учреждение можно назвать, в некотором роде, богатым. Наличие бани и надворных построек говорит, во-первых, о способности содержать их в порядке, во-вторых, о имевшемся подсобном хозяйстве: «есть лошадь, две свиньи, жеребенок»², в-третьих, об организации трудового воспитания и подготовке детей к выходу в самостоятельную жизнь. Хотя мастерские имелись при многих учреждениях подобного рода, они служили не столько производственным, сколько воспитательным целям, так что факт выхода на торговлю и наличие собственной лавки представляется примечательным.

Многие детдома не имели собственной бани, или же она находилась в нерабочем состоянии, и дети были вынуждены обмываться на кухне, тут же стирали и готовили еду, правда, в некоторых районах детский дом мог пользоваться банями РИКа³. Дети спали на полу, за неимением кроватей, в сырых, плохо отапливаемых помещениях, часто и без одеял, укрываясь простынями, что явно не способствовало охране детского здоровья и созданию благоприятных условий для жизни и учебы. Все это слабо сочетается декларируемым образом детства и яростной борьбой государства против темного крестьянского быта и антисанитарии, о которой писалось в газетах⁴.

В таких неблагоприятных условиях тяжелее всего приходилось больным детям, а таких было достаточно большое и постоянно растущее количество по причине тех же самых условий. Дети простывали в холодных помещениях и плохой одежде, не получали достаточного количества необходимых веществ с пищей, нередко травились ей, слабели от долгого пребывания в закрытом и тесном пространстве, от антисанитарии, недостатка движения физического и

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 228.

² Там же.

³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 198. Л. 32.

⁴ Красный Курган. 1924. № 53, № 61.

умственного, заражались друг от друга. При этом практически не получали медицинской помощи. Уже упоминавшийся трахомный изолятор в Кургане отмечен в акте осмотра главным городским врачом в феврале 1930 года: «осмотр детей трахомного изолятора в коммуне (26 человек) и осмотр 74 детей школы. В изоляторе больные разными формами трахомы находятся совершенно без лечения и без надлежащего медицинского осмотра (последний был 2 декабря). Некоторым требуется хирургическая помощь. Медикаментов в изоляторе нет, если не считать капель без названия, которыми лечатся все больные. Нет лица, сколько-нибудь разбирающегося в лечении. При осмотре детей школы выявлено несколько случаев трахомы - или свежей или у детей, выписанных из изолятора»¹.

Характерно письмо Курганскому окружному отделу здравоохранения от заведующей окроно инспектора СПОН Барановой: «Окроно просит дать школьного фельдшера в штат Юргамышской школы-коммуны для лечения детей-трахомников и наблюдения за всеми детьми коммуны. Фельдшер будет обеспечен квартирой с отоплением и освещением, зарплата 55 рублей.. 18 февраля 1930 год»². Юргамышская школа коммуна на тот момент состояла более чем из 170 детей и была крупнейшим детским учреждением Курганского округа, а медицинской помощи была лишена, учитывая, что письмо написано не в период упадка начала 1920-х, когда «в результате тяжелых материальных условий среди детей распространены болезни: трахома, туберкулез, чесотка (20.09.1924)»³, а в 1930 году. Звериноголовской коммуне после обследования в 1929 году «предлагается... медосмотр проводить не реже 1 раза в месяц. Рекомендуются больных недержанием детей пристроить к райбольнице. Они ходят в мокром и ложатся на мокрую постель. ...Улучшить питание, увеличить количество жиров»⁴. Юргамышцы, вероятно, доктора так и не дождались: сохранилась просьба окроно «принять

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 49.

² Там же. Л. 119.

³ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 350. Л. 485.

⁴ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 251.

в окружную больницу 15 воспитанников Юргамышской школы-коммуны, больных трахомой»¹. К слову, Юргамышская школа-коммуна, появившаяся после перевоза из Кургана детдомов № 1,3 и 4 заняла бывшее поместье Шмурло, где раньше располагался сельскохозяйственный техникум. Техникум перевели в город, а его земли и учреждения перешли коммуне².

Тяжелая ситуация с медициной складывалась в Шадринском округе и по всей Уральской области: «До последнего времени при составлении окружных бюджетов очень слабо учитывалась организация медицинской помощи детям в детских домах, в связи с чем Мед/сан обслуживание детских домов на Урале, как в районах, так и в городах, остается крайне недостаточным, а местами совершенно отсутствует. Сеть детдомов для больных хроников ... не удовлетворяет имеющиеся потребности, и в домах нормального типа продолжают оставаться дети, больные хроническими заразными болезнями, умножаясь количественно»³.

Показательна фраза «при составлении окружных бюджетов»: поскольку все детские учреждения, включая школы и детские дома практически не получали государственной финансовой поддержки, большое значение имело благополучие округа, района, населенного пункта и сознательность местных властей и граждан. В докладной записке начала 1930-х годов, адресованной президиуму Курганского окружного исполнительного комитета, значилось, что «райисполкомы не руководят работой детских домов. Отпущенные по бюджету средства... выдаются несвоевременно и неполностью». Так, Юргамышский РИК выполнил смету расходов по школе-коммуне за первое полугодие на 34%, и дети работали в необорудованных мастерских, кроме того им приходилось жить в холодных помещениях, так как «РИК не отпустил средств на вывозку дров и 144 км остались в лесу». Отмечалось, что в Звериноголовском и Белозерском районе у детей нет даже комнаты для идеологически значимого красного уголка, а райисполкомы «хотя и имеют

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 124.

² Там же. Л. 218.

³ ГАШ. Ф. Р-225. Оп.1. Д. 23. Л.24 об.

возможность дать дома, не дают»¹. Ситуация была характерна для Уральской области в целом и носила затяжной характер. Инспектор СПОН Уралово Русанова писала в докладной записке в декабре 1930 года следующее: «Настоящим вынуждена довести до Вашего сведения об имеющихся фактах безобразного и бездушного отношения к детским домам, носящих систематический характер со стороны РИКов, горсоветов, и даже партийных организаций... Невьянский райсполком выселил воспитанников детского дома из занимаемого ими помещения в количестве 40 человек, поместив их в порядке уплотнения в другой детский дом, находящийся тут же, в Невьянке... вместо 40 человек живет 80,.. он в настоящее время похож на самый плохой ночлежный дом. Ребята вынуждены спать по 2-3 человека на одной койке, так как некуда ставить кровати, а отобранный детдом отдан под Дом культуры... Ключевский детский дом, несмотря на крайнюю нуждаемость в ремонте из-за произошедшего пожара в прошлом году, не получил ни одной копейки на проведение ремонта. Райсполком категорически отказал в отпуске средств, и воспитанники вынуждены жить зиму в грязном разрушенном помещении... Я имею целый ряд сведений, где райисполкомы экономят средства детдомов и тратят на другие нужды или закрывают бюджет»².

В итоге детские дома оказывались не более просторны, чем бараки или крестьянские избы, только жили в них «друг на друге» не члены одной семьи, а дети разных возрастов, разного уровня развития и социальных привычек, где скромная сирота могла делить квадратный метр с малолетним преступником. Дестабилизирующим фактором в воспитании нового человека здесь выступало не традиционно религиозное мировоззрение, а с трудом ограничиваемые законы улицы. Неудивительно, что проверяющие комиссии в ходе обследования обращали особенное внимание на присутствие в детском

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 210.

² Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг: сборник документов и материалов/ Г.Е. Корнилов, И.А. Лаврова. - Екатеринбург, 2009. С.104-105.

учреждении предметов революционного культа: клуба, ленинской комнаты или ленинского уголка в зависимости от его масштабов – он не только создавал идеологическую основу, но и отвлекал от девиантного поведения.

Одной из важнейших бытовых проблем, наряду с прочими, был вопрос питания обитателей детских домов. Нужно отметить, что детская продовольственная проблема была актуальной не только в нашем округе, но и в центральных городах. Вот как пишет исследовательница ситуации в Петербурге-Ленинграде А.Н. Тагирджанова: «Питание – наиболее слабое и наиболее уязвимое место жизни детского дома... малодостаточное и очень однообразное, наблюдается стоматит и заболевание цингой»¹. В начале двадцатых годов о разнообразии детского меню думать не приходилось – стояла задача обеспечить ребят, находящихся на попечении государства, хоть какой-нибудь пищей. Как пишет Смирнова, «нормы питания и здорового образа жизни совершенно игнорировали исторические реалии и существовали только на бумаге»², «положенные по норме суточный паек на практике выдавали лишь в некоторых показательных детских учреждениях ... Продукты для дет учреждений вопреки указаниям правительства отпускались в последнюю очередь и часто были несвежими»³. Тем не менее, власть старалась распределить продукты в пользу детей. Например, «21 марта 1921 года спец циркуляром ДТК всем губ продкомам из общего распределения изъяты сухофрукты, молочная мука «Нестле», ...шоколад,..яйца, сгущенное молоко, мед. Эти продукты предназначались только для детского и больничного питания»⁴, однако губернские и уездные продкомы по несколько недель не отпускали продукты, а по истечении месяца аннулировали наряды, присваивая себе детские пайки. Иногда еда расхищалась на местах агентами снабжения ОНО и администрацией детских домов. А иногда, наоборот,

¹Тагирджанова А.Н. Татарские детдома в Петрограде-Ленинграде 1920-х годов // URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/pedagog_tagirdganova.htm? (дата обращения 01.06.14).

² Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб., 2015. С.59

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 67.

администрация была занята «выпрашиванием» еды у вышестоящих органов: материалы по детским учреждениям Лопатинского района за первую половину 1920-х годов полны прошений, заявлений, договоров, талонов на муку и зерно, изредка на мясо¹.

Постепенно послереволюционная детская кухня упорядочивалась. Так, 17 апреля 1924 г. был издан приказ №29 «Нормы питания». Вот сводная таблица (Таблица 1) для воспитанников детдомов, вес указан в золотниках (4,3 грамма):

Таблица 1².

Нормы питания в детских домах, 1924 г.

Наименование	Дошкольники	Школьники младше двенадцати лет	Школьники старше двенадцати лет
Муки белой	24 (103,2 гр.)	12 (51,5 гр.)	–
Прочей (муки)	72 (309 гр.)	124 (533 гр.)	148 (636 гр.)
Крупы	24 (103 гр.)	24	24
Жиров	4 (17,2 гр.)	4	4
Соли	4	4	4
Сахару	4	4	4
Кофе	1	1	1
Масло	3	3	3
Мясо	16 (68,8 гр.)	24 (103 гр.)	24
Молоко сгущенное	1/8 банки	1/8 банки	1/8 банки
Овощи	50 (215 гр.)	50	50

Однако следовали этим нормам далеко не везде в силу неравномерной обеспеченности детских домов. Например, в протоколе педсовета детского

¹ ГАКО. Ф. Р-409. Оп. 1. Д. 4.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1 Д. 2. Л. 156.

дома в Утятском районе в 1925 году предписывалось «обед устроить из одного супа с хлебом, а вечером каша и хлеб»¹.

Проверявшие комиссии не делали никаких критических замечаний по поводу рациона, не оставляли рекомендаций: кажется, повсеместное отклонение от норм питания их мало беспокоило. Тем не менее, к концу двадцатых годов положение явно улучшилось. Вот, например, более разнообразное «примерное меню» Лопатинского детского дома на 1928 – 29 гг.: «На завтрак хлеб с маслом, кофе или чай с молоком. Винегрет, кофе с молоком, жареный картофель. На обед борщ зеленый, котлеты мясные с пюре, компот... суп мясной с рисом,.. суп овсяный с картофелем и маслом... рисовая запеканка, тушеные овощи, рисовый пудинг...»². В 1930 году «принимая во внимание, что... почве недостатка питания дети больны малокровием, куриной слепотой, и даже есть признаки цинги... окроно просит увеличить норму: Хлеба 600 г, для дошкольников 400 г белого и 200 черного, крупы 150г, фруктов – 20, мяса – 100, масла – 10 картофеля – 400, других овощей – 100»³. Как пишет Смирнова, скудные нормы пайков увеличились только во второй половине 1930-х годов, а с 1938 года «в обязательный паек детских домов Наркомпроса вошли также печенье и конфеты Монпансье»⁴

Документы показывают, что реальное положение дел очень отличалось от того марша успеха, который изображали газеты, литература, кино. Как отмечает американская исследовательница советского детства Лорейн де ла Фе, выделить настоящую повседневность такого кризисного периода, каким было первое десятилетие Советской власти, очень трудно, так как повседневные практики заслоняет создаваемая пропагандой иллюзия успеха и стабильности в вопросах образования, гигиены, питания. Особенно это касается детской повседневности: «The early revolutionary period was a stage of

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 64. Л. 4.

² ГАКО. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 86. Л. 285.

³ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 286.

⁴ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб., 2015. С. 217

constant crisis in Soviet history, it is difficult to separate the everyday from crisis, which allows us to view how the Bolsheviks, through official discourse and in propaganda, and intervention in the population's everyday life, created a semblance of stability in the routine of learning, hygienic habits and eating, especially for children during a volatile period»¹. Сила этой пропаганды была настолько гипнотической, что помогала людям закрыть глаза на голод и неустроенность в надежде на светлое коммунистическое будущее.

Проверки детских учреждений в основном проводили окружные комиссии по улучшению жизни детей. В Кургане таковая официально приступила к работе по решению окрисполкома от 4 апреля 1924 года. С трудом добиваясь поддержки РИКов, комиссия по улучшению жизни детей (ДТК) доставала средства на заботу о детях из других допустимых законом источников. В Шадринске ДТК при ВЦИК проводила вещевые лотереи – в 1928 году с выпуском в продажу 2 млн билетов по цене 50 коп., организовывала субботники со сбором средств в пользу детей². «Организационная часть» комиссии занималась привлечением крестьян и рабочих к активному участию в работе общества Друг Детей, курировала это общество, взаимодействовала со всеми профессиональными, кооперативными, общественными организациями округа с целью вовлечь их в дело борьбы с беспризорностью; в задачи «Эксплоатационной части» входило изыскание средств для этой борьбы³. Основную прибыль получали от магазинов, лото в Кургане, Куртамыше и Макушино, механического ипподрома, курсов машинописи и благотворительных вечеров^{4,5}. Но несмотря на количество предпринимаемых мер, доход ДТК был незначительным, и львиную долю в

¹ «Ранний период Советской истории был кризисным, а понять, какой была повседневная жизнь во время кризиса очень трудно, так как перед нами открывается только то, как большевики путем политического дискурса, пропаганды, вмешательства в повседневную жизнь населения, на протяжении всего этого изменчивого периода создают подобие стабильности в образовании, гигиенических практиках, питании, особенно для детей». Loraine de la Fe. *Empire's children: soviet childhood in the age of revolution*. Florida International University. Miami, Florida, 2013. P. 12.

² ГАШ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.

³ ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

⁴ Там же, Л. 82.

⁵ Там же. Л. 82.

его бюджете составляли государственные ассигнования, которых тоже не доставало. Это привело к тому, что возникла «необходимость закрепления детей в массе населения»¹ и налаживания работы с уличными беспризорными, «путем привлечения их в ночлежки, приемники, постепенного привлечения наиболее подготовленной части беспризорных на производство»². При освобождении мест в детских домах предполагалось принимать туда преимущественно малолетних детей, а беспризорных 12 лет и старше следовало распределять по коммунам «с серьезной трудовой базой, могущей обеспечить подготовку воспитанников к вступлению в трудовую жизнь»³. Ответственность за вступление бывших беспризорников во взрослую трудовую жизнь также ложилась на Комиссию по улучшению жизни детей. Она должна была рассмотреть такие варианты как «передача на производство, отдача на обучение кустарям и ремесленникам, в крестьянские семьи, определение в кооперативные артели и т. п.»⁴, обеспечить средства на проезд и снабдить вещами первой необходимости, зафиксировать факт прибытия бывшего воспитанника на место работы.

С целью мотивации предприятий-работодателей вводились всевозможные методы поощрений. Так, при приеме подростка, не имевшего навыка в ремесле, в учебно-показательную мастерскую, мастерской выплачивается сумма, необходимая на содержание ученика, «но не свыше 180 рублей в год» из средств ДТК и Отдела народного образования и Народного комиссариата просвещения; предприятия и артели, принимавшие на работу бывших беспризорников, премировались, получали преимущество при получении сырья и материалов; крестьянским семьям назначались денежные выплаты. Подростки, обучавшиеся в коммунах, после сдачи выпускного

¹ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 122.

² Там же.

³ Там же. Л. 75.

⁴ Там же. Л. 71.

экзамена могли рассчитывать на трудоустройство с фиксированной заработной платой без стадии ученичества¹.

Кроме того, ДТК занималась профилактикой беспризорности, помогая бедным семьям, чтобы те могли содержать детей и не отказывались от них. Считалось также необходимым донести до семей педагогические знания, так как уже с середины 1920-х годов писали, что «основной формой воспитания остается семья, неудовлетворительность же семейного воспитания в последнем счете является одной из причин, содействующих беспризорности в настоящее время»².

Действовали не только окружные, но и районные отделения комиссии: «Катайская райдеткомиссия заседала 5 раз, решала вопросы: 1) об открытии детсада 2) о проведении двухнедельника охраны материнства и младенчества 3) об открытии детских ясель, об отпуске средств на детские консультации....У комиссии имеется 66 р 25 коп, собранных в кампанию по борьбе с беспризорностью 1925/26 гг.»³. При этом «беспризорников в районе 83... Устройство на воспитание в трудовые семьи в заявленный период был только 1 случай. Устроено в детские дома 6 беспризорников»⁴, то есть, остальные оставались на улице.

В повседневной жизни воспитанников детских домов, коммун и колоний значение имело не только финансирование, но и кадровый состав непосредственно в детских учреждениях. Как пишет Т.М. Смирнова, «проанализировав состояние различных детских учреждений, руководители Деткомиссии были вынуждены признать, что помимо объективных политических и экономических трудностей есть много «печальных штрихов, которые зависели только от злой воли отдельных лиц и групп»⁵. Окружающее

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 65.

² ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 124.

³ ГАШ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 6. Л. 91.

⁴ Там же.

⁵ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб., 2015. С. 80.

пространство, особенно детское, создавалось не только с помощью предметов. Большую роль здесь играли взрослые и атмосфера, поддерживавшаяся ими – это демонстрируют примеры уюта, устраивавшегося практически на пустом месте. Так, в Заключении о состоянии и работе Шадринской детской трудовой коммуны от 1924 года значилось, что учреждение «представляет из себя одно целое... несмотря на бедную, почти нищенскую обстановку» и «общественно–политическое воспитание детей стоит на должной высоте»¹. Правда, в большинстве случаев документы отражают обратное: «23.10. 1929 о результатах народного образования в Куртамышском районе: за преступно халатное отношение к делу... в следственные органы на предмет привлечения к ответственности – невыдача полностью средств ассигнования на содержание детского дома»².

Большое распространение получила такая завуалированная форма хищений, как «поставка заведомо негодных продуктов и предметов потребления»³. Притоку такого неблагонадежного контингента в сферу работы с беспризорниками способствовало нехватка специалистов в этой области – мало кто соглашался на тяжелую физическую и психическую нагрузку с низкой заработной платой: «работники детских домов, воспитатели получают 55 р в месяц»⁴ (отметим, такая же плата была предложена фельдшеру, приглашаемому в Юргамышскую школу-коммуну). В связи с этим отдача большинства людей была минимальной: «работа воспитателей детколонии заключается только в кормлении и то в неправильном»⁵, а некоторые воспитатели «подают заявление о переходе на учительскую работу – школы свободные есть, учителей не хватает»⁶. Проблема была поднята в декабре 1929 года.

¹ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 350. Л. 485.

² ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 11. Л. 89.

³ Там же. С. 74-75.

⁴ Там же. Л. 191.

⁵ Там же. Л. 204.

⁶ Там же. Л. 91.

Тогда в Звериноголовской коммуне работали 1 завхоз, 1 завуч, 1 штатный воспитатель и 2 воспитателя из состава воспитанников¹.

А между тем сверху спускались рекомендации: провести перегруппировку в детских домах, не допуская в одном детском доме наличия детей школьного, дошкольного и внешкольного возраста. При окроне организовать местную комиссию СПОН, при каждом детском доме – ревизионную комиссию. ...прикрепить членов партии к каждому детдому для помощи в работе. Воспитатели отстранялись, если не имели авторитета у детей, технический персонал – за присвоение продуктов питания, в частности, хлеба. Подчеркивалась необходимость трудового воспитания: организация мастерской, земельного участка². 20 декабря 1929 года состоялась пятидневная областная конференция работников охраны детства. «Текущий момент социалистического строительства ставит перед детскими домами и работниками новые задачи в области воспитания социалистического человека», отмечалось в стенограммах докладов. Выступавшие подчеркивали необходимость «Привести в надлежащий вид помещения, организовать самоуправление, работу пионер-отряда, учет беднейших семей.. Основным считается изучение трудовой деятельности людей.., антирелигиозная работа, организация уголка безбожника, интернациональное воспитание. .. навыки по домоводству для девочек»³. К слову, навыки по домоводству, прививавшиеся воспитанницам детских домов, окончательно утверждали господство семейного типа воспитания в советской России и традиционное разделение гендерных ролей в семье. Одновременно подчеркивалось «возросшее значение детских домов как учреждений коммунистического воспитания. Детские дома в городе должны быть прикреплены к предприятиям, в селе – к колхозам. Должна оказываться материальная помощь детям беднейших семейств»⁴. Декларировалась также необходимость контакта детдомовских

¹ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 198.

² Там же. Л. 195.

³ Там же. Л. 218.

⁴ Там же. Л. 322.

детей с семейными – в школе и пионер-отряде: подчеркивалось, что «создание школы специально для детского дома – явление ненормальное, так как отрывает детей от общественности»¹. В Куртамыше предложили обратить внимание на художественное воспитание детей, для чего необходимо «снабдить все учреждения музыкальными инструментами»².

Советские ученые-педологи считали, что ребенок на 90% – продукт средовых воздействий, то есть, помещая травмированного психически ребенка в здоровую атмосферу, можно воспитать здорового гражданина. Это и было изначальной задачей детских учреждений. В силу экономических и кадровых трудностей, а также трудностей реальной работы с беспризорными, детские дома стали, в первую очередь, убежищем для детей и возможностью выжить. Из приведенных выше документов мы видим, что условия, в которые попадали дети, за редким исключением не способствовали их «выздоровлению», а, скорее, наоборот, особенно в детдомах смешанного типа, где проживали дети разных возрастов и состояний. В 1929 году в Курганском округе произошла реорганизация детских домов – выделили отдельные места для содержания дошкольников, отдельные – для школьников, дети с 12 лет должны были направляться в трудовые коммуны, где могли жить, учиться и работать до совершеннолетия или до трудоустройства. Такие коммуны существовали и до 1929 года, но строгой упорядоченности, вызванной необходимостью сократить число детских домов и грамотно использовать имевшиеся, еще не было. Была проблема «переростков» - как называли подростков от 14 до 18 лет: они часто оказывались выброшенными на улицу без средств к проживанию, почти неграмотные и не имевшие никакой специальности и, в результате, пополняли ряды преступного мира. Смягчить переход из детдома во взрослую жизнь должно было коммунальное учреждение. По отложившимся в архиве документам достаточно полно

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 232.

² Там же.

восстанавливается работа Илецко-Иковской детской трудовой коммуны, основанной летом 1924 года.

Коммуна располагалась в пределах Салтосарайского лесничества в 35 верстах от Кургана по реке Ик¹, занимая земли, хозяйственные и жилые постройки Илецко-Иковского совхоза, переданные в долгосрочное пользование окроно². Учитывая аграрный уклон экономики Курганского округа, коммуна планировалась как сельскохозяйственная с полеводством, скотоводством, огородничеством и обучением промыслу, востребованному в деревне, на основе мастерских бывшего совхоза. Предполагалось, что, работая, воспитанники снимут с государства часть затрат на свое обеспечение, а в идеале будут содержать себя полностью и даже помогать благоустройству других детских домов. Условия жизни в коммуналке мало отличались от примеров, приведенных выше: даже ее устроители признавали, что «условия жизни детей в общем только удовлетворительные»³; «половина детей живет в более нормальных условиях, так как имеется небольшое количество коек и матрацев»⁴, у другой половины нет ни того ни другого. Летом 1924 г. коммунаров было 153 человека – 77 девочек и 76 мальчиков от 12 до 17 лет. На всех воспитанников приходилось 3 педагога. Около 20% детей были больны малярией.

С января 1926 года из ведения окроно коммуна перешла под контроль ДТК. К тому времени уже организовали уравнительное обеспечение всех едой, необходимой одеждой и жильем в интернате, никто не спал без матрасов и коек. Раз в неделю воспитанники ходили в баню за счет заведения, работали кухни, во все здания было проведено электричество и отопление; действовал клуб, в котором воспитанники получали теоретические знания по выбранной специальности, культурное и политическое просвещение. Работающие подростки получали хозяйственное обслуживание, например,

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

² ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 145.

⁴ Там же.

уборку в интернате делала «сторожиха, она же поломойка»¹, работала прачечная; неработающие воспитанники делали это сами. Кроме того, для стимуляции трудовой деятельности была введена поощрительная плата, которую воспитанники могли тратить по своему усмотрению на покупку новой одежды, бытовых мелочей, оплату дополнительных хозяйственных услуг. В мае 1926 года на территории коммуны была открыта лавка, где воспитанники могли не только покупать что-то, но и продавать свои изделия жителям окрестных деревень². В итоге к 1927 году, по данным источников, быт подростков значительно улучшился. Штат взрослых работников, работавших по найму, постоянно расширялся. На май 1927 года он состоял из управляющего, заведующего ремонтом, бухгалтера, заведующего мельницей, кладовщика (он же староста), конторщика (он же счетовод), огородницы (она же дойка), конюха (он же скотник), двух сторожих – в конторе (дояка), интернате (поломойка)³. Кроме того, здесь работали воспитатели и инструктора по каждому виду производства, имевшему место в коммуне.

В начале 1927 г. было сформулировано новое «Положение об Илецко-Иковской трудовой коммуне подростков, находящейся в ведении Курганского окружного ДТК». Был установлен возраст детей и сроки их пребывания в коммуне: принимались подростки 15-16 лет, выпускались в 18 лет после сдачи выходного экзамена с присвоением выпускного свидетельства, в котором указывалась специализация и стаж работы. За 2-3 года предполагалось получение специальности и адаптация к самостоятельной жизни. В 16 лет все воспитанники должны были зарегистрироваться на Бирже труда для получения через нее работы в установленном порядке. Труд каждого воспитанника фиксировался в учетной книжке. Заработок поступал в общий фонд коммуны и расходовался на содержание воспитанников, их личные нужды (эта часть выдавалась на руки), на улучшение производства, на формирование выпускного фонда. В так называемый выпускной фонд

¹ ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

² Там же. Л. 33.

³ Там же. Л. 5.

отчислялось ежемесячно 10% заработка. Эти средства выдавались подростку единовременным пособием при выходе из коммуны. Коммуна с помощью ДТК и окроно должна была решить вопрос с трудоустройством воспитанника по полученной специальности и доставить его к месту работы. Помимо овладения какой-либо специальностью, воспитанники должны были развивать свои организаторские способности и формировать чувство ответственности – в 1926–1927 годы жизнь коммуны строилась уже на полном самоуправлении.

Интересен опыт работы коммунаров: они разделялись на группы, в каждой назначали ответственного. У группы были обязанности, за добросовестное выполнение которых следовало отвечать перед всем коллективом. Обязанности делили соответственно возрасту: самое трудное дело – уход за лошадьми и связанные с ними полевые работы – были поручены десяти старшим подросткам. Они отвечали за состояние вверенных им животных, вспашку поля, боронение: во второе лето работы коммуны, было засеяно 8,5 десятин рожью, 5 десятин овсом и 2 десятины картофелем, при общей площади пашни 19,34 десятин и 50,6 десятин перелога. Другие девять ребят отвечали за крупнорогатый скот, как значится в документах, «из них трое пасут скот, трое убирают на ферме, следят за чистотой у скота, задают корм.., три девочки дойки, им поручено каждой три коровы,.. группа в три человека ухаживают за свиньями. Все группы чередуются»¹. По данным на 1925 год в коммуне имелось 11 лошадей и жеребенок, 15 коров дойных, 6 стельных, 15 телят и бык производитель, 16 овец, 2 барана, 5 свиной-маток и 2 хряка². Важную роль в хозяйстве коммуны играл огород. На его поливку утром и вечером двумя группами по 20 человек уходило ежедневно около 6 часов. Девочки работали в прачечной. Остальные ходили за дровами и хворостом, выполняли прочие поручения. Каждый должен был попробовать себя в разных занятиях и выбрать дело по душе, в котором будет специализироваться.

¹ ГАКО. Ф. Р-48, Ф. Р-472. Л. 145.

² ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.

Летом 1925 года в Илецко-Иковской коммуне работала комиссия по ее обследованию и краткому изучению, и агроном Д. Шаблов отметил в своем отчете: «Так «производительно» работать дальше нельзя»¹ и раскритиковал коммуну. Но возможно ей просто не хватало грамотного руководителя-агронома, который смог бы правильно поставить задачи перед воспитанниками и проследить за их выполнением. Обследование почв – песчаных и подзолистых – показало нерентабельность использования полеводства в качестве основной отрасли, решено было уделять больше внимания скотоводству и сделать основной упор на производственный потенциал ремесел коммуны, чтобы обеспечить воспитанников всем необходимым и наладить сельское хозяйство: приобрести более современные сельхозмашины, увеличить поголовье скота и улучшить его породу, завести беконных свиней: «тогда дело можно поставить так, что это хозяйство будет служить не посмешищем окружающему крестьянскому населению, а школой. Даже больше – могло бы служить образцом и показателем многим другим коллективным объединениям Курганского округа»². В январе 1926 г. Илецко-Иковская коммуна была передана из ведения окроно под управление ДТК, и стала при нем оперативно-производственным отделом главного назначения. Центром производства стала водяная мельница на реке Ик, оснащенная паровым двигателем и электропередачей. Для полноценной работы требовалось исправить плотину и отремонтировать саму мельницу, тогда она могла бы молоть до 800 пудов в сутки и приносить немалый доход. Остальные мельницы лежали ниже по реке и приводились в движение исключительно силой воды, потому работали медленнее, посезонно и за более высокую плату, так что мельница играла важную роль не только в жизни коммуны, но и в жизни близлежащих деревень: в Илецко-Иковскую коммуну приходили

¹ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

² Там же.

помольцы в радиусе 70 верст¹. Однако за время существования коммуны плотину так и не исправили.

Кроме мельницы большую роль играла слесарно-кузнечная мастерская, которая тоже была единственной в округе, поэтому ее продукция тоже могла бы пользоваться спросом, но и здесь нужен был небольшой ремонт. Жестяная мастерская часто была вынуждена стоять без дела из-за отсутствия заказов². Бондарная мастерская, напротив, успешно работала: она производила на заказ и на продажу пивные бочки, бочки под сало, кадушки, деревянную посуду. С переменным успехом работала пимокатная мастерская: в первый год она не окупилась, но вызвала интерес как у жителей окрестных деревень так и у самих подростков. Сапожная мастерская производила мелкий ремонт обуви и была популярна как среди самих воспитанников коммуны, так и среди сельчан. Однако со стороны местных властей отношение было довольно скептическим: «в силу некоторого неверия в долговременность и общественную значимость и важность целей, поставленных ДТК Илецко-Иковскому хозяйству, не позволяют рассчитывать на посторонние значительные вложения»³. ДТК ходатайствовало о расширении коммуны, так как многие выпускники детских домов по-прежнему оставались без образования, работы и средств к существованию, но в итоге наоборот столкнулась с угрозой сокращения штата сотрудников и количества воспитанников: «Хозяйственный авторитет ДТК еще не был завоеван»⁴. Одной из причин такого недоверия была низкая трудовая отдача подростков, несмотря на получение каждым поощрительных выплат. Но поскольку выплаты были уравнительными для всех трудящихся и «поскольку это дополнительное вознаграждение составляло для их бюджета часть незначительную, то в общей сложности для воспитанников не оставалось почвы для приобретения навыка к труду как к единственному источнику

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 123.

² ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.

³ ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 26.

существования»¹. Подростки могли работать только под контролем наемных сотрудников, что не позволяло сократить их штат и требовало расходов на зарплату. Другой проблемой был широкий возрастной диапазон воспитанников – от 14 до 20 лет, хотя по уставу коммуны подростки должны были выпускаться в 18-летнем возрасте. Руководство опасалось, что при замене старших младшим составом производство остановится вовсе, а при такой разнице в возрасте было трудно найти ко всем общий подход и привлечь младших к полноценной работе. Кроме того, на территории коммуны до самого ее расформирования функционировал детский дом, независимый от нее и находящийся под ведомством окроно. Не связанный с коммуной организационно и административно, он соблазнял воспитанников вольной нетрудовой жизнью.

16 мая 1927 года коммуна перевела своих воспитанников на самообслуживание и хозрасчет, окончательно отказавшись от своей изначальной идеи о коммунальном быте и переименовалась в «Илецко-Иковское хозяйство ДТК»², которое должно обеспечивать подросткам вместе с получением специализации уроки реальной жизни, «далекой пока от основ коммунального быта»³ с осознанием временности пребывания в хозяйстве и зависимости зарплаты от качества и количества труда. Детский дом расформировали, его старших воспитанников перевели в «ученики-подростки». Илецко-Иковское хозяйство при хорошем развитии должно было стать фабрикой скота, яиц, муки, масла и пр.⁴, вокруг которой сформируется тресто-синдикат пищевой промышленности из предприятий Эксплуатационной части ДТК и потеснит частных производителей на рынке. На базе этой пищевой фабрики должен был осуществляться переход населения на общественное питание – начать предполагалось с превращения столовой деткомхоза в большую общественную столовую. Кроме прочего

¹ ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 10. Л. 62.

² Там же. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 81.

Илецко-Иковское хозяйство могло готовить беспризорниц к работе в области общественного питания, решая одновременно кадровую проблему и проблему трудоустройства женщин. Было рассчитано, что таким образом деткомхоз смог бы обеспечить трудоустройство 200 подросткам в год, 40% из которых могли быть девушками.

Илецко-Иковская коммуна представляла собой интересный пример синтеза сельскохозяйственной, производственной коммуны и детского образовательно-исправительного учреждения. Во-первых, она должна была служить местом воспитания детей и их обучения; во-вторых, выполнять роль производственного и аграрного сектора комиссии по улучшению жизни детей; в-третьих, служить примером коммунального хозяйства, находившегося на полном самообеспечении. Тем самым, ставился одновременно педагогический, идеологический и хозяйственный эксперимент, причем довольно успешный: история коммуны показывает путь детского учреждения от коммунального хозяйства до подросткового совхоза, где воспитанники превращаются в учеников-работников, получавших плату за свой труд.

Вообще в детских домах, не только в коммунах, хозяйственная сторона жизни, содержание скота и, при возможности, засев поля, носили скорее характер необходимости, чем желательности, так как имели непосредственное отношение к пище на детском столе. У детдомов, как правило, было некоторое количество коров и телят, несколько лошадей, иногда овцы. Так, например, хозяйственное имущество Белозерского детского дома составляли «2 лошади, 7 дойных коров, 4 теленка, 2 овцы... сани, короб,.. литовка и колун»¹. Имущество это выдавалось РИКом, иногда часть его поступала в детский дом вместе с воспитанниками, как наследство сирот. Из детдомов ребята выпускались в 14-летнем возрасте, и проследить за их трудоустройством и дальнейшей судьбой было обязанностью детского учреждения и окроно – это была вторая причина, по которой уделялось большое внимание обучению и труду. В Куртамышском детдоме, где

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 198. Л. 32.

воспитывалось 97 ребят от 10 до 16 лет и 3 «переростка», «дети определены на производство: 9 в столярную мастерскую, 10 в пошивочную и кружевную, остальные учатся в школе 1 степени специальной для воспитанников детдома. Есть лошадь, 2 свиньи, жеребенок. Имеется столярная мастерская, сапожная с очень хорошим инвентарем»¹. Что касается коммун и колоний, то там специализация носила обязательный характер и была едва ли не главной целью содержания детей. Так, при обследовании Звериноголовской сельскохозяйственной колонии в сентябре 1929 года подчеркивалось, что «ребята почти поголовно заинтересованы тракторами... обучено 10 трактористов, 6 разослано в колхозы. 12 девочек приписаны к курсам кройки и шитья. Имеется 250 га пахотной земли и 60 га лугов. Засеяно 154 га»².

Тем не менее, выпуск воспитанников всегда был сопряжен с проблемами. Несмотря на спускаемые сверху квоты и льготы, работодатели не хотели принимать бывших детдомовцев, которые в массе своей мало были приспособлены к самостоятельному труду без контроля воспитателей, часто сбегали с работы. В итоге было принято решение о прикреплении, в частности, курганских детдомов к предприятиям. Велись постоянные споры, что делать с «переростками»: «взрослых детей очень выгодно отправлять скорей на самостоятельную жизнь – они не будут служить дурным примером для младшего возраста», «детдома засорены соцзапущенными элементами. Вина окроно и деткомиссии в том, они плохо учитывают возрастной состав (беспризорников свыше 18 лет необходимо брать из ночлежек сразу на производство и перевоспитывать через труд)», «ненормально, что часть выпускаемых... получившие все выходное пособие и прожив его, снова возвращаются в детдом уже без всего»³. Предлагалось даже не давать деньги выпускникам, а передавать организации, куда они направляются. Отмечалось

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 198. Л. 228.

² Там же. Л. 198.

³ Там же. Л. 225.

также, что «предприятия часто влияют на воспитанников в совершенно обратную сторону прививая кулацкие антисоветские настроения»¹.

С социально запущенными элементами, «засорявшими» детские дома была большая проблема. По закону наказания к несовершеннолетним вплоть до 1935 года не применялись, они должны были подвергаться перевоспитанию, а не взысканию. А чтобы обезопасить других детей, особо отъявленных нарушителей старались изолировать, причем не всегда справедливым способом. Например, записав в умственно-отсталые. Вообще до объявления педологии лженаукой в 1936 г. существовал дифференцированный подход к детям, исходя из их умственных способностей и психического состояния. Как уже говорилось, определяющим фактором считалась среда, а не наследственность, поэтому в основном такие дети подлежали исправлению: «В психоизоляторе горбольницы с 26 ноября 1929 г. находится под наблюдением воспитанница детдома №5 Соболева Евгения. Таковая дальнейшему наблюдению не подлежит, она вполне может находиться в детском доме, она безродная. Январь, 1930 г.»². Илецко-Иковская трудовая коммуна по сути своей повторяла эксперимент Макаренко и служила, в том числе, трудовым исправительным учреждением для трудных подростков. Тем не менее, в коммунах и даже детских колониях не всегда работали кадры, способные справиться с девиациями: «Товарищ Баранова! Вы выслали нам воспитанницу девочку и писали, что с ней послан воспитатель Якушев, но до сего времени его нет. Я за подводу и привозку девочки заплатил... о преступниках. Если будете посылать таких ребят, то придется с работы убегать. Ребята... воры, пьяницы, трудновоспитуемые. ... зав детколонии Осин, 3 марта 1930 г.»³. Таких ребят направляли в комиссию несовершеннолетних нарушителей, о которой шла речь в предыдущей главе. Особо опасных предполагалось исключить из общества, чтобы сохранить в массе здоровую детскую среду: «При сем препровождается Зыков Иван... 13

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 198. Л. 226.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Л. 53.

лет для помещения в дет приемник. Он 16 марта совершил кражу из кармана, места жительства в Кургане нет. Необходимо изолировать. Дежурный по городу. 16 марта 1930 г.»¹. Детский приемник служил своего рода распределительным пунктом и местом временной изоляции нарушителей: «Дети поступают в детприемник, затем или определяются на работу или отсылаются в детдом. В настоящий момент детей 44 человека. Дети в большинстве с улицы, дефективные и трудно воспитуемые»². При этом указывалось, что детприемник не имеет твердой целевой установки, и дети там «работают халатно: полное материальное обеспечение создает определенное отношение к работе... Следует детей выдерживать до полного исправления и только потом направлять в другие детдома, а не избавляться от трудных»³. Помимо таких детприемников-распределителей и трудовых коммун существовали детские дома для детей с отставанием в развитии мозга, но их было немного. Из Курганского и Шадринского округов нужно было направлять ребят в Пермь или Свердловск, но таких «посланцев» с других территорий не всегда принимали, поэтому поднимался вопрос о создании для умственно отсталых детей отдельного детдома в Курганском округе. За его отсутствием всех помещали в детдом для дефективных, смешивая ребят с психическими расстройствами, отклонениями в развитии мозга и просто не получивших должного воспитания.

Определение дефективности было размыто. В нескольких документах идет речь о Зое Борисовой из Юргамышской школы-коммуны, поэтому ее история поддается некоторому восстановлению. Согласно характеристике, Зое 16 лет, она «учится в 3 группе, развитие физическое нормальное, но названа больная. Способности к учению есть, но заниматься не желает. В школе на уроке ведет себя скверно, срывает занятия своей недисциплинированностью, проводя эту линию сознательно. Занятия посещает редко, находясь в общежитии, мотивируя тем, что «я ничего не понимаю и учиться не хочу и

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 198 Л. 64.

² Там же. Л. 234.

³ Там же. Л. 237.

добиваюсь, чтобы меня отправили отсюда». Свободное время проводит в праздном шатании с глупыми выходками и неуместными разными выкриками... К имуществу и инвентарю относится небрежно – ломает, бросает. К воспитателям отношение грубое. Работу по самообслуживанию не выполняет. Постановления детей не выполняет. Никаким педагогическим воздействиям не поддается»¹. Характеристику в марте 1930 г. написала групповая Попова. В результате было решено, что «Зоя Борисову необходимо изъять из среды здоровых детей и отправить ее в дефективный дом как страдающую умственной отсталостью на почве алкоголизма родителей или наследственного сифилиса»². В Уралоно написали письмо с просьбой сообщить, в какой детдом для дефективных может быть направлена Зоя Борисова³ – вероятно, за неимением такового в округе. Судя по характеристике, Зоя протестует против чего-то, но признаков слабоумия не проявляет. «Названа больная» - то есть, каких-то специальных обследований для установления «дефективности» не проводилось, а это значит, что подвергнуться ссылке в «психушку» мог любой ребенок, не устраивающий администрацию детского учреждения. Например, Богданов Петр 13 лет - «развит, начитан, большая склонность к учебе, но груб и не выдержан, имеет склонность к бузотерству, сам часто является инициатором грубых выходок. Но возможно, что дефективность в его поступках изгладится, когда от попадет в другие условия жизни»⁴. В те годы, отмечает Т.М. Смирнова, детские дома для так называемых морально-дефективных детей нередко использовали в качестве исправительных учреждений, а «местные власти нередко не делали разницы между детьми с отставанием в развитии, трудновоспитуемыми детьми и несовершеннолетними правонарушителями (помещали их в одно место)»⁵. Вообще же, как отмечал, например, Е.М. Балашов, длительное

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 198. Л. 86.

² Там же. Л. 80.

³ Там же. Л. 123.

⁴ Там же. Л. 362.

⁵ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. М.; СПб., 2015. С. 53

пребывание в беспризорной среде, когда единственная цель – удовлетворение примитивных физиологических потребностей, резко замедляло умственное развитие. Он приводит в пример результаты обследования детей 1920-х годов¹.

Таким образом, идея национализации детей с самого начала показала свою несостоятельность, причем не только в финансовом плане – выпускники детских домов, несмотря на воспитание в коллективе и приучение к труду оказывались плохо социализированными, не готовыми к взрослой жизни, не способными распоряжаться деньгами и нормально работать на производстве. Причина была не только в бессемейности, но и в недостатке хороших кадров на должности воспитателей и педагогов – мало кто шел работать в детский дом по зову души и призванию. Сотрудники детских учреждений получали маленькую зарплату, а труда от них требовалось очень много, и они компенсировали это воровством и безразличием по отношению к воспитанникам, хотя были, безусловно, и положительные примеры. Но даже такое сильное в хозяйственном отношении учреждение, как Илецко-Иковская коммуна, не смогло долго просуществовать и устроить на работу всех своих выпускников. В связи с этим, вектор на усыновление и опеку объяснялся не только экономическими причинами. Семья, пусть и традиционалистская, лучше готовила к жизни, а проследить, чтобы ребенок не подвергался ложным идеологическим внушениям казалось проще, чем воспитать его в переполненном детском доме. Условия, в которых протекала повседневность воспитанников детских учреждений, даже неприятие современниками оценивалась как неудовлетворительная. Тем не менее, для многих детей, умиравших на улице от голода и холода, детский дом стал настоящей путевкой в мир.

¹ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003. С. 65

2.3. Образовательное пространство в повседневной жизни детей

Независимо от того, воспитывался ли ребенок в детском доме или рос в семье, он должен был ходить в школу – с самого начала своего установления советская власть ратовала за введение всеобщего образования. Сразу осуществить этот проект не удалось, но установка на грамотность и формирование научной картины мира постоянно декларировалась, а в 1920-е годы около половины детей школьного возраста получали образование. Советская школа представляла собой пространство, целенаправленно использовавшееся взрослыми для формирования детской личности. Она была местом, где традиционные, семейные взгляды на воспитание и на жизнь в целом сталкивались с официальной идеологией. Создавался конфликт, разрешение которого (равно как и не способность к разрешению) оказывало огромное влияние на личность ребенка и его систему ценностей. В идеале школа должна была создать из «личинки человека» полноценных советских граждан, новых людей, творчески мыслящих и способных строить новый мир победившего пролетариата. «Школа должна работать на общество, а не на отдельного ребенка, создавать достойного члена советского государства. Этому подчинено и все планирование системы образования, в частности, создание Единой трудовой школы с комплексными программами обучения (особенно ярко проявившимися в школе 1 ступени), и затем, к 1930-м годам, переход к предметному обучению»¹.

1920-е годы были временем экспериментов – что-то отвергалось в силу непригодности в реальном образовательном процессе, что-то – в силу недостатка материальных средств и грамотных кадров. Однако на протяжении десятилетия советская школа называлась Единой трудовой, объединяла мальчиков и девочек всех сословий и вероисповеданий и делилась на две ступени. Первая ступень давала начальное четырехлетнее образование, вторая

¹ Быкова Е. Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. №1. С. 187.

состояла из двух концентров продолжительностью в три и два года и, соответственно, давала возможность получить семи или девятилетнее образование¹. В Курганском округе, по данным газеты «Красный Курган», на 1 марта 1923 года работало 132 школы первой ступени на государственном снабжении и 186 на местном, две школы второй ступени, а также ремесленная и лесная школы, 4 заводских и 4 – при сельскохозяйственном комитете. Всего в уезде обучалось около 18500 детей². К сентябрю 1924 года число школ первой ступени по округу выросло на 5%, при этом охват детей школьного возраста составил только 60-65% в городе и 38-40% на сельских территориях округа³.

Исходя из приведенных цифр, мы видим, во-первых, количественную несоразмерность школ первой ступени и школ второй ступени. Обучение в последних мало кто мог себе позволить, во-первых, из-за платы за обучение, во-вторых, из-за потребности в детском труде, в-третьих, в силу более сложной и углубленной программы. В результате в такие школы попадали в основном дети из более обеспеченных семей, чаще – из среды служащих, тогда как задача была в том, чтобы открыть дорогу в вузы пролетариям и крестьянству. Окончание школы второй ступени давало право преподавать в школе первой ступени, и было обязательно для поступления в университет. А поскольку классовая программа не выполнялась, спускались квоты по сокращению числа школ второй в определенных пропорциях к числу школ первой ступени. Также видим разницу в процентном соотношении обучавшихся детей в городе и в деревне, что объяснялось меньшей занятостью городских детей и большей обеспеченностью родителей, способных платить за обучение. Помимо обычных школ упоминается лесная, заводские и школы при сельхозкомитете – широкое введение таких специализированных школ началось чуть позже, но уже в первой половине 1920-х отмечается их распространение в больших масштабах, чем школы

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

² Красный Курган. 1923. №41.

³ Красный Курган. 1924. №107.

второй ступени. Именно в такие спецшколы стремились отдать детей рабочие и крестьяне – данные образовательные учреждения выполняли роль профессионального училища, только с более младшим возрастом учащихся. Предполагалось, что их выпускники будут готовы работать на производстве как специалисты. А школы второй ступени многие считали баловством и интеллигентщиной. Кроме того, в 1923 году 123 школы из 318 находились на государственном снабжении – это менее половины, но все равно большое подспорье местным бюджетам и родителям. А.Ю. Рожков приводит показательные цифры госзатрат на начальное образование за разные годы: оно уменьшилось с 80% бюджета Министерства народного просвещения России в 1916 году до 7% бюджета наркомпроса к середине 1920-х¹. Уже с 1924 года проблемы финансирования просветительных учреждений были полностью переданы в ведение местных районных и сельских властей², а те, в свою очередь, частично, а, нередко, и полностью перекладывали эту обязанность на граждан. Например, в школах Мокроусовского района «ремонт производится не средствами РИКа, а населения»³, в результате чего начало учебного года откладывалось за непригодностью зданий. Впрочем, и там, где Сельский совет и Районный исполнительный комитет (РИК) выделяли школам средства, ситуация была тяжелой.

Принято считать, что советская власть принесла стране всеобщее бесплатное образование, а дореволюционная Россия была почти сплошь неграмотной за исключением дворян и интеллигенции и редких счастливицев из народа. Но в 1920-е годы с населения взимали плату за обучение детей – собственно, школы существовали за счет местного бюджета и так называемого «самообложения». Тогда как, например, в 1803 году открытие и содержание гимназий и уездных училищ полностью финансировалось из казны, на общественные средства содержались только начальные приходские

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 35.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 158.

³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 33. Л. 198.

училища, с 1864 года земства, городские и сельские общества и частные лица смогли учреждать на свои средства начальные училища, с 1871 года были формально отменены сословные ограничения в сфере образования. Как пишет А.А. Сальникова, по данным переписи 1920 г грамотными среди детей 12-16 лет (т.е. посещавших школу до 1917 года) в европейской части России было 70% мальчиков и 52% девочек¹. По данным А.Ю. Рожкова, на протяжении 1920-х в большинстве местностей количество учащихся немногим превышало половину от числа всех детей школьного возраста. Причем причины – материально-организационного характера: «Чашинский район: в настоящем году детей школьного возраста обучается лишь 36%, а остальные 64% находятся за воротами школы. Большинство из них имело желание быть в школе, но, ввиду набора комплекта, им было отказано»², а также недостаток в школьных работниках и общее имущественное состояние населения: «Мы не имеем возможности пускать детей в школы далеко от дома из-за нынешних условий: недостатка одежды, обуви, питания»³, – отмечено в выписке из протокола №128 собрания граждан деревни Большой-Щучьей Могилевской волости Курганского уезда. Собрание состоялось 27 сентября 1921 года, но зафиксированная в нем ситуация характерна и для последующих лет: школ было мало, они отстояли далеко друг от друга, детям приходилось преодолевать большие расстояния или жить в других деревнях на съемных квартирах, о чем вспоминают люди, учившиеся уже в предвоенные годы.

Недостаток финансирования отражался на учебном процессе и материальном аспекте школьной повседневности: «Многие школы не имели даже собственных помещений, ученики занимались в 2–3 смены в одном здании с другими школами»⁴, пишет А.Ю. Рожков. Сведения о недостатке собственных зданий и необходимости ютиться в съемных домах сообщаются и в местных архивных документах. Применительно к Курганскому и

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С.74.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

³ ГАКО. Ф.Р-47. Оп.1. Д.12. Л. 12.

⁴ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 79.

Шадринскому округам нами не было встречено сведений о совмещении нескольких школ в здании одной. Зато обучение в несколько смен было широко распространено, а из-за нехватки мест около половины детей школьного возраста не могли посещать уроки. Те здания, которые все-таки были отданы во владение школам, были построены, как правило, для других целей, и размещать классы там было неудобно. В большинстве случаев это были обычные жилые дома или помещения бывших церковно-приходских школ, а Обрядинская школа Чернавского района, за неимением лучшего места, располагалась «в старом, переделанном из хлебного сарая здании, внутри грязно, инвентарь пришел в негодность»¹. В материалах по работе Ключевской школы 1 ступени Далматовского района за 1923-25 годы описываются следующие условия обучения детей: «Помещение Ключевской школы – бывший дом священника. В нынешнем году помещения для учащихся хватает, но в будущем... будет мало, так как теперь ходит только 50% учащихся довоенного времени»². Теснота зданий не могла не сказываться на учебном процессе: «скромные помещения, в которых ютится большая часть школ, далеко не вмещает всех учащихся, а потому почти все ведут работу в две смены»³. Но и в две смены все дети школьного возраста не могли уместиться: «в одной школе с тремя классными комнатами обучается 248 человек, разбитые на 6 групп в 2 смены»⁴, при том, что около 60% детей оставалось без образования.

Примечательно, что до Первой мировой войны обучалось вдвое больше – это связано не только с сокращением детского населения, но и с общим запустением периода гражданской войны и пренебрежением, вследствие этого, к грамотности. Так, Боровская школа, основанная в 1884 году как церковно-приходская, «до 1919 года (т.е. до ухода Колчака с зауральских территорий) не числилась слишком бедной: были и книги и наглядные

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 135. Л. 69.

² ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 86. Л. 3об.

³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 135. Л. 68.

⁴ Там же. Л. 90.

пособия, но потом, из-за недогляда шкрабов, все исчезло. Крестьяне говорят, что все тащили и школьные работники, и школьный совет, и сторожа, так что к 1922 году остались только 3 или 4 разорванные книги, да медная ручка из кухонного инвентаря»¹ – ситуация с расхищением имущества детских учреждений, о которой пишет Т.М. Смирнова, была характерна и для Зауралья.

Если школа имела помещение для занятий, ей приходилось решать вопрос с его отоплением. Дрова, как правило, выделялись РИКом, но он не всегда выполнял свои обязанности: часто школы оставались без дров или с малым их количеством. Нередки случаи, когда дрова выделялись, но привести их было не на чем. Приходилось топить чем попало или совсем закрывать школу на время морозов, так как учиться там было невозможно даже в верхней одежде, которой детям, особенно сельским, всегда недоставало. В школах, где дрова исправно подвозили, из-за ветхости зданий, отсутствия вторых рам и неисправности печей, все равно, за редким исключением, было холодно и сыро, а кроме этого душно и грязно. В Нижне-Алабугской школе Чернавского района в декабре 1925 года: «печи дымят.. все картины, стены, мебель покрываются ежедневно слоем копоти»². В акте обследования Кривинской школы Макушинского района, проведенного в марте 1927 года записано: «помещение не вентилируется, нет посуды для воды, низкая температура помещения»³. В результате школьники часто простывали и страдали кожными заболеваниями. В детских учреждениях свирепствовали инфекционные заболевания, связанные с плохими условиями: «Беда – не могу пособиться с чесоткой, – пишет заведующий школой, – Почему-то нынче не была привита оспа, хотя больных у меня нынче почти не было»⁴. Санитарно-врачебные обследования были редки или не проводились вовсе, хотя, согласно Уставу Единой трудовой школы, в каждой школе учреждалась должность врача. С другой стороны, при обследовании школ обращали внимание на

¹ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 135. Л. 68.

³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 198. Л. 232.

⁴ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

такие вещи, как отсутствие посуды для воды – следовательно, предполагался питьевой режим для школьников и определенные санитарно-гигиенические нормы его соблюдения.

Возникали проблемы со школьной мебелью. Для организации учебного процесса необходимы были парты, соответствующие росту и возрасту учащихся, доски, шкафы для хранения книг и оборудования, если таковое имелось. Вместо этого, например, в Обанинской школе Куртамышского района так и стояли «парты старинного образца, очень неудобны и их недостаточно»¹, в Чернавской опорной школе класс «обставлен грубо сделанными столами, переделан из раздевалки и по размерам очень тесен»². Однако встречались и более удачные примеры. Так, Петровской опорной школе Юргамышского района «Сельсоветом предоставлено два здания с пятью классами и тремя комнатами для учащихся. Помещение достаточно просторное, светлое и теплое, своевременно и основательно отремонтированное. Обеспечение дровами полное. Классная мебель отремонтирована и вновь добавлено 23 парты и 2 доски. На ремонт отпущено РИКом 150 рублей и добавлено Сельсоветом 30 рублей»³. Как видим, многое зависело от обеспеченности района и села, от заинтересованности их руководства в улучшении школьной жизни.

Еще одной трудноразрешимой проблемой был вопрос обеспечения школ учебными материалами – бумагой, чернилами, перьями, карандашами, учебниками, книгами. Даже вышеупомянутая Петровская школа была обеспечена учебными пособиями только на 50-60%. Остальным не хватало и письменных принадлежностей: писали на курительной бумаге, на клочках газет, обертках. В большинстве школ администрацией не велось никакого учета, так как фиксировать данные было не на чем. Ответственность за эту ситуацию перекладывалась РИКом на население, а населением на РИК: «население думает, что государство должно дать все необходимое для

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 135. Л. 47.

² Там же. Л. 68.

³ Там же. Л. 56.

школьника: перья, бумагу и карандаши»¹. Многие люди считали школу делом сугубо государственным и только государству нужным, и не вменяли себе в обязанность заботиться об образовании собственных детей. Хотя были и обратные примеры. Так, в Гренадерской школе Макушинского района «произведен своевременный ремонт, заготовлено топливо и приобретены письменные принадлежности; эта школа своим благополучием обязана широкой общественной инициативе»². Вообще для Зауралья характерно достаточно пристальное внимание взрослых к детскому образованию. Если большинство исследователей приводят данные о нежелании крестьян и рабочих отдавать детей в школу, тем более, за плату, то в Кургане и Шадринске середины 1920-х годы встречается немало документов и газетных статей, свидетельствующих об обратном: многие люди были недовольны отсутствием школ в деревнях, требовали прислать учителя, самостоятельно строили школьные здания, закупали учебники: «население категорически требует школу и крайне обижается что у них нет школы и дети остаются неграмотными»³. При том, что в целом «неграмотных очень много, особенно среди молодежи, неграмотных женщин взрослых», которые оправдывают свое невежество тем, что «некогда учиться – пряхсть надо». Однако, если среди взрослого населения господствует пренебрежение к знанию, гендерные предрассудки, естественные для традиционного общества, то «желание учиться среди подростков есть. Нынче, когда зимой я занималась с допризывниками, так много приходило и просилось даже совершенно неграмотных, но принять мне сельский совет не разрешил из-за недостатка средств на учебные пособия»⁴, – пишет автор отчета о работе Боровской школы. «В Челкаринском районе имеется два сельсовета... в которых не производится обучение детей в течение 4 лет... На запрос заведующий отделом наробраза товарищ Куренков ответил, что школы в указанных

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 135. Л. 69.

² Там же. Л. 90.

³ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 359. Л.63.

⁴ ГАКО. Ф. Р-47. Оп. Д. 12. Л. 5.

сельсоветах не будут открыты на нынешний год. Если население возьмет оплату учителей на себя, тогда можно разрешить. В райисполком поступает масса заявлений как сельсоветов, так и граждан, что мы этого от советской власти не ожидали, что ранее в этих селениях школы были. Райисполком пытался через сельсоветы предложить гражданам взять на свой счет содержание учителей, разъяснив им общее положение и недостаток средств у государства... Граждане отвечают: Мы платим наравне со всеми обществами все требующиеся государству налоги, и просят только оплачивать учителей школ, все остальное – ремонт школ и т.п. берут на себя. Просьба разрешить.. за счет прочих школ района дать им по одному школьному работнику, чем требование населения хоть отчасти будет удовлетворено... и сделать распоряжение о выделении учителей в названные школы»¹. Государство буквально торгуется с населением, готовым тратить личные средства на содержание школы. Притом инициатива исходит от небогатых людей: «В волисполком заведующего песчанской школы ходатайство об открытии отделения песчанской школы в деревне Заозерный. Он... от песчанской школы в 3 верстах. Благодаря этому учиться могут только дети зажиточных родителей а не бедняков...Бедняки да крестьяне в обучении сильно заинтересованы. Помещение для этого найдено»². Такая заинтересованность вполне закономерна: для неграмотных взрослых образование ребенка означало шанс вырвать его из нищеты их повседневной жизни. Среди учителей тоже встречались энтузиасты своего дела: так, учительница школы подростков при Шадринской школе первой ступени №7 Смирнова добилась получения ссуды в 25 рублей на проведение в школу электричества³, при том, что большинство школ освещалось керосиновыми лампами⁴. Другое дело, что времени и средств на содержание школы, учителя, а помимо этого еще и закупку школьных принадлежностей хватало не всем.

¹ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 359. Л.63.

² ГАШ. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

³ ГАШ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.

⁴ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

Сами школьники вместе с педагогами искали пути выхода из сложившейся ситуации: ставились спектакли, выручка с которых поступала в школьный фонд, выделенная школе земля засеивалась хлебом и огородными культурами, и учебные материалы закупались в счет будущего урожая. В Боровской школе 1 ступени Батуринской волости Шадринского района в 1924 году «собственный урожай дал только 10 пудов пшеницы и 30 пудов картофеля, что и продано для приобретения ученических принадлежностей»¹ – как показывают документы школ, эта практика редко увенчивалась успехом. Распространены были случаи небрежности по отношению к хозяйству, как, например, в Обанинской школе Куртамышского района, где в акте обследования от 4 октября 1925 г. записано: «был школьный посев на учебные принадлежности, но по бесхозяйственности уборки ничего не дал»² – никто не взял на себя обязанность своевременно убрать хлеб и он «изопрел». В других местах школьная земля обрабатывалась только частично, так как была «в запустении» и требовала больших затрат труда и времени³. Учитывая, что ребята должны были работать и в домашнем хозяйстве, и учиться, и заниматься общественной работой, а также оставаться детьми, насколько это позволяла политика по отношению к детству, организовать их труд на пользу школе было нелегко. Пробовали просить помощи. Так, в докладе заведующего одной из школ Шадринского района отмечается: «Общее состояние школы в данный момент весьма печальное: средств у школы никаких нет... Постановили обратиться к фабрике принять шефство над школой, но ответа не последовало. ... Другие нужды по школе исправляются самими учениками: например, починка парт, дверей. Приобретены за счет учеников метлы, веники, спички...»⁴.

Из-за всесторонней занятости трудно было организовать также полноценный учебный процесс. Учебный год должен был начинаться с

¹ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 45. Л.2.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 135. Л. 47.

³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 239.

⁴ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

первого октября, но, как правило, школы не открывались до конца месяца, а то и дольше. Причин было много – неоконченный ремонт, отсутствие письменных принадлежностей, занятость детей на уборочных работах. В зимние морозы учебные дни часто выпадали из-за плохого отопления в школах. Многие дети вообще не могли посещать зимой школу из-за отсутствия теплой одежды и обуви. Уровень образования в таких условиях вряд ли мог быть высоким. Кроме того, преподавательский состав, по большей части, оставался старым: детей революции учили дочери священников, учителя церковно-приходских школ и гимназий. Новые кадры не имели педагогического образования, в лучшем случае семи или девятилетнее школьное. Недостаток кадров приводил к тому, что на одного учителя приходилось очень много ответственности – и за образовательный процесс, и за обеспечение учебными материалами и, частично, организацию внутреннего пространства школы, и за санитарию, и за здоровье учеников.

Однако, как отмечается в документах, «учительство в общем с энтузиазмом идет на дело создания трудовой школы, но, к сожалению, нет материальных предпосылок, благоприятствующих появлению последней»¹. В результате, несмотря на все трудности и недочеты, школа, особенно на селе, была своеобразным общественным центром, очагом культуры и просвещения для всего населения. Школой ставились спектакли, знакомившие рядового селянина с классикой отечественной литературы и постановками на революционную тему, устраивались клубные дни с декламацией и громким чтением книг и газет. Школа, как правило, сотрудничала с избой-читальней, где расширяла свой кругозор взрослая публика. Например, Каминская школа Звериноголовского района «ведет пропаганду за улучшение сельского быта... через школу ведется показательное кормление скота по норме»². Дети наблюдали за своими хозяйствами и лучшими хозяйствами села, делали выписки, анализировали их и на этом основании проводили «культурные

¹ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.

мероприятия в своих хозяйствах», контактировали с другими учреждениями, сажали деревья, помогали Сельсовету в его работе, оформляли «уголок женщины». «Совместно с комсомольской и пионерской организацией ведется лотерея вопросов и ответов, ученические собрания...»¹. Пионерская организация, как правило, существовала нераздельно со школой и вела работу на ее базе, создавая форпосты. Согласно отчету Окружного отдела народного образования, к 1927 г. пионер-работой было «охвачено 3244 человека: в городе 1259, в деревне 1985. Большинство пионеров школьников. В городе организованы форпосты, в округе пионер-работа сосредоточена в основном при школах. Число пионеров в Курганском округе растет»². Там, где молодежная организация работала слабо или совсем отсутствовала, общественно-политическая работа, особенно учитывая происхождение многих педагогов из контрреволюционных рядов, отклонялась от государственного курса. Так, учащиеся Кипельской школы Куртамышского района не знали и не отмечали революционных праздников, что было совершенно неприемлемо в рамках новой Единой трудовой школы³. Школа также часто выступала очагом конфликта между старой и новой идеологическими системами. Во многих селах крестьяне продолжали отмечать религиозные праздники, сохраняли религиозность, тогда как дети-школьники все больше проникались революционным атеистическим духом. Таким образом, школа, особенно в сельской местности, являлась своеобразным культурным и политико-идеологическим форпостом, оказывавшим большое влияние на окружающую жизнь; местом, которое поднимало детей над взрослыми через знание, вписывало их в новый государственный строй, придавало им важность в глазах общественности.

Предметное пространство, в том числе школьное, влияло на состояние здоровья детей: «недостаточная кубатура классных помещений; непригодность школьных зданий для проведения занятий; недостаточное

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 198. Л. 70.

³ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 135. Л. 59.

освещение; обучение в две смены; неприспособленная к росту учащихся мебель. Поколение учащихся 1920-х годов в целом характеризуется довольно низким уровнем физического развития»¹, пишет А.Ю. Рожков. По данным медосмотра в Курганской школе №1 осенью 1929 года «из 230 человек здоровых 56%, малокровных 30%, с заболеваниями легких 4%, сердца 2%, другие болезни 6%»². В результате страдал и интеллект: тот же Рожков приводит данные исследований советских психотехников в 1920 – 1930-е годы, отмечавших, что средний советский школьник отставал по умственному развитию от американского на 7%, варьируясь в зависимости от социального положения³. Как отмечает Е.М. Балашов, на интеллект влияло также длительное пребывание в беспризорной среде (а через это прошли многие школьники исследуемого периода) «в условиях, когда вся жизнедеятельность направлена на удовлетворение примитивных физиологических потребностей.. масса беспризорных детей в возрасте 10-15 лет в своем интеллектуальном развитии не поднимается выше 8-10 лет»⁴. А кроме своей физической и духовной нездоровости пространство, осваивавшееся детьми, было слишком маленьким, нередко сжатым в пределах одной деревни, а зимой, в случае нехватки теплой одежды – одной тесной избы. Уму и воображению для развития не доставало пищи во всех смыслах этого слова.

Когда в начале 1930-х годов был объявлен переход ко всеобщему начальному образованию и бюджет стал выделять на него некоторые средства, началось постепенное улучшение обстановки в образовательных учреждениях. Если в начале 1920-х большинство школ с трудом получали помещение для занятий, и его наличие уже означало в некотором роде благополучие, то со временем можно отметить рост потребностей: повышение коэффициента освещения, оборудование специальных кабинетов и

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 186.

² ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 124. Л. 11, об.

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 116.

⁴ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003. С. 65

лабораторий, переход к односменным занятиям. Но вплоть до начала войны в средствах массовой информации и отчетах шла речь о необходимости «создать первейшие условия для нормальной работы как для детского коллектива, так и педколлектива: сделать школу теплой, вторую смену светлой – обеспечить электричеством или висячими керосиновыми лампами»¹, а в актах обследования фиксировались случаи ужасающего состояния школ, о чем свидетельствуют как местные документы, так и историография. Это касалось и санитарии: в неполной средней школе № 10 в 1939-1940 учебном году «проводился медосмотр и проведена противотифозная прививка учеников 6 и 7 классов. Что касается личной гигиены учащихся, то большинство из них ходили в школу грязными, были частые случаи заболевания чесоткой. Помещение школы, в силу перегрузки учащимися, тоже надлежащей чистоты не имело»². А в неполной средней школе №4 в том же году отметили работу классного руководителя по школе как удовлетворительную: «Было разъяснено, как готовиться к урокам, рассказано о режиме дня, о дружбе и т.д. Дети были приучены снимать головные уборы и сдавать на хранение. Добились регулярной стрижки волос»³.

С 1930-х годов государство стало принимать активное участие в снабжении школьников учебными материалами. Об этом свидетельствуют такие документы, как, например, разрядка на тетради по городу Кургану⁴. Из нее также узнаем число и тип школ: ФЗС (фабрично-заводские) №№ 1, 2, 3, 4, первой ступени №№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, совхозучилище, школа свинхоза, техникум, зоотехникум, кинотехникум, кинокурсы, совпартшкола, школа взрослых города, ФЗУ ЖД, машиностроения, связи, ШУМИ, акушерские курсы, курсы жд строительства, курсы счетоводов – количество образовательных учреждений заметно выросло в сравнении с предыдущим десятилетием. Охват детей школьного возраста в городе также заметно возрос

¹ ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

² ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

³ Там же. Л. 148.

⁴ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 148. Л. 15.

и достиг почти ста процентов: согласно акту обследования школы первой ступени №10 «по проверке выполнения решения ЦК о начальной и средней школе, обучающихся 350 человек, 8 групп (1-4 «а» и «б»). Наблюдается текучесть в составе учащихся:... по причине отъезда с родителями из пределов города, ежедневно вливаются новые.. из деревень и других городов. Всеобщим начальным обучением охвачены почти все дети, проживающие на территории данной школы, кроме трех человек. Из них двое имеют заболевание, 1 переросток 12 лет, его отправили в пункт ликбеза. Отсева нет за исключением 3 случаев. Богданович... по причине неимения обуви и слабого здоровья. Девочка Свинобаева, которой школой дана обувь, но не дано пальто. Бакулина – ее родители торгуют на столах и оставляют ее дома в качестве няньки»¹. Примерно та же причина неполноты охвата школьников отмечается в школе первой ступени № 1 в феврале 1930 года: «Не учатся из одного района 6 человек большей частью из-за отсутствия одежды и обуви»², в связи с чем «для удержания детей бедноты оказана материальная помощь 30 человекам из бюджетных средств 220 рублей и из специальных 11,3 рубля... приобретена теплая одежда и обувь»³, в школе № 10 «беднейшие учащиеся обеспечены завтраками на 50%, одеждой и обувью на 200%, ведется работа с родителями»⁴. Однако даже в 1934 году дети бросали учебу из-за недостатка денег: «директору Шадринской школы ФЗО от ученика 8 группы «Б» Балябочкина Алексея заявление. Прошу выдать мне документы, так как мне учиться не позволяет материальное положение»⁵. Учитывая примерный возраст ученика восьмой группы, можно предположить, что ему, скорее всего, нужно было содержать семью, а не только иметь одежду и обувь для посещения уроков. Как пишет Е.Т. Юинг, «Во время первого пятилетнего плана число учащихся в начальной и средней школе выросло с 12 до 21 млн

¹ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 148. Л. 39.

² ГАКО. Ф. Р – 465. Оп. 1. Д. 124. Л. 5.

³ Там же.

⁴ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 148. Л. 39.

⁵ ГАКО. Ф. Р-512. Оп. 1. Д. 12. Л.35.

учеников, к концу 1930 ... до 31 млн учеников», так как «для экономического развития требовались квалифицированные рабочие»¹.

Проблемы организации учебного процесса и кадровый состав преподавателей в 1930 году уже другие: «преподаватели: 2 рабочих, 4 крестьянина, 2 служащих. Школа приступила к работе по новым программам.... Большим тормозом в работе является недостаток учебников... Перед началом учебного года школа была обеспечена учебниками на 100%, но с переходом на предметную систему и в связи с изъятием учебников и пособий ощущается недостаток»². Во-первых, в связи с увеличением учительской зарплаты, подъемом педагогического образования и ростом финансирования школ увеличилось количество педагогов, причем за постреволюционное десятилетие сменился их классовый состав, появилась новая, красная интеллигенция. Во-вторых, удалось добиться полного снабжения школы учебными пособиями, тогда как в 1920-е годы не хватало даже писчих принадлежностей и бумаги, не только учебных книг; однако в связи с переходом на новую программу вопрос нехватки учебников снова возник: по старым книгам учиться было уже нельзя, а новыми еще не снабдили.

Интересно сравнить с ситуацией конца 1930-х годов. После реформы образования в отчетах вместо школ первой, второй ступеней и специальных школ фигурируют привычные нам начальная школа, средняя школа. Например, в неполной средней школе №4 города Кургана в 1939-40 году на 15 сентября было 799 учащихся. «В школе 21 класс. Начальных – 4, пятых – 7, шестых – 7, седьмых – 3. В течение года прибыло 22 учащихся, выбыло 116, из них исключено 2, из-за переезда родителей – 67, в другие школы – 39, по болезни – 3, умер – 1, 4 – из сельской местности не имеют квартир в городе, отсутствует подвоз»³. Во-первых, видим большую, в сравнении с предыдущим десятилетием, востребованность образования уровнем выше начального. Во-

¹ Е. Томас Юинг. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. (перевод с англ. Т.А. Благова). М., 2011. С.15.

² ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 148. Л. 39.

³ ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 146.

вторых, достаточно высокую мобильность населения. В-третьих, отсутствие в качестве причины выбывания из школы недостатка обуви, одежды и учебных принадлежностей. Можно было бы составить вполне оптимистичное представление о советской школе конца 1930-х годов, однако другие документы свидетельствуют о неизжитости старых проблем, в частности, с учебными материалами, несмотря на ряд принимаемых мер, таких, как перепродажа учебников младшим классам, осуществлявшаяся через школы (отметим, что такие учебники приобретались за счет граждан, а не школы): «Степень обеспеченности учащихся учебниками низка... В библиотеке книг очень мало – всего 2500... Неоднократно приходилось слушать заявления ребят старших и младших классов, что «нечего читать»¹, «школа имела некоторое количество наглядных пособий по физике, химии, естествознанию, географии, истории, русскому языку, но этих пособий далеко недостаточно, да и здание у нас таково, что имеющиеся пособия негде выставить и развесить»². А в планах на 1939–1940 учебный год отмечено: «для успешной борьбы с неграмотностью необходимо обеспечить учащихся тетрадями. Письмо на клочках, как это было в 1938–1939 году, сводит на нет борьбу с неграмотностью»³.

Часто идет речь о недостатке оборудования. В неполной средней школе №4 «по химии отсутствуют главные реактивы, нет полного набора приборов для лабораторных работ... по ботанике частично нет таблиц... почти нет карт по истории. Учебниками обеспечены.. за исключением литературы. На класс приходится не более 2 книг. Тетрадями в течение года снабжались крайне неудовлетворительно. Вынуждены были записи и зарисовки сокращать или пользоваться бумагой, непригодной для письма (оберточная, газеты, квитанции и т.д.)»⁴. Во-первых, видим, что осуществлялось снабжение тетрадями, пусть и не такое полное, как хотелось бы. Во-вторых, речь идет не

¹ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

²ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 132.

³ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

⁴ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 146.

об отсутствии основных учебных книг, а о нехватке изданий литературных произведений. В-третьих, поднималась проблематика совершенно иного уровня, чем в 1920-е годы: речь идет не об отсутствии помещений, отопления, возможности работать, а о дополнительном учебном оборудовании, говорить о котором в прошлом десятилетии было бы роскошью. В школе № 11 в 1938/39 году «учебное оборудование по физике, химии, зоологии, ботанике и географии имеется, но количество... явно недостаточно.... учебниками в пятых классах, кроме русского и немецкого языков, обеспечены полностью... в шестых и седьмых классах обеспеченность учебниками хорошая»¹ – в целом эта ситуация типична и для сегодняшнего времени, в особенности для сельских школ. А вот другая проблема: «Преподавание физической культуры неудовлетворительно, так как не было музыки, не было оборудованного кабинета и спортивного инвентаря. На последний РОНО не отпустило средств, несмотря на заявку»² – заниматься физкультурой школьникам помешало отсутствие музыки – в сегодняшних провинциальных школах такой вопрос даже в проекте не поднимается. Видим, что средства отпускались районным отделом образования, а не РИКом, как раньше, и не собирались с родителей. Полная средняя школа №12 в 1938-39 «начала работу 1 сентября в составе 29 классов... учащихся в начале года 1077 человек, в конце – 997, выбыло 94 человека, прибыло – 14.... В силу перегрузки школы учениками, мы не могли иметь специального кабинета химии, а также помещения для живого уголка. Все опыты производились в классных комнатах, что, конечно, отразилось на качестве учебного процесса. По оборудованию кабинеты химии, физики и естествознания не соответствует своему назначению...: по естествознанию необходимо иметь отдельное помещение, в котором не должен заниматься класс, так как приходится хранить живой материал, который нужен для лабораторных работ и длительных наблюдений»³.

¹ ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 13.

В 1930-е годы впервые появляется информация об исключенных из школы. Например, в школе №12 в 1939-40 году из 115 выбывших (по большей части из-за переезда родителей), 5 исключены¹, при том, что в 1920-е, напротив, стояла задача сократить бегство из школы и увеличить количество учащихся; детей не только не исключали – их знания не оценивались в классическом смысле, а поведение регулировалось ученическим сообществом, т.е. исключение как наказание было неприменимо. Например, в 1924 году ученическое собрание школы первой ступени №5 в Шадринске постановило: «к ученикам, нарушающим дисциплину, применить следующие меры: сообщать родителям, делать выговоры,.. не разговаривать и не играть всему классу с тем товарищем, который нарушил дисциплину, заносить фамилии таковых в протокол»². Это свидетельствует, в числе прочего, об изменении тенденций в образовании: в 1930-е годы ученик перестает быть центральным лицом образовательного процесса, акцент смещается в сторону преподавателя. Свидетельством перемен стало также введение экзаменов и домашних заданий – так в одном из отчетов значится, что в неполной средней школе № 10 в 1939-1940 учебном году «большим тормозом в работе было небрежное, даже халатное отношение школьников к выполнению домашних заданий»³. Если с мая 1918 года применение балльной системы для оценки познаний и поведения учащихся отменялось во всех без исключения случаях школьной практики, а переводение из класса в класс и выдача свидетельств производилось на основании успехов учащихся по отзывам педагогического совета о исполнении учебной работы, то с 1934 года установилась оценочная система и вернулись экзамены. Сохранились целые отчеты о проведении выпускных экзаменов в 10 классах. Например, школа №12 «начала испытания 20 мая в 9 часов утра. Расписание испытаний было составлено раньше, ассистенты назначены, билеты, диктанты подготовлены. Ряд кабинетов был хорошо оборудован, например, кабинет ботаники у преподавателя Лукашук,

¹ ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 150.

² ГАШ. Ф. Р -213. Оп.1. Д. 27. Л. 21.

³ Там же. Л. 128.

анатомии, основ дарвинизма преподавателя Умовой. Обстановка этих кабинетов мобилизовала учащихся.... Плохо был оборудован кабинет физики... испытания проходили нормально. Диктанты и задачи давались правильно. Хорошо отвечали ученики 10 класса по литературе... спокойно, твердо, знания хорошие»¹ – в отчетах стенографировались испытания по всем предметам, приводились ответы и оценки учеников. Тогда как еще в 1928 году выпускникам выдавались удостоверения об окончании школы без оценок с указанием пройденных дисциплин и степени активности: «Предъявитель сего Кузнецов Александр Петров родившийся в 1910 году... обучался с 1924 по 1928 года в Шадринской школе второй ступени и окончил в 1928 году семилетку... приобрел знания и навыки в объеме курса, установленного программами НКП для школы по следующим предметам: обществоведению, родному языку и литературе, математике, естествознанию, химии, физике, географии, иностранному языку (немецкий), труду (вычеркнуто), изобразительным искусствам, музыке и пению (вычеркнуто), физкультуре. Участвовал в... общественно полезной работе внутри и вне школы, в ячейке мопра»².

Оценки не сразу стали обозначаться привычными нам числами от 2 до 5: в шадринском архиве сохранились записи преподавателя Ивановой об итогах успеваемости за 1934 – 1935 учебный год: оценки ставились буквами: «ОХ» (очень хорошо), «Х» (хорошо), «У» (удовлетворительно), «Н» (неудовлетворительно)³. К слову, писала Иванова в ученической тетради, на форзацах которой размещалась система мер, таблица умножения и обращение к ученикам: «Когда пишешь, не опирайся грудью на стол и не наклоняй низко голову, держи правую руку на столе. Никогда не сиди в комнате в верхней одежде и в шапке. Проветривай чаще комнату, в которой работаешь. Не плюй никогда на пол – это вредно и грязно»⁴ – помимо правил положения тела для сохранения зрения и осанки, приводятся нормы поведения, призванные

¹ ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 232.

² ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 1. Л.8.

³ ГАШ. Ф. Р-512. Оп. 1. Д. 12. Л. 137–152.

⁴ Там же.

предотвратить характерные для времени действия вроде плевков на пол. Привычная нам система классных журналов, дневников и классного руководства также формировалась постепенно: сначала на каждого ученика вводился такой документ, как «табель успеваемости» – он составлялся «групповодом» и хранился в школе. «По заполнению в конце каждой четверти настоящая карточка выдается групповодом учащемуся для предъявления родителям или замещающим лицам. Не позднее чем через 5 дней карточка возвращается групповоду с подписью родителей»¹ – здесь уже прослеживается система подведения итогов за четверть и привлечение родителей к ответственности за успеваемость детей, их включенность в образовательный процесс. Сам порядок учебного процесса тоже неоднократно менялся. Так, в отчете школы первой ступени за февраль 1930 года отмечается, что «введена непрерывка с 1 октября. Школа первая из городских школ перешла на непрерывную рабочую неделю»². К тому времени учебный год в школах первой ступени «заканчивается 30 июня, после чего проводится двухмесячный перерыв... на протяжении которого среди учащихся проводится массовая оздоровительная работа и другие внешкольные мероприятия»³. С середины 1930-х прочно установилась классно-урочная система преподавания. Школьный урок длился 45 минут, перемена – 10 минут, после второго урока перемена 30 минут, чтобы ребята успели съесть горячий завтрак. В начальной школе, как правило, в день проводилось не более 4 уроков. Пятый урок появляется только на четвертом году обучения⁴.

Средняя школа становилась важным этапом подготовки к вузовскому образованию: «как методический прием чаще практикуется беседы, а в 9-10 классах даже лекции по отдельным предметам»⁵. В школы направлялись правила по приему в высшие учебные заведения. Вот, например, письмо директору средней школы города Шадринска от 3 июня 1936 года: «В вуз

¹ ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 17. Л. 57.

² ГАКО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 124. Л. 10.

³ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 148. Л. 68.

⁴ Там же. Л. 91.

⁵ ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 153.

принимаются выдержавшие испытания независимо от соцпроисхождения или поражения в правах родителей.... Вторично просим вас сообщить в облплан... какое количество учащихся изъявили желание поступить в плановый институт, указать их фамилию и институт в который они желают поступить / Московский, Куйбышевский и т.д.»¹. Согласно правилам приема в вузы 1936 года, «принимаются все граждане обоего пола в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие законченное среднее образование, либо получившие аттестат об окончании средней школы в порядке экстерна,.. окончившие техникум. Имеющие отметки «отлично» по основным предметам принимаются без испытаний»². Как видим, школа действительно становилась трамплином для провинциальных, в том числе сельских ребят из бедных семей, особенно учитывая отмену принципа ответственности за социальное происхождение родителей.

Интересно проследить отношение школы непосредственно к ученикам как к отдельным личностям или членам коллектива. Как правило, в первую очередь в школах отмечался классовый состав учащихся, который часто служил отправной точкой в отношении к каждому из них, а также членство в пионерской или комсомольской организации, отношение к учебе, труду общественной работе, дисциплинированность. От 1930-х годов сохранилось немало характеристик, составлявшихся на учеников. Так «Сузанов Михаил окончил 6 группу ФЗС как ударник. Имеет успеваемость в среднем по всем предметам 92,2%. Прогоулов не имел. Дисциплинирован. Принимал активное участие в проводимых школой мероприятиях. Несмотря на то, что т. Сузанов недостаточно обеспечен материально, он с исключительной аккуратностью и охотой выполняет все необходимое»³. А вот Белых Татьяна «обучалась в Шадринской школе ФЗС с 1928 года по 1 мая 1931. Невыдержанна идеологически. Выключена из ударного коллектива, исключена из пионеротряда без права вступления. Способности и развитие средние.

¹ ГАШ. Ф. Р-512. Оп. 1. Д. 12. Л. 65.

² Там же. Л. 193.

³ ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

Отношение к делу добросовестное (зачеркнуто, исправлено на «неровное»). Успеваемость по предметам следующая: обществоведение 70%, математика 50%... музыка 90%, физкультура 100% средний 76,2%»¹. В данном случае вызывают сомнения исправления в документе – характеристика изменилась на противоположную. Точные мотивы и уровень объективности таких документов достаточно сложно определить, однако их наличие показывает изменение отношения к детям со стороны педагогов и власти. Они теперь не просто «личинки человека» из которых следует создавать свободных граждан государства победившего пролетариата, они – члены установившегося, стабилизировавшегося тоталитарного общества, нуждающегося в усердных дисциплинированных людях для своего укрепления и роста. Так, Меньщиков Леонид «родился 18 июня 1915 года, по социальному происхождению и положению служащий. Разударен – дезертир. Имеет развитие и способности средние, отношение к учебному делу безразличное. В общественной работе участия не принимал, считал позором. Но принимал участие в ремонтной бригаде сельхоз машин. Отбыл производственную практику. Злостный прогульщик. По постановлению комиссии 27.06.31 дать справку о прослушивании 13 семестра»² – употребляются такие непедагогичные выражения, как «злостный», «дезертир», при этом отмечено, что Леонид «разударен» - вероятно, раньше числился на хорошем счету как ударник. Не совсем понятно, что стало причиной его «падения» - может быть, секрет кроется во фразе «В общественной работе участия не принимал, считал позором». В свою очередь, Щербакова Елена 1916 года рождения «по социальному происхождению и положению рабочая. Ударница, член ВЛКСМ. Имеет развитие и способности средние. Отношение к учебному делу добросовестное. Средняя успеваемость 87%. К общественной работе отношение добросовестное. Принимала участие в следующих видах общественной деятельности: участие в отчетно-выборной комиссии, ликбезе, сборе

¹ ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.

² Там же. Л. 63.

утильсырья ... Отбыла фабрично-производственную практику в количестве 28 часов, сельхоз практику в количестве 18 часов. Отношение к практике добросовестное»¹ – в данном случае, несмотря на все те же средние способности и развитие видим главную характеристику «добросовестно» и весь документ приобретает положительный оттенок. Именно добросовестность вкупе с правильным происхождением, а не исключительные способности, нередко становились залогом успеха: «Абрамовский Яков Васильевич, год рождения 1913, сын крестьянина-коммунара, пионер, член ВЛКСМ. Отношение к делу добросовестное. Способности выше средних, успеваемость удовлетворительная. Дисциплинирован, товарищ хороший. Активен в проведении общественно-полезной работы»². Тогда как Паршунас Руфина 1914 года рождения из служащих проделала массу общественно-полезной работы: к празднованию октябрьской революции писала лозунги, занималась в ликпункте при типографии, сортировала семена, собирала утильсырье и налог в деревне Ершовой и Осевой, отбыла политехническую практику на фабрике «Красный октябрь» и электростанции – но положительной характеристики не получила: «отношение к делу – безразличное. Способности и развитие средние. Отношение к практике пассивное. Уклоняется от общественной работы, дезорганизована», более того «исключена из ударного коллектива, на основании постановления школьного совета от 5.05. 1931 исключена из школы ФЗС»³.

С другой стороны, видим заботу педагогов о будущем выпускников и их индивидуальном развитии. Показателен протокол педагогического совещания Шадринской средней школы от 22 июня 1936 по итогам работы в 10 классе: «Ананкин Анатолий – считать окончившим среднюю школу.. Имеет склонность к машиностроению. Бирюков Виктор – склонность к химии. Грачев Иван – к драматургическому искусству. Долгих Николай –

¹ ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Л. 4.

педагогическая деятельность, музыка, рисование»¹. А требования дисциплинированности и добросовестности относятся не только к ученикам: в апреле 1938 года Диковинкину Надежду уволили с должности технички в Шадринской школе «за халатное исполнение своих обязанностей и за нетактичное поведение с учащимися»², а кочегара Веденева Степана решено «за прогул с работы снять без выплаты выходного пособия»³, учительнице физкультуры Комаровой Галине Федоровне «за необеспечение физзарядки в 1 смену, несмотря на неоднократные указания, объявлен выговор»⁴.

Отдельного внимания заслуживает дошкольное образование. Изначально создатели нового общества, в том числе Луначарский, придавали большое значение именно дошкольному возрасту. Как пишет Е.М. Балашов, он считал, что стране «следует воспитывать коллективиста... При этом новая система воспитания основывалась на том, что дети самого младшего возраста лучше всего усваивают новые представления. Луначарский считал... что основы «коммунистических чувств» нужно начинать закладывать в ребенке уже в пятилетнем возрасте»⁵.

Потребность в детских дошкольных учреждениях в 1930-е годы возросла в связи с индустриализацией и коллективизацией, охватив не только город, но и деревню. Докладная записка в президиум окрика, 1930 год: «В условиях Курганского округа как округа сплошной коллективизации перед окроно стоит задача провести максимальное развертывание сети дошкольных учреждений с целью охвата на 100% детей дошкольного возраста»⁶. Тем не менее, средства выделялись совсем незначительные. Удовлетворять потребность в коллективном воспитании дошкольников пыталось само общество: «Средства на ясли получены от самообложения (14190 руб), всего 34860 руб включая кооперации, райисполкомы, и т.д. Это даст возможность

¹ ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 17. Л. 172.

² ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 45. Л.2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 52.

⁵ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003. С. 22.

⁶ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

обслужить 1500 человек детей. ...нужно сделать это круглогодичным... Призвать через ясельные комитеты к руководству и контролю работы детских широкие слои крестьянок (Предложение по докладу «О мероприятиях по открытию летних детских яслей в деревне» май, 1929 г.)»¹. Вообще для лета 1929 года характерно обилие документов, связанных с организацией яслей в сельской местности. В них говорится о значении подбора работников, обсуждается проблема недостатка абитуриентов «со стороны рабоче-крестьянского актива» на дошкольном отделении педагогического техникума – туда принимали окончивших 9-летнюю школу, предпочтительно имевших «практический стаж в области женработы и работы с детьми дошкольного возраста»², при этом около 75-80% студентов обеспечивались стипендией и до 85% – общежитиями (документ датируется 2 августа 1929 года).

Несмотря на предлагаемые условия, набор в педтехникум был, очевидно, не самым удовлетворительным: особое неудобство для будущих воспитателей представляла сезонность работы в летних яслях. В связи с этим появился следующий документ датируемый октябрём 1929 года: «Учитывая ошибки прошлого года ...необходимо всех работников по охране материнства и младенчества, имеющих на селе, закрепить на этой работе, для чего иметь договоренность с местными организациями... работающих в яслях в первую очередь устраивать на работу зимой с тем, чтобы летом снять работницу в ясли с гарантией того, что после закрытия яслей место за ней сохраняется, иначе мы будем каждый год готовить работников. ...На лето 1930 года охватить 100% в округе (Шадринском) детей от 4 до 7 лет летними площадками... организовать межрайонные месячные курсы для подготовки кадров. А также районные 2-недельные, вечерние 2-недельные, 5-дневные курсы на местах, окружные 3-месячные»³. Также рекомендовалось избегать посылки на курсы охраны материнства и детства малограмотных или

¹ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1610. Л. 1 об.

² Там же. Л. 3.

³ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1610. Л. 5.

«неинтересующихся», так как при обследовании детских учреждений «встречались моменты, когда ясли находились в антигигиенических условиях, питание готовилось, не считаясь со здоровьем и возрастом ребенка, воспитатель оставляла детей на нянечку»¹. В общей сложности, проблемы мало отличались от тех, что возникали при организации школ, хотя создается впечатление, что внимания со стороны властей к дошкольникам было меньше: они еще не входили ни в какие коммунистические организации и вряд ли могли усвоить идеологические концепции марксизма-ленинизма. Поэтому процесс открытия детских садов и яслей шел еще медленнее, чем школ, а работать было нужно и оставлять с кем-то детей тоже. В зауральских селах яслями служил дом одной из колхозниц, куда собирали всех малолетних детей, чтобы освободить остальных матерей для работы – женщины по очереди сменяли друг друга, а чтобы забота о детях соответствовала советским гигиеническим нормам, с ними проводили беседы и организовывали минимальное санитарно-гигиеническое обучение.

В феврале 1930 всем окрону от Уральского отдела народного образования пришло письмо, где ставилась задача в 1930 году максимально развернуть сеть дошкольных учреждений в городах и в районах сплошной коллективизации: «Эти мероприятия концентрируются главным образом в колхозах... Ураломо предлагает организовать на местах хотя бы краткосрочные курсы, главным образом, для колхозниц, а в городах для активисток, делегатов, работниц, комсомола... от 2 недель до 3 месяцев. Необходимо учесть, что по окончании проведения летних оздоровительных мероприятий площадки... в большей своей части должны быть закреплены в постоянном детском учреждении. Поэтому необходим тщательный подбор курсантов. Средства для организации курсов должны быть изысканы на местах с привлечением общественных организаций, союзов, коопераций, общественности колхозов и пр.»². Из документа мы видим, что власть

¹ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1610. Л. 5

² ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 18.

требовала организации дошкольного образования, причем если в первое послереволюционное десятилетие ему придавалось в первую очередь идеолого-воспитательное значение, то к концу 1920-х - началу 1930-х годов от утопической идеи отказались. К дошкольному образованию стали подходить чисто практически – детей надо было устранить из семьи, чтобы освободить родителей для работы. Заниматься с ними должны были обычные женщины, вместо специального образования имевшие несколько недель подготовительных курсов! Притом качество проведения этих курсов также оставалось под вопросом. Повседневность маленьких детей в таких условиях становилась частью кампании по индустриализации и коллективизации и практически теряла самооценку.

Проследить, как выполнялось задание Уралово можно на примере Половинского района Курганского округа, откуда дошел ряд документов, среди которых письмо заведующего культурно-социальной части района и заведующего районным женотделом в Курганский окружной здравотдел (показательно, что дошкольные учреждения открывались как оздоровительные и курировалось системой здравоохранения, а не образования): «при сем препровождаю список колхозов по Половинскому району, где предполагается открытие дошкольных детских учреждений в 30 году. При чем средств по райбюджету на это дело не предусмотрено. Потребсистема выделяет на ясли 1650 руб, на площадки 315 руб, от самообложения начислено на ясли 1800 руб. Привлекаются средства от колхозов в натуре на детясли 8500 руб, на площадки 1550 р. Всего потребуется средств на ясли 20050 руб, недостатки средств – 8050 руб, на детплощадки 3150 руб, требуется еще... 1150 руб. Работниками ясли и площадки не обеспечены. Всего имеется в районе 4 ясельных работника»¹. То есть, все происходит, практически, в складчину, на общественных началах, но с подробным отчетом. Рекомендации, как решить проблемы и в каком

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 13

масштабе работать, в район пришли из Штаба охраны детства: «По представленной вами сводке видно, что детские площадки вы намечаете открыть лишь в части колхозов, тогда как окроно в ранее присланных вам материалах указывало, что дошкольный возраст в колхозах и коммунах необходимо охватить площадками на 100%. Никаких особых затрат на это дело не потребуется. Помещение колхоз сможет выделить, оборудование нужно небольшое, это смогут... сделать в столярной мастерской колхоза или школой. Питание может пока отпускаться в том же количестве, как и сейчас.. Работники будут приготовлены из числа самих колхозниц через районные курсы, которые будут проведены в вашем районе в апреле месяце. Сообщите... в районный штаб по дошкольному походу»¹. Речь уже очевидно идет не о качестве, а о количестве: главное – выполнить план, спущенный сверху. В сущности, создававшиеся ясли мало чем отличались от традиционной крестьянской заботы о маленьких детях всей общины. Упомянутый в документе дошкольный поход – отдельная акция по привлечению внимания общественности к проблеме воспитания детей, проводившаяся самой общественностью. В августе 1929 года в колхозы был спущен план по участию сельских жителей в дошкольном походе: необходимо наладить радиовещание по дошкольному воспитанию в колхозах, провести мероприятия по сбору денег с населения: день дошкольника, «воскресники на дело дошкольного воспитания», запашку десятины дошкольника, а «на полученные средства создать фонд дошкольника (минимум 1650000 руб)» - сумма, как видим, предлагалась несопоставимая с тем, что имелось на самом деле и было в принципе возможно. Также рекомендовалось «популяризовать пятилетку по дошкольному воспитанию. Устроить смотр дошкольных учреждений в колхозах, заняться постройкой ясельных помещений и детских комнат, провести соцсоревнование по развитию сети дошкольных учреждений в колхозах. Для матерей, дети которых не охвачены дошкольным воспитанием, организовать консультации по воспитанию дошкольника в

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 12.

семье»¹, учитывая, что вне семьи «воспитанием» занимались точно такие же сельские матери с двухнедельным спецкурсом образования.

Вообще, создается впечатление, что реальная жизнь слабо представлялась сотрудниками окружных и областного отделов образования. Их директивные обращения к колхозам ставили перед последними трудновыполнимые цели и постоянно требовали денег². С другой стороны эти директивы производят впечатление широкомасштабной работы, развернувшейся по всей стране, тщательно налаженного социалистического воспитания, высокого уровня политической сознательности не только воспитателей, но и самих детей: «Немедленно послать в ураломо материал, характеризующий работу по дошкольному походу в округе... Предложить заведующим детскими садами немедленно выслать в ураолоно записи-интервью самих детей-дошкольников на разнообразные темы (жизнь и работа в детском саду, отношение к общеполитическим и хозяйственным задачам переживаемого момента, пр.), материалы-заметки, рисунки, снимки, статьи работников детских садов о наиболее ярких моментах, собственноручные письма матерей-работниц и крестьянок с отзывом о работе и значении детского сада»³. Очевидно, что взять у дошкольника интервью о его отношении к общеполитическим и хозяйственным задачам переживаемого момента невозможно.

Чем ниже на иерархически-территориальной лестнице был орган власти, тем адекватнее были его требования. Так, Курганский окружной отдел народного образования в ориентировочном (не обязательном!) плане работы по дошкольному воспитанию на 1930 год предполагал «охват 40% детей дошкольного возраста крестьян и бедняков, и по городу рабочих и служащих. На район 10 площадок по 60 человек, 15 районов – 150 площадок с охватом 9000 человек, по городу 25 площадок с охватом 1600 детей»⁴. На

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 19.

² Там же. Л. 21.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 25.

невозможность выполнения завышенных требований указывали специалисты, работавшие непосредственно на местах: «Я все-таки лично думаю, что для открытия нормального детского сада в такой ужасающе короткий срок у нас весьма мало перспектив: если открывать с целью 100% охвата в коммуне это... около 800 руб в месяц, коммуна не в состоянии выдержать. Если принимать человек по 25-30, что для нас вполне посильно, то среди членов коммуны естественно возникнет вопрос: а кого же принимать?» – писал в окроно «инспектор соцвоса с. Чаша»¹. Вопрос, кого принимать, был действительно важен, особенно учитывая политическую ситуацию. Обследовавшая детские сады комиссия в январе 1930 года сделала заключение, что так как «Веселкина заботилась о детях ссыльных (доктора Попова), это говорит за связь Веселкиной с чуждым элементом. Между тем Гордиевская (заведующая) раньше принятых детей ссыльных старалась изъять и их места заполнить детьми рабочих и служащих»². Пострадавшей как неблагонадежный элемент в этом случае оказалась не только Веселкина. Мы видим, как с самого начала повседневная жизнь советских детей оказывалась разделена на два совершенно разных мира – параллельно существовало счастливое советское детство «цветов жизни» (хотя насколько оно было счастливым реально мы можем видеть из приводимых документов) и детство «изгоев», с малых лет привыкавших к своей «чуждости» в социалистическом государстве. Для поступления в детский сад или на площадку заполнялась анкета с указанием персональных данных ребенка, в том числе здоров ли он и имеет ли отца и мать, а также сведений о родителях: их социальное положение, место работы, должность, принадлежность к профсоюзу, партийность, из кого состоит семья, какие имеет доходы³.

О «дошкольном походе» – работе по дошкольному образованию – отчитался Марайский район: «В центре района создан штаб... который ведет работу по организации детских учреждений. Всего открыто по району 19

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 36.

² Там же. Л. 44 об.

³ Там же. Л. 87 об.

детских учреждений, из которых ясель 12 по 40 человек и 6 площадок по 30 человек, опорный детский сад – 30 человек. Всего будет охвачено 690 детей – 5% к общему количеству детей в районе. В первую очередь берем детей колхозников, если будут свободные места – возьмем единоличников-бедняков. ...Трудности работы:.. непонимание со стороны некоторых колхозов важности открытия детских учреждений..., не совсем внимательное отношение кооперации к заготовке продуктов»¹. То есть, дойдя до районного уровня, изначальный стопроцентный план, снизившийся на уровне округа до 40% сократился еще в восемь раз, заставляя предполагать, что реальные цифры после его выполнения будут еще ниже. Дошкольное образование организовывалось в буквальном смысле «всем миром» – правда, преимущественно в добровольно-принудительном порядке: колхозники не видели в нем необходимости, кооперации – тоже, отсюда небрежность в работе даже в отношении такой насущной вещи как детское питание, не говоря уже о проведении опросов и интервью на политические темы, о которых писал Уралоно. Ситуация была характерна не только для колхозников².

Для наглядности предлагаем сравнить спускаемые в район планы: «детские сады будут открыты в колхозах и коммунах с тем, чтобы основная работа выполнялась женщинами – членами колхоза... Через райкурсы будет пропущено 750 человек, что позволит открыть 750 детских садов и охватить 18750 человек»³ и реальность в одном из районов: «работа продвигается медленно, особенно плохо дело обстоит с курсами. Писала 3 раза в колхозы о высылке курсантов на курсы. ...всему помешала посевная компания, на курсах всего 17 чел, площадок будем открывать 25»⁴ и по всему Курганскому округу: «в округе 17 детских садов, 177 детских площадок обслуживают 5890

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 285.

² Там же. Л. 161.

³ Там же. Л. 38.

⁴ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 251.

детей»¹, притом в количество включены не только посещающие детский сад, но и временные детские площадки.

Как и сегодня, наблюдался огромный разрыв между теоретиками образования и воспитания и практикой. Так, в Курганском округе в пылу коллективизации и развертывания программы дошкольного воспитания возникла идея даже организация колхоза дошкольников². Как малолетние дети будут вести хозяйство – уже практический вопрос, теоретиков касавшийся только в своем идеальном варианте.

Таким образом, в 1920 –1930-е годы в Курганском и Шадринском округах, как и в стране в целом, происходил процесс становления системы образования, охватывавший население от дошкольного возраста до студенческих лет. Если 1920-е годы были временем экспериментов, когда постановления властей не могли напрямую воплотиться в реальности из-за расхождения идеи и возможностей, то 1930-е годы стали началом стабильности и зарождения знаменитой советской системы образования, дававшей крепкие фундаментальные знания по всем предметам и воспитывавшей строгих, идеологически выдержанных людей. Был совершен переход от свободного творчества к четким программам и системе проверки знаний, от демократического равноправия детей и шкрабов в школе к иерархическим взаимоотношениям учителей и учеников. Практически удалось решить проблемы первого послереволюционного десятилетия с помещениями для школ и их финансированием – стали подниматься более частные проблемы, такие, как нехватка оборудования в лабораториях и книг в библиотеках, недостаточное снабжение тетрадями. От выживания за счет самообложения школа перешла на государственное финансирование, и смогла обеспечить практически стопроцентный охват детей образованием, решив проблему бедных семей с отсутствием обуви и одежды. С изменением школы менялась и повседневная жизнь детей в ее пространстве. Антисанитария и

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 121. Л. 382.

² Там же. Л. 237.

неустроенность 1920-х годов негативно влияла на формирование детского характера и мироощущения, на интеллектуальное и физическое здоровье детей. Демократические тенденции нередко вели к потере ориентиров и границ собственной свободы в рамках коллектива, и вместе с тем способствовали творческому развитию и осознанию себя полноправными гражданами советского государства.

Авторитаризация школьной системы в 1930-е годы напротив, дисциплинировала детей, указывала на возрастные рамки и иерархичность системы, в которой именно образование сможет стать лестницей к успешной жизни. Дети не только обучались по стандартизированным программам, что гарантировало по окончании школы определенный багаж знаний и облегчало поступление в вузы, но и учились творить в рамках заданной системы, воспитывали в себе чувство ответственности за отношение к учебе, выполнение домашних заданий, общественных поручений и практических задач. Система оценок и экзаменов дисциплинировала и помогала мобилизоваться в финишные минуты, стимулировала процесс обучения. Возможность быть исключенным из школы и лишиться шанса на устройство лучшего будущего также служила стимулом к самоконтролю и самоцензурированию. Классовая открытость в школах и вузах, установившаяся с середины 1930-х годов позволяла включить в систему и изначально выпадавший из нее элемент, показав им возможность искупления и изжития своей классовой чуждости.

Система дошкольных учреждений, призванная готовить детей к обучению в школе и давать им первоначальные идеологические установки столкнулась с большими, чем школа, сложностями в своем становлении и, в конечном итоге, на первую половину 1930-х годов свелась к задаче освобождения матерей, а не воспитания детей. Тем не менее, и в таких сложных условиях маленьким детям старались прививать революционно-коммунистическое восприятие мира.

Таким образом, мы наблюдаем изменения окружающего детей пространства в Советской России 1920-х годов, в основе которого – политические и экономические изменения, эволюция взглядов властей и населения на семью и детство, пересмотр отношения к бытовой стороне жизни в целом. Если в 1920-е годы заботились о наличии самого детского пространства, более или менее подходящего для проживания и обучения, то к 1930-м годам возникает стремление сделать его более функциональным, комфортным и даже красивым. Это совпало с общей тенденцией консерватизации жизни в СССР: место революционных идей о создании новой культуры на обломках старого мира заняли старые «имперские» и «буржуазные» ценности: семья, Отечество, система иерархических отношений. Переход ко второй пятилетке предполагал внимание к бытовой стороне жизни советских граждан – параллельно с улучшением состояния школ появлялись детские лагеря и Дворцы пионеров. Внимание к оснащению школ коррелирует с реформированием системы образования и переходом к традиционной поурочной форме обучения детей – лаборатории и оборудование необходимы в условиях, когда учеба сосредотачивается в классе, а не на производственной площадке, как это предполагалось в 1920-е годы. Следовательно, окружающее детей пространство значимо не только в контексте изучения детской повседневности – оно проливает свет и на другие аспекты жизни советских людей. Однако именно на детское сознание оно должно было оказывать наибольшее влияние, воспитывая будущих граждан.

ГЛАВА 3. ПРАКТИКИ ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ)

3.1. Пионерская организация как часть детской повседневной жизни

В центре внимания истории повседневности, как отмечает Н.Л. Пушкарева, «комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события»¹, что позволяет соотнести процессы, происходившие «внизу» и «наверху» и оценить степень самостоятельности рядового человека. Последнее приобретает особое значение по отношению к повседневной жизни детей, которые не являются самостоятельными субъектами общества в юридическом смысле, но обладают собственной волей и позицией. Без изучения направлений воздействия этой воли полноценное исследование детской повседневности невозможно и сводится к истории быта и материальной культуры.

Касательно советского общества, особенно на ранних его этапах, наиболее значимым, на наш взгляд, представляется изучение общественно-политической позиции школьников. Именно ее наличие в положительном или отрицательном по отношению к власти ключе или, напротив, полное отсутствие, позволяет наиболее четко отразить детскую субъектность в истории. При этом подходить к определению самой позиции можно достаточно широко в силу отсутствия узкой направленности детской активности. Таким образом, мы можем проследить ее как непосредственно через деятельность детских политических организаций, так и через личное отношение детей к наиболее значимым идеологическим посылам, в том числе, в сфере семейной

¹ Пушкарева Н.Л. История повседневности» как направление исторических исследований // Фонд исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenij_e_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения 01.06.14).

и гендерной политики и образования, а также через отношение к труду, специфику развлечений детей и их идеалы.

Одним из важнейших пространств послереволюционной детской повседневности, где школьники в наибольшей степени проявлялись как акторы исторического процесса, было пионерское движение. Пионерия включала в себя детей в возрасте от 9 до 14 лет, и готовила их к вступлению в комсомольскую организацию, которая поставляла кадры непосредственно в коммунистическую партию. Предварительным этапом к вступлению в пионеротряд служила октябрятская организация. Таким образом, была сформирована трехступенчатая система подготовки партийцев и воспитания советских граждан в целом. Октябрята в силу возраста получали меньшую порцию политической информации. Комсомольцы по той же причине должны были достаточно осознанно относиться к политической и идеологической стороне жизни. Пионеры же представляют собой часть цепочки, наиболее подверженную воздействию, поскольку именно в их возрасте происходило формирование базовых ценностных установок, и у них, наряду с пластичностью сознания, присутствовало проявление индивидуальной воли, осознание отделенности себя как личности от родителей и педагогов. Надежда коммунистам, помощь комсомольцам, пример октябряткам – пионеры были значимой частью проекта по созданию нового человека.

Пионерская организация предоставлял детям пространство волеизъявления и самостоятельного существования – в определенных границах, строго прописанных в Уставе и клятве. Это пространство было абсолютно надежным, так как его выделила и сакрализовала власть. Она гарантировала участникам проекта карьерный рост, защищала от посягательств со стороны родителей, педагогов и других взрослых, не до конца уловивших направление движения или не вошедших в число избранных для спасения.

Однако мы уже показали выше, как разительно различались между собой политические проекты и реальная человеческая жизнь. Власть

создавала образ идеального пространства детской повседневности, а взрослые граждане страны обязывались это пространство воплощать – в силу своих материальных и интеллектуальных возможностей, а также того культурного контекста, в котором формировалось их мировоззрение и воспринимались политические установки. Периодически власть начинала понимать, что образ не может быть реализован, и пересматривала его параметры, подстраивая их под возможности народа, и не забывая о собственных целях. Также менялся идеал пионера. При этом взрослые не всегда адекватно доносили информацию до адресатов-детей.

В условиях XX века был способ контакта с детьми практически без посредников – с помощью книг, журналов и фильмов, проходивших цензурирование и приводимых в соответствие с идеальным образом. Но даже столкновение с таким рафинированным идеалом не гарантировало его усвоение. Ведь и сами дети, как и взрослые, были заложниками ментальной и материальной среды и собственных индивидуальных способностей и желаний. А поскольку, как пишет А.А. Сальникова, «советские экранные дети мало походили на их реальных сверстников,... они боролись с вредителями разных мастей... заседали... трудились»¹ и никогда не играли – декларируемый образ не всегда соответствовал возрастным особенностям и часто был настолько идеален, что никто в реальности не мог ему уподобиться.

Несмотря на членство в коммунистических общественных организациях и идеологическое воспитание, обычные дети, как правило, были нацелены на удовлетворение своих первичных потребностей, а не на достижение политических идеалов. Последнее если присутствовало, то в виде периодических мечтаний и редко в качестве настоящей цели. Как отмечал Балашов, «наивные порывы к высокому, неопределенные мечты о служении человечеству и народу... в новом поколении стали скорее редким

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 42.

исключением, чем правилом»¹, т.е., встречались реже, чем у детей дореволюционного периода, что имело непосредственную связь с неудовлетворенностью окружающим пространством, одеждой и пищей. Н.А. Рыбников отмечает, что «условия русской действительности обострили инстинкт собственности» .. Это влияло и на мечту о будущей профессии. «По данным Н.А. Рыбникова, школьники считали самыми популярными профессии учителя (10%), конторщика (9%), доктора и инженера (по 6%). Высказывались также пожелания стать лавочницей, княгиней, дворянкой, царем, богачом, попом. Любопытно, что политическая карьера не привлекала учащихся: всего 2% желали быть коммунистом, 1% - политическим деятелем, 0,3% - комиссаром»². В детских устремлениях отражается и процесс урбанизации, пониженное положение крестьян в пролетарской стране: «Все ребята устремляют свой взгляд в город, хотят занять видные должности, как, например, астронома, киноартиста, кондуктора, слесаря и др.». А также мечта о хорошо устроенном селе, иногда смешанная с установками пропаганды за коллективный и здоровый образ жизни: «я хочу жить в коллективной и общественной деревне, чтобы были разные машины, чтобы была школа и клуб. <...> Была бы в деревне баня, кооператив. Скот находился бы в чистых хлевах... В деревне было бы чисто и сухо... весь народ был [бы] грамотный и здоровый», а иногда откровенно «собственническая»: «мне очень хочется быть крестьянином... чтобы быть богатым и много держать скота... <...> Чтобы всего было вдоволь. <...> И много иметь земли... чтобы жить богатым крестьянином и иметь большой сад»³. Большой интерес у школьников, с детства приученных к тяжелому физическому труду, вызывали интеллигентные профессии: респонденты из Кургана рассказывают, что мечтали быть учителями или военными – в зависимости от того, кто первый произвел неизгладимое впечатление и представлялся воплощением лучшей жизни – в материальном, а не в идеологическом аспекте.

¹ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003. С. 67.

² Там же.

³ Там же. С. 113.

Вместе с тем, например, Л.В. Алиева выделяет конец XIX – XX век как время повышенной активности людей во всех сферах деятельности, раннего взросления детей и ранней гражданской социализации. Она подчеркивает, что, в частности, пионерство – реальность, выросшая из объективной действительности начала века, а не сугубо создание коммунистической партии и комсомола¹. То есть, не власть навязала детям такой способ организации, а сами дети спровоцировали ее на такой шаг. Субъективную потребность подростков и молодежи в объединении для участия в общественной жизни и большое влияние борьбы идеологий, политического накала в обществе на детскую психику отмечает также В.А. Кудинов². Если обратимся в качестве источников к заявлениям на вступление в пионеротряд, то обнаружим однотипные формулировки такого содержания: «Хочу перевоспитаться в политическом духе, быть юным ленинцем, исполнять все пионерские правила, законы и обычаи»³. Это в заявлении написала ученица 1«а» группы курганской школы второй ступени Климина З. в 1926 году. С одной стороны, необходимость перевоспитания в политическом духе вряд ли до конца осознавалась автором заявления, однако потребность в коллективных действиях, в причастности к чему-то важному и большому, вероятно, являлась личной потребностью ребенка. Часто в таких заявлениях акцентировали внимание на социальном происхождении кандидата в пионеры – крестьянство, пролетариат, беднячество. Это делалось, поскольку многие дети из «чуждых» слоев стремились стать пионерами и комсомольцами вопреки отрицательному отношению со стороны новой власти: «прием производится с большой осторожностью, втягивается молодежь по происхождению рабочая и крестьянская и лучшая часть служащей... пять человек было отклонено, так как имели неподходящую к союзу идеологию»⁴.

¹ Алиева Л.В. Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства. Автореф. ... дис. д-р. пед. наук. М., 2002.

² Кудинов В. А. Общественные движения и организации детей и молодежи в России XX веке. Автореф. ... дис. д-р. ист. наук. Кострома, 1994.

³ ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 93. Л. 22.

⁴ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

С одной стороны строгость при приеме была оправдана, ведь, как писал Влад. Гессен, «пионеры в школе – ядро, которое обеспечивает коммунистическое влияние»¹. На пионеров возлагалась особая миссия: «под общим руководством Третьего интернационала... вовлечь детей в общественно-политическую жизнь, воспитать из них стойких бойцов-коммунаров...»², «проводя большую работу среди окружающих, как взрослых, так и детей, пионеры должны, не переставая, пополнять свои знания»³ «должны поставить себя так, чтобы передовое учительство видело в них своих ближайших помощников»⁴. С другой стороны, поскольку в задачи пионер-организации входило воспитание «нового человека», направление детской активности в нужное русло, «чуждые элементы» должны были стать первоочередной мишенью вожатых в процессе перевоспитания. К тому же в начале 1920-х годов пионерия имела конкурентов в лице скаутов, юков, а также членов детских и юношеских организаций других политических толков – эсеровского, анархистского, меньшевистского⁵. «Когда период самоутверждения личности приходится на разлом исторического времени, от молодежи можно ожидать каких угодно сюрпризов»⁶ пишет В.П. Булдаков – в условиях общей революционизации настроений, распада семьи, разрушения старых ценностей, противопоставления «отцов и детей», роста беспризорности и безнадзорности высвобождалась колоссальная бунтарская энергия подростков и молодежи, которую каждая политическая сила стремилась использовать в своих интересах, задавая нужный вектор. Вероятно, поэтому дети непролетарско-крестьянского происхождения все-таки оказывались в пионер-отрядах, а власть постоянно подчеркивала необходимость укрепления связей между партией и комсомолом, комсомолом

¹ Гессен В.Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. Ленинград, 1926. С. 141.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ Рыбаков Р.В. К вопросу об альтернативах в молодежном движении России (1917-1920-е гг) // Вестник Томского университета. 2014. №382. С. 119 – 124.

⁶ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика послереволюционного времени. Россия, 1920-1930 гг. М., 2012. С. 350.

и пионерами, пионерами и октябрятами. Должна была получиться строгая цепочка, позволявшая взять молодежь под контроль, обеспечить детям правильное воспитание, а в будущем решить кадровые вопросы. Однако в рамках Курганского и Шадринского округов информации о разнообразии детских политических групп не встречается. Противовесом пионерскому и октябрятскому движению выступала дезорганизованность, пассивность детей, или хулиганские группы, компании беспризорников.

А.Ю. Рожков пишет, что «ряды пионеров были довольно малочисленными. По данным Ш. Фицпатрик, к концу 1925 года только 15% учеников школ I ступени и 23% учащихся школ II ступени (исключая ШКМ и ФЗУ) были пионерами»¹. В Курганском округе процесс шел еще медленнее: в 1926 году общий охват детей пионерорганизацией достигал лишь 4,25%². Однако пионеры как раз таки составляли идейное ядро, призванное влиять на остальных учащихся. Отмечалось, что делать это было особенно сложно в школе второй ступени – из-за классового состава учащихся. На окружной конференции школьников в Шадринске в 1925 году отмечалось: «В школах II ступени нельзя или невозможно форпосту влиять на учащихся, так как большинство состоит из мещан»³. Тем не менее, в отряды принимались и дети служащих, и представители других социальных слоев. В одном из отчетов о Кургане пишут: «На 15 апреля 1930 в пионер-отряде состоит 53 человека, мальчиков 19, девочек 33, от 10 до 16 лет, детей рабочих 34, служащих - 13 и прочих 5»⁴.

На упомянутой конференции школьников декларировалось, что «участвуя в кампании по приему ребят в школу, пионер влияет на социальный состав принимаемых, оказывая предпочтение рабочим и крестьянам... Через пионерфорпост все ученики школы должны ознакомиться с историей РЛКСМ, юношеского движения, организацией юных пионеров. Все пионеры форпоста

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 83.

² ГАОПДКО Ф. 13. Оп. 1. Д. 714. Л. 2.

³ ГАОПДКО Ф. 131. Оп. 1. Д. 441. Л.3.

⁴ ГАОПДКО Ф. 13. Оп. 1. Д. 37. Л. 75.

должны агитировать своими поступками за пионер-организацию... организовать живую действенную связь с производством: школьники должны все знания, которые имеют, нести в гущу рабочих... Большую работу... развивать в детдомах, с беспризорными»¹. Однако подчеркивалось, что «работа детей в организациях взрослых наравне с ними недопустима. Связь с широкими массами нужно разворачивать сообразно со своими силами»². Поэтому в реальной жизни пионеры и комсомольцы чаще всего выступали активистами в учебной и общественной жизни: «Из числа 9 комсомольцев 8 имеют хорошую успеваемость и некоторые помогали отстающим товарищам... Пионерские отряды и звенья обсуждают успеваемость и поведение учащихся пионеров. Пионеры... помогали классному руководителю в борьбе с прогульщиками»³.

В силу возраста главной работой пионеров была борьба с собственной неграмотностью и неграмотностью взрослых, особенно в 1920-е годы, а также с пережитками дореволюционных школьных порядков: «Детские коммунистические группы 75% своего внимания направляют на работу в школе, это потому, что еще нужна борьба со старой, реакционной школой. У нас... на эту работу уделено 35-40%, а все остальное - на работу с неорганизованными ребятами улицы»⁴. Но именно пионерская организация учебе мешала, так как ребята-активисты не успевали сидеть за учебниками: «пионеры форпоста отстают в учебе из-за своей перегруженности. В школьном клубе... работает 49 пионеров. Председатели кружков большинство пионеры»⁵. Как пишет А.Ю. Рожков, «неслучайно VII съезд комсомола поднял вопрос о перегрузке школьных пионеров», однако «вместо разгрузки

¹ ГАОПДКО Ф. 131. Оп. 1. Д. 441. Л.1.

² ГАОПДКО Ф. 13. Оп. 1. Д. 37. Л. 75. Л. 3.

³ ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 129, об.

⁴ ГАОПДКО Ф. 131. Оп. 1. Д. 441. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 5.

учащихся от пионерской работы предлагал «повести борьбу с задаванием уроков на дом»¹.

Другой задачей пионеров была работа с «неорганизованным элементом» и вовлечение его в коммунистическое движение – как детей, так и взрослых. Делалось это, во-первых, через шефство над членами какой-либо организации или кругом лиц, менее грамотных и «современных», чем сами пионеры. Как правило, городские ребята шефствовали над сельскими, сельские – над односельчанами, младшими детьми и детьми, оставшимися за пределами школы². Во-вторых, через личный пример работы по строительству социалистического хозяйства, в связи с чем рекомендовалось чаще водить пионеров на экскурсии на заводы, организовать воспитание трудом и соцсоревнование «через периодическое выполнение заданий от производства»³, а в деревнях через «индивидуальные пионерские грядки»⁴. Важное место занимал сбор утильсырья: «Для проведения всеобщего изначального обучения и ликбеза требуются миллионы новых книг и учебников... Учительство, культармейцы, школьная общественность, комсомол, пионеры, комсоды должны выступить в поход организаторами сбора утильсырья и реализовать его на книжные бонусы...», отмечалось в газете «Красный Курган». В-третьих, через личные родственные связи. Например, ребята участвовали в проведении «сельскохозяйственного заема»⁵ и других мероприятий по сбору денег с населения, оказывая давление на взрослых членов семьи. Как отмечает Влад. Гессен, «дети сами ведут борьбу со старым укладом жизни... Подвергаясь коммунистической проработке в пионерской организации, они стараются перевоспитать в коммунистическом духе и свою семью...», которая «отстала от революции... Часто родители не пускают детей в клуб, на пионерские и комсомольские собрания, запирают их, бьют... Но

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 175.

² ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

³ ГАОПДКО Ф. 131. Оп. 1. Д. 441. Л. 6.

⁴ ГАОПДКО Ф. 10. Оп. 1. Д. 252. Л. 46.

⁵ ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 93. Л. 43.

пионеры не должны бросать семью, а повести внутри нее работу, потому что этим будут содействовать перерождению бытовой сетки»¹. В архивных документах также сохранились призывы «обратить больше внимания на работу пионеров в семье, особенно в части взаимоотношений с родителями»².

И, в-четвертых, через создание особого, привлекательного революционного пространства. В основном деятельность школьников была концертно-манifestационной. Так, в Куртамышском районе работала организация юных пионеров из 101 человека: «7 ноября была манифестация в Сухом Логу и в Курьях, где пионеры приняли самое активное участие... были поставлены спектакли совместно с ячейками ВЛКСМ, выпущены 3 газеты, посвященные октябрьским событиям... 2 пьесы, концерт, всего охвачено крестьянских детей 450 человек. Остальные вечера имели целью смычку пионеров с крестьянами и деревенскими ребятами. Устроен уголок пионеров. Выделили пикоров. Связь с партией большая. Выдвинуты связисты также с комсомолом. Организация ЮПЛ при ДТК взяла шефство над Сухим Логом, устраивает вечера»³. К слову, из 101 человека 81 были девочками.

Отметим, что в связи с особым отношением большевиков к гендерному вопросу, решение которого было составной частью советского проекта, в 1920-е годы половые различия между детьми, в особенности пионерами, стремились нивелировать. Так, например, в документах Илецко-Иковской коммуны, где около половины от общего числа воспитанников составляли девочки⁴, все подростки рассматривались как целый коллектив товарищей, о них писали без упоминания пола. Подросткам рекомендовалось исключать все нетоварищеские, романтические формы общения друг с другом (в книге о пионере, например, ярко прослеживается: половой вопрос – вопрос физиологический, решается по-товарищески, любые ухаживания – мещанство и пережиток прошлого). С другой стороны, в документах периодически

¹ Гессен В.Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. – Ленинград: Гос. издат., 1926. С. 129.

² ГАОПДКО Ф. 10. Оп. 1. Д. 252. Л. 46.

³ ГАОПДКО Ф. 104. Оп. 1. Д. 68. Л. 34.

⁴ ГАОПДКО Ф. 131. Оп. 1. Д. 441. Л. 145.

приводилась статистика, подчеркивавшая активность девочек и женщин: «Девушек вовлечено в делегатки 472 человека... Над отрядом пионеров городские делегатки взяли шефство... В пионер-отрядах девочек большинство»¹ - наиболее естественной казалась обратная ситуация, и любой выход девочки/женщины вперед заслуживал поощрения, тогда как мужское лидерство оставалось незамечаемым в силу своей нормальности. Неуверенность в гендерном вопросе, в частности, детей, демонстрирует следующий факт: 15 февраля 1924 года на собрании воспитанников детского дома №7 был сделан доклад на тему «Имеет ли женщина право быть равной мужчине?», после которого воспитанники постановили: «Имеет»². То есть, равноправие не было самоочевидным фактом, а требовало дополнительного рассмотрения, аргументации, утверждения. В отрядах девочки выполняли более характерные им по гендерному разделению обязанности: следили за порядком и чистотой. Трудовая активность также соответствовала полу – у мальчиков тракторы и столярные станки, у девочек – шитье и стирка.

Возвращаясь к Куртамышскому детскому дому отметим, что в документе отдельно подчеркивается связь детей с членами партии и комсомола как с «шефами» над пионерией, реализовавшими следующие этапы успешной жизненной программы в новом обществе. Кроме этого важной была связь с младшим звеном коммунистической организации: в качестве достижения отмечалось, что «ребята вели работу среди октябрат, работали в звездочках»³, а рекомендация «завязать связь с партячейкой и укрепить связь с отрядом октябрат»⁴ была одной из самых распространенных.

Необходимость преемственности коммунистического движения среди поколений подчеркивалась в детской литературе. Например, книжка для малышей «Пионеры пришли!», вышедшая в 1929 году, изображает встречу пионеров с октябрятами, где первые воспринимаются как почетные и

¹ ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

² ГАОПДКО Ф. 13. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.

³ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 93а. Л. 30.

⁴ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 79б. Л. 8.об.

интересные гости, идеал: «Сейчас нам семь, а станет восемь, мы в октябрюта взять нас попросим! Мы пионерами станем потом, завяжем красный галстук узлом!»¹. Симптоматичны и другие воспитательные элементы этой книги. Подчеркивается, например, коллективизм действий: «Все согласны? Все согласны!», инициатива и активность «Я буду клеить! Я рисовать!». Большое внимание уделяется атрибутам детского движения - флагу, красному знамени, значкам, портрету Ленина в детском возрасте, барабанному бою, строевым упражнениям. Внимание к внешним атрибутам не случайно: в большинстве своем дети не воспринимали политических установок движения даже в упрощенной форме, зато их привлекала ответственность, взрослость, яркие галстуки и чувство причастности к чему-то большому, которое выражалось через отрядные задания, сборы, марши, флаги и лозунги.

Это учитывалось организаторами детского движения² и отразилось и в воспоминаниях современников, в том числе жителей Курганского и Шадринского округов, о своем пионерском прошлом: «Когда впервые повязывали галстук – треугольник из ситца, покрашенный в красный цвет – очень волновалась. Это был не только торжественный момент, но и ответственный. Ведь нам давали определенные поручения: участвовать в ликбезе, помогать пожилым людям полить огород, наколоть дров, сложить поленницу, собирать колоски, ухаживать на ферме за телятами и так далее»³, - рассказывает П.Г. Дурманова из Куртамышского района Курганской области 1924 г.р..

Характерно, что даже намек на политическую составляющую пионерского движения в ее воспоминаниях о детстве нет. Хотя далее, подводя итог разговору, П.Г. Дурманова, отмечает: «Мы коммунизм строили своими руками, свято в него верили. Верили в то, что при коммунизме жить будет

¹ Гурьян О.М. Пионеры пришли! – М.: Гос.издат. 1929. С.8.

² ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 93. С. 115.

³ Воспоминания Дурмановой П.Г. 1924 г.р. Записано в с. Парамонове Альменевского района Курганской области в ноябре 2014 г.

лучше, легче, достойнее. Потому трудились не покладая рук»¹. Эта формулировка контрастно выделяется из ее рассказа как привнесенная взрослым человеком мысль. Но даже в ней коммунизм и гарантируемое им лучшее будущее предстают не политической идеологией, а мечтой, помогавшей выжить в тяжелейших условиях: П.Г. Дурманова, будучи дочерью председателя сельского совета, ходила летом босиком а зимой в заштопанных валенках, питалась скудно и не чаще, а то и реже двух раз в день (большинство ее сверстников жили еще тяжелее). А еще вероятнее, что, как пишет исследовательница советского детства А.А. Салова о созданных для идеологического воспитания и пионер-работы клубах, «сами дети принимали многие формы воспитания... за новую игру, которая не выглядела идейным насилием над личностью, особенно для учащихся начальной школы»². Это была игра во взрослую жизнь, как игра в «больницу», «магазин» или «дочки-матери», только включенная в реальность и приносившая действительную пользу обществу. Осознание политической нагруженности игры приходило не сразу, изначально оно принималось бессознательно, как должное: «Когда стал пионером, чувствовал себя строителем государства — вроде как, теперь мы должны помогать старшим. Разъяснять, что наступает другое время... В школе говорили про Ленина, Сталина, но мы не особо обращали на это внимание. Кто постарше — те конечно. А мы до 6 класса нет. У нас еще не было таких серьезных взглядов»³. К революционным деятелям относились не как к политикам, а как к добрым и мудрым героям, практически волшебным. «Ленин был тогда в почете в самом. Мы все к нему относились как к отцу родному, конечно, любя. Про Ленина в то время «дедушка Ленин» говорили, он был, как говорится, в каждом дворе и доме, как бог висел портрет его», - вспоминает В.А. Филимонов⁴.

¹ Воспоминания Дурмановой П.Г. 1924 г.р. Записано в с. Парамонове Альменевского района Курганской области в ноябре 2014 г.

² Салова Ю.Г. Клубная работа с детьми в практике советской школы 1920-х годов // Антропология советской школы. Культурные универсалии и провинциальные практики. Сборник статей. Пермь, 2010. С. 152-164.

³ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

⁴ Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

На важные идеолого-политические темы дети также рассуждали по-своему. В документах приводятся данные школьных опросов, где отразилось детское представление о действительности. На вопрос «Зачем нужна коллективизация?» большинство ответили: «лучше и легче работать сообща». 32 человека написали «в колхоз принимают батрака, бедняка и середняка, потому что они не вредят» и только один написал «потому что они никогда не имели чужого труда». Тогда как «кулачество ликвидируется потому, что мешают строительству колхозов, вредят» никто не охарактеризовал кулака как классового врага. На вопросы о религии в основном дети пишут: «Делают правильно, что закрывают церкви», только один человек написал: «бога нет, и не надо держать связь с попами, а колокола надо брать на металл»¹. В данном случае сложно отделить подлинное мнение учеников от изложения ими фраз учителей и вожатых. Однако среди детей однозначно были и настоящие борцы за новый быт – в местной прессе часто публиковали жалобы родителей: «Я ей про мученицу Катерину, а она мне про Клару Цеткин!»². Другое дело, что сообщать о таких инцидентах было выгодно власти, которую представляла городская газета.

Взрослые, с которыми пионеры должны были вести работу, организовывая коммунистические праздники, антирелигиозную пропаганду и обучение грамоте, далеко не всегда реагировали положительно на такую инициативность, оставаясь сторонниками традиционного уклада. Часто родителям просто не хватало времени обращать внимание на попытки пионеров-школьников перевоспитать или обучить взрослых: «У меня вот мать неграмотная была, я должен был с ней заниматься. Но она не интересовалась политикой. Работали тогда ведь от зари до зари, когда заниматься ерундой-то?»³, – рассказывает И.А. Комарский. Кроме того, над детьми довлел авторитет старших членов семьи, и, несмотря на декларируемый идеал, далеко не всегда воспитанием в доме могли заниматься юные пионеры – скорее,

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 124. Л. 24.

² Красный Курган. 1924. №53.

³ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

воспитывали их, причем, в другой ценностной системе, нежели в школе и отряде. У многих родители или бабушки с дедушками были верующими, в доме висели иконы, а сами дети приучались к молитве – так же, как к пионерскому галстуку и портретам вождей партии. Как отмечает А.Ю. Рожков, «официальная советская статистика конца 1920-х годов признавала, что уровень религиозности школьников был относительно высоким. Обследование 1155 пермских учеников в 1929 году обнаружило, что у 78% из них дома висели иконы; 11% учащихся носили крестики; 30% посещали храмы; 36% исполняли обряды (в основном добровольно)... Даже многие пионеры ходили в церковь, молились дома, славили Христа»¹. Несмотря на то, что в школьных анкетах отвечали, как атеисты.

При этом дети осознавали, что пионер и христианин – взаимоисключающие персонажи: «В бога верили, – вспоминает уроженец Мокроусовского района бывший пионер А.Н. Корюкин. – Я до сих пор его не забываю... Но я не объявлял никому и никто меня не знал, что я верую в бога»². Аналогичны воспоминания другого респондента – И.А. Комарского из Половинского района: «Семья у меня была верующая, особенно бабушка. Но мы не афишировали, все тихо делалось – это ведь запрещено было. Если бы узнали, что я молюсь, меня бы и в комсомол не приняли, и в пионеры»³. Такое разделение, очевидно, приводило к определенным последствиям в формировании характера и психической организации будущих советских граждан. Как отмечает А.Ю. Рожков, ребенок «приучался сидеть на двух стульях сразу, используя в своих интересах, исходя из ситуативного контекста, и атеизм, и веру в Бога»⁴, притворство становилось нормой жизни.

Однако некоторые дети успешно выходили из-под влияния семьи, делая выбор в сторону школьного и отрядного воспитания: «нам сказали быть

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 166

² Воспоминания Корюкина А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в августе 2016 г.

³ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

⁴ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 162.

атеистами, мы и были, - признается Филимонов из Куртамышского района. – А взрослые в то время в бога верили все. Атеизм – это нам детям преподавали, мы ведь атеисты стали, а матери и бабушки верили до самого гроба»¹. В таких случаях нередко возникали конфликты пионеров с семьей. Но были и счастливые примеры гармоничного согласия поколений: «Родители не были верующими. Только дедушка и бабушка верили в бога, у них дома были иконы. К делу Ленина и Сталина в семье относились уважительно, отец был коммунистом», – вспоминает П.Г. Дурманова².

Приспосабливаемость и готовность отказаться от идей в неблагоприятных условиях, по мнению А.Ю. Рожкова, распространялась не только на религию и внутрисемейные ценности: «нечто похожее происходило и с верой в пионерские идеалы. Один ученик, пишет он, услышав от лавочника, что скоро пионеров увезут в Москву для расстрела, испугался и «выписался» из организации. «Потом приехал к нам учитель и сказал, что пионеров никуда не увезут, и я опять вписался в пионеры»³. Среди жителей исследуемых округов также встречалось подобное отношение своего рода «отстраненной вовлеченности» к коммунистическим организациям: «Просили меня, чтобы в пионеры вступил. Ну, я в пионеры-то вступил, да работы-то никакой не вел».

Причиной этому чаще всего было не идейное несогласие детей, а отсутствие свободного времени: «я среди ребятшек-то не находился, ушел на работу в колхоз. И пионерской-то работы – только так, если где-нибудь играли что-то... Нет-нет да сбегу на несколько минут, поучаствую...», – вспоминает А.Н. Корюкин⁴. И таких ребят, загруженных домашними обязанностями и работой почти наравне со взрослыми, было немало.

¹ Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

² Воспоминания Дурмановой П.Г. 1924 г.р. Записано в с. Парамонове Альменевского района Курганской области в ноябре 2014 г.

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 162.

⁴ Воспоминания Корюкина А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в августе 2016 г.

Другой причиной такой отстраненности была некачественная работа пионервожатых, которые в данном случае поленились заинтересовать ребят и направить их энергию. Проблемы с хорошими вожатскими кадрами не были редкостью: кроме недобросовестного отношения к делу и неумения работать с детьми, отмечались и личные недостатки руководителей пионеротрядов, влиявшие на подростков: «Недисциплинированность вожатых, их подчас некомсомольские выходки, неисполнение основных правил пионерорганизации находят отражение в пионеротряде, особенно на пионерах старшего возраста»¹. В процитированном документе от июля 1926 года предписывается подтянуть дисциплину и вести себя сообразно положению в коммунистической организации – эта рекомендация дается почти в каждой резолюции по отчетам о работе пионеротрядов. Не только пионервожатые, но и взрослые в целом недостаточно серьезно относились к детскому движению: «Отметить полную дезорганизованность отряда как факт невнимательного отношения со стороны комсомольской и партячейки...»². На наш взгляд, невнимание со стороны партии свидетельствует, в частности, о том, что не все ее представители осознавали важность пионерии в достаточной степени, продолжали относиться к детям как к личностям.

Отношение вожатых становилось примером для детей: «Записаться в пионеры ребята запишутся, но на звенья не разобьешь, а это из-за отсутствия воспитательной работы... Сейчас реже стали драки, а остальное осталось по-прежнему... Хозяйственности нисколько нет»³. В одном из отчетов по городским школам в феврале 1930 года пишут: «Пионеров в школе 37, октябрят 40. Влияние пионеров на массу учащихся не чувствуется. Пионеры ничем от нее не отличаются... С октябрятами систематической работы не ведется»⁴. Часто детям не нравилась такая атмосфера в отряде. В результате пионеры, заинтересованные в полноценном участии в движении,

¹ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 796. Л. 24.

² ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 93а. Л. 35.

³ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 796. Л. 82, об.

⁴ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 124. Л. 26.

отказывались от него из-за несоответствия реальности представлениям: «В комсомол передано 5 человек, которые в отряд ходить не стали, выставляя причины: незаинтересованность работой и хулиганство в отряде... Массовые игры срывают внутриотрядную работу»¹. На отношение детей к пионерии влияли также методы работы в ячейке, которые за редким исключением не учитывали их интересов и особенностей восприятия: «Содержание сборов не удовлетворяет пионеров: бесед нет, игр тоже, соберемся, посидим и уйдем.. На сборы от 50 человек собирается 10-12...»², «Декабрь, 1926: Организация количественно снижается по причине неудовлетворения ребят работой, неспособности работы к окружающим условиям»³. В данном случае видим, что навязать детям что-либо, неинтересное им, очень сложно: взрослые и государство должны подстраиваться под их потребности и интересы, если хотят добиться воспитательного успеха. Личностный фактор и способность заинтересовать детей был даже важнее финансового. «Апрель, 1928: Средств в отряде нет»⁴ – такие резолюции широко распространены. Так, в результате обследования отряда №9 в Кургане, в январе 1928 года сделан вывод: «Условия никуда негодные, отряд совершенно находится без помещения»⁵. Однако при этом отмечается, что «отряд сильный, ребята развиты по восприимчивости... Вожатый... работу знает и интересуется ей»⁶.

Свою разлагающую роль играло наличие в пионерорганизации случайных членов, вступивших, потому что так надо, в связи с чем часто рекомендовалось «отряду пересмотреть состав, оставив лишь желающих быть пионерами»⁷. В частности, с этой целью следовало внедрять более жесткие санкции за прогулы и нежелание работать: «Обсуждение товарищей: узнать, почему не ходили на собрания. Обязать не пропускать. Если пионер не посетит 3 раза без уважительной причины, то его исключить... Ненчинову

¹ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 79б. Л. 77.

² ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 93а. Л. 35.

³ ГАОПДКО Ф. 13. Оп. 1. Д. 714, Л. 2.

⁴ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 79б. Л. 77.

⁵ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 93а. Л. 30.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 35.

исключить, взять галстук и билет. Всем ребятам подтянуться. Если будут баловаться и хулиганить, то с ними будут строго...»¹.

Нередко дело доходило до того, что отряды распадались. Упомянутый выше отряд №9 просуществовал до 1930 года. О его участии узнаем из отчета другого отряда, который заключил с ним договор на социалистическое соревнование «по вопросам: 100% явка сбора в галстуках, поднятие дисциплины, и по сбору утильсырья. По первым двум вопросам отряд имеет некоторые достижения, что касается 3 вопроса, то тут дело плохо – собрано утильсырья всего на 1 р. 88 к. Ввиду развала отряда №9 проверки сторонами соцдоговора не проводилось»². Кроме того, из этого документа мы узнаем, что к 30-м годам проблему явки и случайных людей среди пионеров удалось относительно уладить, так как речь идет уже о дисциплине внутри отряда, соблюдении формы и общественной работе.

Видим также включенность пионеров в общий «тренд» проведения социалистических соревнований. На рубеже 1920–1930-х годов они стали настолько популярны, что на соцсоревнование вызывали друг друга школы, классы, пионеротряды и даже отдельные учащиеся... Соцсоревнования включали в себя как образовательный процесс, так и общественную активность школьников внутри учебного заведения и вне его: «Внутришкольное соцсоревнование проводилось через вызовы в стенгазете. Вызов бросали отдельные группы по сбору утильсырья или материальной тары, вступлению в пионеротряд, ликвидации неграмотности»³. Часто такие вызовы обращались к соседним школам или определенным классам из других школ. В 1930 году приводятся данные о достижениях в работе одной из городских школ первой ступени по соцсоревнованию: «Силами детей обучено 35 неграмотных, хорошо налажена самопомощь в учебе, много сделали родители по оказанию помощи бедноте. Большой рост пионерорганизации

¹ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 99. Л. 5.

² ГАОПДКО Ф. 13. Оп. 1. Д. 37. Л. 75.

³ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

(120 пионеров против 40 в прошлом году, ударные бригады по учебной работе). Недочеты: нет точного учета работы, невыполнено 25% контрольной цифры третьего займа индустриализации, отсутствовало соревнование между педагогами, не втянуты в соцсоревнование родители»¹. То есть, социалистическое соревнование в школе задумывалось как масштабный всеохватный проект, способствовавший активизации активности детей, педагогов и родителей. Показательно, что в реальности к нему относились несколько иначе. В архиве сохранился письменный отчет о результатах опроса школьников на эту тему: «Всего сочинение писало 35 человек. Соцсоревнование проводится «чтобы лучше жилось рабочим». 4 человека не знают, с кем соревнуется школа. Остальные пишут «со школой №6», но по каким вопросам не знают. Указывают: чтобы ребята не дурели, не опаздывали, по успеваемости. По займу – 3 человека, чтобы не опаздывали – 3 человека, дисциплина – 11 человек»².

Несмотря на все сложности и неоднозначность воспитательного процесса, дисциплинирующее воздействие пионерской организации было очевидно и давало повод активно использовать ее в работе с беспризорниками. «Шефство» над ними и работа с детскими домами входили в обязанность пионеротрядов и форпостов. Именно в детдомах большая часть детей соответствующего возраста вступала в пионеры. Так, что в 1927 году курганский окроно совместно с окрпрофбюро решил реорганизовать один детдом в пионердом, где все без исключения воспитанники пионеры - «для опыта»³. А.Ю. Рожков отмечает, что именно воспитанники детских учреждений и пионеры оказались, в числе прочего, более организованными, приученными к самообслуживанию, заинтересованными в учебе и общественной деятельности⁴, что вполне объяснимо, так как дети,

¹ ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.

² Там же. Л. 23, об.

³ ГАОПДКО Ф. 10. Оп. 1. Д. 252. Л. 13.

⁴ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: НЛЮ, 2014. С. 185.

воспитывавшиеся в госучреждениях, были избавлены от раздваивающего личность противонаправленного воздействия педагогов и родителей, столь частого для «домашних» детей. К тому же активность в некотором смысле возвышала детдомовцев, а пионерорганизация могла стать перспективным начинанием в плане социального становления. В этом смысле показательно обращение к пионерии в случае проблем с перевоспитанием бывших беспризорников. Так, когда к 1928 году в Введенском детском доме ситуация вышла из-под контроля – грабились и избивались пожилые люди и просто прохожие, занятия в школе срывались, портилась одежда, педагоги осыпались бранью – решено было назначить в дом пионер-работника. То есть, на способности детской политической организации перевоспитывать детей возлагались огромные надежды.

В случае, если пионер-работник оказывался талантливым и заинтересованным в работе, ему удавалось увлечь детей и организовать их даже в отсутствие благоприятных внешних условий. В 1924 году в Шадринской детской трудовой коммуне, где на тот момент проживало 91 дошкольник и 434 школьника «в результате тяжелых материальных условий среди детей распространились болезни: трахома, туберкулез, чесотка... в некоторых детских домах нет одной смены белья, отсутствуют простыни, вместо одеял обрывки половиков, спят по два на койке...»¹. Однако, несмотря на это, отмечается в заключении о проверке учреждения, «коммуна представляет из себя одно целое... педагогической работе уделяется много сил и внимания. Общественно–политическое воспитание детей стоит на должной высоте». Кроме того, «детское самоуправление имеет углубленную форму и содержание. На трудовое воспитание детей также обращается должное внимание» – при том, что на все требуются материальные и энергетические ресурсы. Дети даже издают свой журнал «Юный коммунарь»,

¹ ГАШ Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 350. Л. 485.

в котором, отмечает комиссия, «хорошо поставлен политический отдел, но совсем отсутствует художественный. В сторону бичевания и обличения бытовых недостатков коммуны слишком большой уклон и наоборот совсем не указывается на имеющиеся достижения» – несмотря на достижения в таких тяжелых условиях, педагоги и коммунары еще и самокритикой занимаются. По сути, постоянное стремление к самосовершенствованию и работа отвлекали от проблем, а также давали надежду на более радужное будущее.

Вот пример работы по самоуправлению в Шадринской трудовой коммуне по протоколу собрания ее воспитанников от 8 февраля 1924 года: «Необходимо приступить к наклеиванию новых карт... ежедневно по списку ученики четвертой группы должны дежурить в коридоре и следить за тем, чтобы воды напрасно не выливали, а наливали, только сколько могут выпить. Бывает не хватает воды для питья только из-за того, что половину воды выливают напрасно»¹ – дети учились рационально организовывать свой быт в условиях острого недостатка ресурсов, а также относиться к ним бережно и осознанно. Принимались также решения относительно режима дня, наиболее рационализированного и здорового. Так на собрании 87 детей в Каргапольском детдоме постановили: «вести такой распорядок дня: вставать утром по звонку в 7 часов, кто встанет раньше утром, то можно выходить во двор. Спать ложиться вечером в 9 часов и когда ляжешь, то не разговаривать. Дать мыло взрослым, а маленьким общий кусок мыла. За умывальником следить, за тазами – дежурный по столовой и по кухне. 27 человек школьного возраста дежурят по столовой и по кухне»². На том же собрании дети провели выборы в исполком (3 человека) в хозяйственную, художественную, театральную комиссии, комиссии по чистоте и по белью – все совершенно повзрослому со стремлением копировать политические органы государства. Дети также «постановили назвать Каргапольский детский дом детдомом имени товарища Ленина» и закончили собрание пением «Интернационала».

¹ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 24. Л. 37.

² ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 354. Л. 53.

Такая активность и жизнь, пародировавшая взрослых, сама по себе была привлекательна для детей. Пионеры в ней играли ведущую роль, так что носить красный галстук было престижно. Однако и в бытовом смысле пионерам часто везло больше, чем не членам организации. Стоит подчеркнуть, что помимо чувства вовлеченности в общее дело и перспектив, пионер организация и в настоящем дарит своим членам важные в то время радости: особо активные пионеры с безупречным социальным происхождением могли рассчитывать на отдых в Крыму, в центральном пионерском лагере «Артек», открытом в 1925 году: «считать необходимым послать товарищей Беляеву Марию – дочь рабочего-смазчика железной дороги, пионерка с 1924 года, и Кубашевского Иосифа – сын рабочего-кочегара железной дороги, пионер с 1927 года»¹. И если на Крым могли рассчитывать единицы, то на отдых в местном пионерлагере – уже сотни ребят.

Такая система отдыха в Курганском и Шадринском округах начала входить в жизнь в конце 1920-х – 1930-е годы. Детский лагерь представлял собой летнее поселение детей за городом в специально построенных или перевезенных для этого «дачах». С началом коллективизации для этого использовались дома сосланных кулаков, перевезенные в назначенное для отдыха детей место. Быт обустроивался по спартански: не всегда хватало кроватей и постельных принадлежностей – ситуация в этом отношении напоминала сложности с комплектованием вещами детских домов. Организаторы делали упор на проживание на природе, активность на свежем воздухе и достаточно хорошее питание по режиму. Вот, например, смета на питание в пионер лагерях на 1935 год: «Суточная норма ребенка: молоко – 500 гр, слив масло – 30, топленое масло – 10, растительное масло – 10, сметана или сливки – 25, творог – 100, пицца – 1 штука, рыба – 150 гр, мясо – 75, пшено – 50, манка и рис – 30, картофель – 200, огурцы – 50, селедка – 60, капуста – 100, морковь – 150, свекла – 50, лук репчатый – 20, клюква – 100,

¹ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 796. Л. 83.

картофельная мука – 25, макароны – 25, сухофрукты – 50, сахар – 25, чай – 1\2, кофе – 10, соль – 25, томат – 10, укроп – 5, салат – 5, пшеничный хлеб – 400, ржаной – 300. Всего 3706,65 калорий»¹. На фоне нищенского питания в детских домах, школах и большинстве семей, такое обилие и разнообразие продуктов кажется неслыханной роскошью. Однако таковы были нормы на бумаге. Летом 1934 года в пионер лагерях Курганского района «Питание в целом нужно признать недостаточным, так как средняя калорийность должна быть 3170 ккал, а вышло 2550... в составе питания значительную долю должно было составить молоко, которое совершенно отсутствовало», при этом отмечается, что «приходилось покупать на рынке молоко, мясо, овощи и т.д. в среднем на одного здорового ребенка: молока ½ литра, масла – 15 г, сахару – 14 г, конфет – 25 г, мяса – 29 г, картофель и овощи – 155, круп – 80, хлеба белого 700 г в день» – то есть, рацион все равно был достаточно обильным и разнообразным.

В лагере школьники не только отдыхали, но и продолжали «воспитываться» через правильные совместные игры, познание окружающего мира и труд. Об этом узнаем из отчетов лагерей в горбюро юных пионеров: «Трудовая работа заключалась в ...таскании чащи, полке и т.д. Проведено 18 бесед на различные темы... В поле было проведено 8 экскурсий с целью изучения почвы, сбора цветов и полки картофеля. Была дальняя экскурсия на Чернавский кардон с целью знакомства с санаторием и лесничеством². Продолжалось политехническое обучение, знакомство детей с производством и жизнью вообще, политическая пропаганда: «Проведено 16 обследований, как-то: с-совета, деревни, крестьянских хозяйств и т.д. Эта работа больше всего интересовала ребят. Проведено два спортивных соревнования с выдачей призов... две массовых игры с привлечением деревенских ребят и комсомольцев... Писали заявления крестьянам. Устроено 4 вечера для крестьян, где было много публики, так как их привлекала постановка...

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 148. Л. 47.

² ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 79б. Л. 83, об.

Выпущено 6 номеров стенгазеты.. Проводились вечера самодеятельности в самом лагере. Было организовано с помощью горна советское радио»¹, записано в отчете от 7 ноября 1928 года.

Отдых в пионерлагере организовывался не за счет государства, как принято считать, а за счет родителей. Местная газета «Красный Курган» полна заметок об отчислениях на организацию пионерских лагерей и проведение летней оздоровительной кампании, а также призывов принимать в них участие: «Родители пионеров пятого отряда при профтехшколе на общем собрании 11 февраля постановили внести по 5 рублей на лагерные сборы и добиться 100-процентного охвата юнотряда лагерями летом 1930 года. Собрание вызывает родителей пионеров всех отрядов города внести такую же сумму и принять все меры к 100-процентному охвату пионеров лагерями»². Партийные работники приглашались к внесению еще больших сумм: «Работники Курганских городских комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ собрали на проведение лагерной кампании юных пионеров 11 руб и вызывают на такое же отчисление работников окружкомов ВКПб и ВЛКСМ, Окрисполкома, Потребсоюза и др учр.»³. Чаще всего собрать достаточные средства не удавалось, и отдохнуть могла только часть детей. В среднем за летнюю смену в Кургане могли побывать в лагере порядка 500 детей от 7 до 15 лет. И несмотря на пропагандируемую газетой значимость детского отдыха, а также обсуждения предстоящей лагерной кампании и ее масштабов в горбюро пионеров, по факту занимались этим делом «спустя рукава», что давало не лучший результат вкупе со слабой финансовой поддержкой. Бывало и такое, что заниматься детским отдыхом просто никто не мог и не желал, как в 1930 году: «Окружное бюро юных пионеров не ведет никакой работы по лагерной кампании пионеров, да и не может вести, так как единственный работник бюро работает... по посевокпании, а в Окружкеме ВЛКСМ никому эта

¹ ГАОПДКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 796. Л. 84.

² Красный курган. 1930. №59.

³ Красный курган. 1930. №62.

работа не передана»¹. То есть на местах взрослые люди слабо осознавали политическую важность работы с детьми, в том числе стимулирующего характера.

Тем не менее, основываясь на данных о численном и социальном составе пионеров, а также на тех привилегиях, которые давало им членство в детской коммунистической организации, А.Ю. Рожков пишет: «принимая во внимание их относительную малочисленность и пестроту социального состава, можно усомниться в правомерности представлений о молодом поколении 1920-х в целом как идейной опоре советского режима»². Он считает, что прагматичная активная молодежь вступала в пионерские и комсомольские организации, а затем в партию только ради «личной выгоды и собственного благополучия, а не абстрактных лозунгов о коллективном счастье в коммуне», а пассивная – покоряясь воле режима. Такие примеры действительно встречаются, о чем мы говорили выше. Иногда, как правило, при слабом руководстве и отсутствии хорошего вожатого, такие явления приобретали массовый характер. Однако, на наш взгляд, это не совсем так. Основная часть детей, все-таки, искренне загоралась идеей общего дела так, что, даже сетуя на нерадивость вожатых, самоорганизовывалась и работала в силу своего возраста и умений. Напротив, в случае нежелания детей заниматься пионерскими делами и при слабом руководстве отряд просто распадался. Так, в одном из курганских детских домов «мировоззрение ребят очень разнообразное, часто явно антисоветское, явно кулацкое... Везде жалуются, что воспитатели обижают... Пионер отряд распался, так как дети не хотят совершенно быть в пионерорганизации»³.

Отметим, что если в 1920-е годы от пионера требовалась активность политическая и пропагандистская, и он в действительности был маленьким взрослым со взрослой ответственностью, усугублявшейся неустойчивостью

¹ Красный курган. 1930. №273.

² Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 534.

³ ГАКО Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 235.

школьной политики, то предоставлявшей ребенку свободу и иерархическое равенство с учителями, то диктовавшее способы организации собственной активности, то после школьных реформ середины 1930-е годы идеальный пионер почти сравнялся с идеальным школьником. По воспоминаниям одного из жителей Курганского округа, «пионер должен был хорошо учиться, хорошо выполнять все задания по подготовке к ГТО и все нормы: сколько раз подтянуться на турнике, сколько пробежать и так далее. Мы клялись беречь Родину, уважать родителей, уважать учительницу. Мы все выполняли. А кто не выполнял, того оставляли после уроков...»¹. В отчетах о работе отрядов в первую очередь учитывалась успеваемость и организационная работа: «Из числа 9 комсомольцев 8 имеют хорошую успеваемость и некоторые помогали отстающим товарищам. Пионерская организация (187 чел) работала хорошо... Большую работу пионеры проводили в подготовке к революционным праздникам и юбилейным дням.. .. В школе работали... кружки Литературного чтения в 6-7 классах, драматический, математический, хоровой, оборонный и другие»², отмечается в отчете об учебно-воспитательной работе по неполной средней школе № 10 в Кургане за 1939-1940 учебный год.

По сути, политика воспитания революционеров сменилась воспитанием послушных граждан, на революцию не способных. Как отмечает К.Келли, вместе с реформами образования «пропагандистский акцент с «ребенка-активиста»... был перенесен на образ ребенка, благодарно пользующегося благодеяниями государства»³. Она связывает это с общим состоянием государства, уже пережившего революционный взрыв и нуждавшегося в поступательном модернизационном развитии, принятии себя и власти. С одной стороны это было частью общей политики закручивания гаек,

¹ Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

² ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4. Л. 129, об.

³ Келли К. Маленькие граждане большой страны»: интернационализм дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. №60. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html> (дата обращения 27.02.18).

культурной революции, разочарования в активной силе народа. С другой стороны такой подход свидетельствовал о том, что власть сама повзрослела и признала за ребенком право на детство. На наш взгляд, несмотря на строгую дисциплину, иерархию, режим и школьную форму, дети 1930-х годов имели больше свободы, чем их сверстники предыдущего десятилетия – в первую очередь, свободу быть детьми, а не малорослыми революционерами. Однако пионерская организация перестала быть полем проявления детской субъективности, пространством столкновения воли и интересов, каким она являлась в 1920-е годы.

Таким образом, пионерское движение играло важную роль в повседневной жизни советского ребенка, занимая собой не менее, а то и более значимое пространство, чем семья и семейное воспитание. В 1920-е – начале 1930-х годов пионеры были активными участниками государственного культурного строительства, даже если сами не до конца осознавали политический аспект своих действий и воспринимали их как своего рода игру, позволявшую быть причастными к миру взрослых – причем успешных взрослых с передовыми взглядами и перспективами хорошей карьеры.

Пионерия влияла на все аспекты детской жизни, заставляя по-новому осмыслять отношения с родителями и сверстниками, свое поведение, бытовые условия, мечты о будущем. Она была полем пересечения ценностей и их борьбы: почти каждый ребенок ставился в условия выбора между «правдой» школы и отряда и «правдой» семьи. В конечном итоге от массового результата такого выбора зависело будущее страны и коммунистического режима: если бы большинство безоговорочно выбирало семью, вместо Павлика Морозова в России XX века были бы другие герои. С другой стороны, реальный выбор детей того времени свидетельствует об успехе воспитательной кампании партии, несмотря на все погрешности и недоработки, о кризисе традиционных ценностей, не способных предложить молодому поколению достойную альтернативу карьере в коммунистическом обществе, а также о силе давления власти: даже не соглашаясь внутренне, девочки и мальчики надевали красные галстуки, выражая свой протест не прямым отрицанием, а хулиганством и саботажем пионерской работы.

3. 2. Деятельное детство и советская идеология

Воздействие власти на советских детей заключалось не только в создании пионерской организации и участии через нее в социализации детей и формировании их мировоззрения. В силу своей специфики тоталитарное государство вмешивалось в детскую жизнь во всех ее проявлениях. В связи с этим, тяжело поддается вычленению непосредственно детский взгляд и система ценностей. Это, наряду с трудностями источниковедческого характера, осложняет реконструкцию детской повседневности в Советской России 1920-х годов.

Как отмечает С.В. Коган, «феномен советского детства связан с навязыванием идеологических установок «сверху»... с проблемой их несоответствия окружавшей детей советской действительности» - об этих несовпадениях мы говорили ранее. Она также пишет, что «дети не столько сопротивлялись, сколько воспринимали те нормы и ценности, которые им предлагала советская пропаганда, и, более того, участвовали в их конструировании под контролем пионерии и комсомола»¹. То есть дети, на ее взгляд, не могли занимать позицию сопротивлявшегося субъекта. Скорее они выступали в качестве субъекта подчинявшегося и действовавшего в заданных рамках, при этом способного влиять на тех, кто вне системы, конструируя и распространяя советские ценности. Однако противоречий между провозглашаемым и действительным они не могли не замечать. Причем не только в материально-бытовой сфере, но и в ценностном смысле. В параграфе, посвященном семье, мы показывали, какие типы семей можно выделить в первые советские десятилетия, и как воспитание в них могло сказываться на личности ребенка. Как отмечает В.К. Криворученко, реалии конца 1920 –1930-

¹ Коган С.В. Детство как этап формирования «нового человека» в довоенном советском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Социология. 2012. С. 166.

х годов приводили к тому, что «в действиях молодежи одновременно проявлялись мужество и страх, а то и подлость... Насильственное идейно-воспитательное воздействие не столько формировало воспитанность, сколько способствовало росту безнравственности, а то и прямой подлости»¹. На наш взгляд, основной причиной этого были противоречия требований, выдвигаемых взрослыми в семье и в школе, а также противоположные системы ценностей, к которым ребенок вынужден был приспосабливаться – то есть, почти неизбежно был обречен лгать. Однако, как показывают источники, в основном это воспринималось безболезненно, как должное: рядовые дети были слишком заняты своими делами, чтобы рефлексировать над ситуацией. Хотя, безусловно, встречались энтузиасты, старавшиеся «распропагандировать» родителей и бабушек, равно как и те, кто прямо или скрыто поддерживал свою семью в антисоветских устремлениях.

А.Ю. Рожков отмечает, что по переписи 1926 года и данным исследований, количество детей лишенцев в возрасте от 8 до 17 лет должно было составлять от 340 000 до 420 000 человек, «то есть 3–3,7 % всех детей и подростков, обучавшихся в школах различных ступеней»². Следовательно, основная часть школьников – более 95% - представляла собой в общем благоприятную среду для развития человека новых ценностей и взглядов. При таком подходе дети предстают как безвольный объект, постоянно подвергавшийся воздействию из вне и двигавшийся только по заданному направлению. Однако, субъектность не обязательно должна быть радикальной и ярко выраженной. В своей детской непосредственности и своеобразном восприятии мира взрослых дети как раз утверждали свой детский мир, пусть подвергавшийся влиянию, но и сам неизбежно влиявший на все, с чем соприкасался. Как пишет А.А. Сальникова, «детей следует рассматривать не

¹ Криворученко В.К. Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде: Научная монография. М.: Московский гуманитарный университет, 2011. С 143.

²Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 65.

только как «активных социальных конструкторов» их собственных жизней, но и жизней всех тех, кто их окружает, и кроме того, самих обществ, в которых они живут»¹, и далее: «взрослые пытались «вписать» ребенка в изменяющийся социально-пространственный контекст, а дети, приобщаясь к «новой» жизни, одновременно свято охраняли границы своего «детского мира»². По большей части реконструкция этого «детского мира» может идти только методом от обратного, так как относительному восстановлению поддаются в основном только моменты вписанности детства во взрослый мир.

Кроме создания детских общественно-политических организаций важным способом формирования детской личности был контроль над воспринимаемой детьми информацией. В первую очередь, это делалось путем цензурирования книг, изъятия из обращения и фонда библиотек идеологически невыдержанных произведений и создания новой детской литературы.

Рожков пишет, что советские дети искусственно отлучались от ранее популярной и интересной детской литературы. В марте 1923 года были запрещены 93 детских автора и произведения таких писателей-классиков, как Лесков, Немирович-Данченко, Фонвизин, Платон, Спенсер, Шопенгауэр, Ницше, Л. Толстой, Тургенев, Достоевский, Гончаров, «все русские сказки, содержавшие такие выражения, как «Господь Бог», «царь», «царевич», «черт», «райские» и т.д., были признаны идейно чуждыми для советских детей»³. Вместе с тем, согласно данным опросов 1925–1927 годов, приводимым Е.М. Балашовым, дети не только не подчинялись в этом вопросе власти, но сами создавали запрос на определенные жанры литературы. У мальчиков на первом месте среди читаемых книг были «приключения», на втором «сказка», на третьем «быт», на четвертом – «революционная литература». У девочек порядок был немного другим: «быт», «сказка», «революционная литература»,

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 15.

² Там же. С. 27.

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 125.

«приключения». Балашов также отмечает, что «в наибольшей степени «революционная» тема привлекала детей рабочих, средних служащих, крестьян и беспризорных»¹.

В силу большей искренности и открытости детей заставить их солгать о своих вкусах или грубо изменить их было достаточно сложно. Стояла задача, учитывая пожелания детей, создать удовлетворявший их контент идеологически верного характера. Как пишет А.Ю. Рожков, «ученики отмечали скучный характер литературы о жизни рабочих и крестьян»², а значит удовлетворяли свои читательские интересы другими жанрами.

По данным, приводимым А.А. Сальниковой, 60–70% читаемой школьниками литературы было издано до революции³. Однако особое место в читательском меню занимала «пионерская беллетристика», о чем пишет С.Г. Маслинская. В новых популярных книжках юные коммунисты борются с контрреволюционерами и шпионами, мечтают стать большевиками, усваивают новую форму семейных отношений, перевоспитывают беспризорников, спорят с родителями – «новые герои – дети-пионеры – совершали «необычайные поступки», далеко выходящие за границы возможного»⁴. Издавалась также пионерская литература о путешествиях, в том числе о скитаниях беспризорных, и книги о девочках. «При всем том, что героини представляют собой тип новой девочки-пионерки, было бы натяжкой видеть в этих произведениях гендерную проблематику. Дети в пионерской литературе активны и предприимчивы — принимают самостоятельные, независимые решения и даже напутствуют взрослых — независимо от пола»⁵.

В целом же школьники, за редким исключением читали не много. Как отмечает А.Ю. Рожков, «свободное чтение занимало только 18,5% городских

¹Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб, 2003. С. 40.

² Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С.179.

³ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 38.

⁴ Маслинская С.Г. «Пионерская» беллетристика vs «большая» детская литература // Детские чтения. 2012. №1. С.104.

⁵ Там же. С. 107.

(в основном детей из интеллигентских семей) и 11% сельских ребят»¹. Однако материалы по Курганскому и Шадринскому округам показывают большую любовь, даже страсть сельских и городских школьников к чтению. Одна из причин, на наш взгляд – недостаток других развлечений.

Как вспоминает уроженец Половинского района И.А. Комарский, «книжками зачитывались, очень любили: все читали подряд. У меня сестра впоследствии стала учительницей. Готовилась — все время мне экзамены устраивала, книжки давала, говорила «читай, читай». Много я книг прочитал — и детских, и более или менее взрослых. Даже когда служил в армии и был в отпуске, хотел сестре экзамен устроить — столько всего перечитал, не меньше ее»².

В воспоминаниях курганца В.Е. Кунгурова, приводимых К.Ю. Кладовой, чтение выступает своего рода протестом против родителей: «Ну мы, обычно, увлекались этими самыми книгами, очень много читали книг. Допустим, Майн Рида ну и другие книги. Значит, ночью ...делали абажур на банку, чтобы не видно было. Родители ругались, что много читаем. Вот и читали тут книги вечером, ночью. И уроки здесь же готовили»³. Видим, во-первых, что старшее поколение считало чтение пустым занятием. Впрочем, во-вторых, дети действительно читали развлекательную приключенческую литературу, а не что-то серьезное. В-третьих, как бы там ни было, взрослые ставили чтение в один ряд с учебой, независимо от того, что читалось: детям приходилось и домашние задания выполнять ночью под абажуром.

П.Г. Дурманова из Альменевского района вспоминает: «Научилась читать с шести лет в школе. Читала много, книги брала у учительницы»⁴ – то есть, тут, вероятно, репертуар чтения был организован. К слову, П.Г. Дурманова пошла учиться с шести лет, хотя принимали с восьми – очень хотелось в школу, и родителям удалось договориться с учительницей. На

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 178.

² Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

³ Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 187.

⁴ Воспоминания Дурмановой П.Г. 1924 г.р. Записано в с. Парамонове Альменевского района Курганской области в ноябре 2014 г.

вопрос о развлечениях и досуге В.А. Филимонов из Куртамышского района отвечает: «читали в основном...», и поясняет: «стала появляться литература детская, мы читали, любили читать. Помню, учительница заставит стихотворение выучить – мы учили, на уроках рассказывали, а иной раз и еще где-то»¹. С другой стороны, оценка «много» в принципе относительна, тем более от взрослого человека о детстве. Как отмечает А.А. Сальникова, «воспоминания взрослых о детстве становятся оценочно и содержательно недостоверными, поскольку восприятие взрослыми своего детского опыта... и восприятие его же детьми есть совершенно противоположные, подчас различные вещи»². Однако сам факт чтения или его отсутствия, на наш взгляд, может вполне достоверно фиксироваться в воспоминаниях.

Так или иначе, развлечений было мало, особенно в деревне, где и в кино можно было выбраться редко, поэтому чтение скрашивало досуг. Причем именно беллетристики, так как задача ставилась развлечься, а не обрести новые знания. Вместе с тем, уделялось внимание и школьной программе, а знать стихи наизусть считалось почетным.

Интересно, что чтение в исследуемых округах было настолько популярным, что за него исключали из школы или, как минимум, делали выговор. Так Юрий Юшков, исключенный ученик 6 «Г» класса школы №12 писал в октябре 1939 года в отдел народного образования с просьбой принять условно в школу №15 объяснение, где кроме прочего значилось: «Меня исключили из школы по следующим причинам. 1) Плохая дисциплина. Я признаюсь, что читал на уроке книги. Я это делать больше не буду»³. В докладной записке директору курганской школы №13 в отрицательном ключе также упоминается излишняя любовь к книгам: «На педсовете школы 27 октября решено учеников 6 «Г» класса Семенова Виктора отчислить из школы, Савалей Павла и Юшкова Юрия исключить... Савалей поступил в 5

¹ Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

² Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 70.

³ ГАКО. Ф. Р-800. Оп.1. Д. 10. Л. 12.

класс в 1937 году ... В прошлом году учился неплохо, но поведение было плохое... Указывали на него, что он брал книги из библиотеки школы, но он в этом не сознался и книг в библиотеку не отдал... Юшков оставлен в 6 классе на второй год. Учится плохо...с преподавателями груб. На уроках читает художественную литературу»¹. То есть дети настолько погрузились в книжный мир, что отвлекались от урока, и книга в школе была нарушением дисциплины. Другой вывод – читать было принято не только у примерных пионеров-отличников, но и у второгодников с хулиганским поведением. Разве что репертуар мог различаться. Также о стремлении к чтению и разборчивости детей говорит тот факт, что в отчетах школ часто встречается формулировка «школьная библиотека не удовлетворяет запросов учащихся»². Детям хотелось больше книг, чем им могли предложить взрослые, и государство было заинтересовано в реакции на спрос.

Помимо книг у детей был и другой интерес, который можно было использовать в идеологических целях. Это, конечно, кино, сила воздействия которого на эмоциональное состояние была гораздо сильнее – отсюда и детская любовь к этому виду искусства. Как отмечает А.Ю. Рожков, «из развлечений на первом месте находилось посещение кино (40% всех развлечений), особенно у пионеров и детей рабочих»³. Он же пишет, какой сильный эффект имели сеансы – не всегда положительный: «Понедельники в школе были самыми тяжелыми днями для учителей. Насмотревшись в воскресенье трюковых кинолент, учащиеся в черных масках прыгали по партам с игрушечными револьверами в руках»⁴. При этом отмечает, что «около половины опрошенных школьников не любили фильмы о трудящихся. Дети рабочих... обожали картины про богатых. Очевидно, им хотелось хотя бы на миг представить себя в нормальных бытовых условиях, уйти от суровой

¹ГАКО. Ф. Р-800. Оп.1. Д. 10. Л. 16.

² Там же. Д. 4. Л. 30.

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 179.

⁴Там же. С. 180.

и грязной действительности»¹. Прошло несколько десятилетий, прежде чем удалось сломить тенденцию и сформировать определенные вкусы, главным образом благодаря исключению всех неподходящих кинолент и созданию своих с учетом детских потребностей.

«Повышенное внимание партии и государства к работе с детьми выразилось в организации специальных детских киносеансов. Демонстрировались фильмы советского производства: «Водоворот», «Свежий ветер», «Не все коту масленица», «Шакалы Равата», «Заря», «Зеленый шум», «Счастливые черепки»... Все они не являлись специальными детскими фильмами, но в детской аудитории воспринимались позитивно, без критического «отторжения»² – это еще раз подчеркивает сложность влияния на детский выбор, обуславливаемый чистой эмоцией, а не расчетом.

Конечно, выбирать могли только городские дети, и то не всегда. Часто приходилось довольствоваться тем, что показывают. Тем более, что денег на билет достать могли не все, не на все сеансы можно было попасть несовершеннолетним. Из положения выходили в силу своей находчивости. Так, К.Ю. Кладова приводит воспоминания курганки Кряжевской об этом виде развлечения: «Ребятам из бедной семьи, как и всем, хотелось смотреть кино, тем более, что кинотеатр был рядом с домом: «а у нас только пройти дворами, и там кино «Прогресс»...так он [Виктор] там лазейку знал, дак мы, значит, билеты не покупали, через эту лазейку лазили и смотрели там, значит, кино»³. А сельские ребяташки не только карманными деньгами не располагали, но и до кинотеатра так просто им было не добраться. По воспоминаниям В.А. Филимонова, кино привозили в клуб, но чтобы его посмотреть, надо было поработать: «В кино ходили, когда появлялось, но оно было немое. Чтобы кино шло, надо было крутить. Мы когда подросли – было

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С.180

² Сомов В.А., Сомова Д.В. Детство 1930-х: советская политика в области воспитания подрастающего поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. История. Исторические науки. 2013. С.124.

³ Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 176.

лет по 12-13 – в клуб кино привезут, а у них был моторчик с ручкой и двумя шестернями – и мы крутили. Шапки с нас соберут, чтоб мы не убежали, и каждый крутит свою часть, а потом шапку получает, садится на место и смотрит, а другой крутит, получает электричество. Много раз «Чапая» смотрели – это был очень интересный, поучительный и забавный, затяжной такой фильм. Много хороших фильмов! Я теперь не упомяну. Кино смотрели все, и очень радостно. В деревнях оно было редко. Потом уж, когда появилось электричество, стали появляться стационары. А так аппаратист стоит на парате, регулирует и показывает»¹.

Городские школьники не только обманывали взрослых, пробираясь в кинотеатр без билета, но и прогуливали уроки, сбегая в кино. В шадринском архиве сохранилось предупреждение, вынесенное в одной из школ ученикам 6 и 7 классов: «за самовольное сбегание в кинотеатр даю предупреждение... В случае повторения этих поступков будут приняты более конкретные меры»².

Если кино, при своем мощном воздействии на психику, касалось не всех детей – в силу невозможности посещать кинотеатр по объективным причинам, то такой вид деятельности, как игра, был общедоступным и самым естественным способом организации детского досуга. В то же время он был и самым неконтролируемым, так как реализовывался непосредственно детьми. Однако, как отмечают исследователи В.А. и Д.В. Сомовы, «Уже в 1931 году власть и педагогическое сообщество обращают серьезное внимание на игры как на воспитательное средство. На страницах печати педагоги делятся опытом проведения игровых кампаний в летних лагерях в 1931 г... Среди игр преобладают военные – «Взятие крепости», «Взорвать отряд белых», «Маневры красных партизан» и т.п.»³.

Повлиять на то, как дети играют вне учебного учреждения, было сложно, но летние лагеря и детские площадки были прекрасной базой

¹ Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

² ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 45. Л. 45.

³Сомов В.А., Сомова Д.В. Детство 1930-х: советская политика в области воспитания подрастающего поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История. Исторические науки. 2013. С. 122.

воспитания через досуг. К тому же, существовал высокий процент того, что вернувшись из лагеря, дети предложат новые игры товарищам во дворе.

Еще одним способом влиять на игру было создание игрушек, контроль над производством которых находился в руках государства. «В мае 1932 года состоялась первая сессия всесоюзного Научно-экспериментального института игрушки, которая выработала «Требования к советской игрушке в свете коммунистического воспитания»¹, 21 января 1934 года было принято Постановление СНК РСФСР «Об утверждении Положения о Комитете по игрушке при Наркомпросе РСФСР», а в марте того же года утверждены списки разрешенных и запрещенных игрушек, отступление от которого каралось уголовной ответственностью. Особо ценными считались механические игрушки, предметы быта, животные – вероятно, как способствующие формированию материалистического мировоззрения, прогрессивно ориентированного в рамках коммунизма. Всего было допущено 906 наименований игрушек и игры, такие как: «Как ходить по улице», «Борись с вредителями», «Красная атака», «Крепи оборону СССР», «Юный фотограф»².

Запрещались гендерно-ориентированные игрушки: «Девочка с ребенком – не игрушка... Люльки – антипедагогическая и ненужная игрушка»³. Как пишет А.А. Сальникова, «поощрялось стремление девочек встать вровень с мальчишками, не уступать им в распределении престижных социальных ролей»⁴. Она же цитирует советских идеологов, выступавших за новые формы игр: «Довольно культивировать куклу! К чему искусственным образом культивировать у девочек ненужные коммунистическому строю способности домашних хозяек, суживающие их горизонты?»⁵.

¹Сомов В.А., Сомова Д.В. Детство 1930-х: советская политика в области воспитания подрастающего поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История. Исторические науки. 2013. С. 122.

² Там же.

³ Там же. С.123.

⁴ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 190.

⁵ Там же. С. 191.

Также по идеологическим причинам запрещались игрушки-копилки, способствовавшие развитию у ребенка собственных интересов. В 1936 году Наркомпрос запретил проводить с детьми «вредные» игры, ведущие к политической дезориентации школьников, такие, как «политбой», «полит-викторина», «полит-удочка», «друзья и враги народа», «политкегли»¹, а также игры, ставящие одну из команд в положение врага: «Красные и белые», «Белый, где ты?», «Под обманом соглашателей», «Бойтесь ли фашиста?», и игры, оскорблявшие достоинство ребенка.

Однако в повседневной реальности детский досуг отличался от планируемого. Во-первых, у детей было не так много свободного времени. Во-вторых, распоряжались им, как пишет А.Ю. Рожков, «нерационально, особенно в будни, когда время на «досуг» было прерывистым и возникало неожиданно. Преобладало как в городе, так и в деревне «гулянье» — бесцельное скитание по улицам, разглядывание витрин, шелканье семечек, пение любимых песен»². Он же добавляет, что дети любили играть в лапту, «орлянку», «перышки», «стенку», а также в новые игры, правда, взятые не из репертуара вожатых, а из окружающей жизни: «городские школьники 1920-х годов играли в слепого нищего, торговцев, жуликов-«попрыгунчиков», пьяных, марширующих красноармейцев и даже в изъятие церковных ценностей... Следующими по популярности после игр и уличного гуляния были спортивные и физкультурные занятия, особенно футбол»³.

Интересно, как описывают детские игры жители Курганского и Шадринского округов. О специфических для конкретного времени играх, политического или, наоборот, асоциального характера, которые приводил А.Ю. Рожков, никто не вспоминал. Зато говорили об отсутствии игрушек – не только в семьях, но и в продаже. Дети сами мастерили для себя досуговые средства и в играх почти не пользовались вспомогательным инвентарем, либо

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 191.

² Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 176.

³ Там же. С. 178.

использовали максимально простые вещи. Хотя в число созданных детьми средств развлечения входили даже коньки: «В магазинах ничего не было тогда. Игрушки мы делали сами. Например, коньки деревянные из полена выпиливали — они у всех были. Делали дырочки, гвоздики, обивали проволокой, чтобы лучше катился по льду или по дороге»¹. К.Ю. Кладова, исследовавшая повседневность города Кургана, также пишет, что «одним из детских развлечений начала 1930-х годов было катание на коньках: на простом уличном льду и самодельных коньках»².

Лыжи и другие средства передвижения или перевозки также делали сами: «в горячую воду опускали доску, загибали, держали там, привязывали что-нибудь — и так недельку, чтобы носок загнулся, а палки — само собой, просто палки. Летом самокаты делали. Тоже гнули из толстой проволоки педали, колеса, ногами крутили»³, «мастерили самоходные тележки... Колеса делали из этого большого кругляка, когда привозили из леса на дрова»⁴. Зимой дети заливали горки и катались на санках.

В основном игры были подвижные, требовавшие скорости, силы, ловкости и развивавшие меткость. «Играли шариком. В воздух кинут его, а ты шаровкой должен попасть. Если попал, значит, шарик летит. Он летит бог знает куда, а шаровка здесь где-то недалеко. И я должен сбегать за шаровкой, а там лунка. Тот, кто солит, должен шарик поймать и шариком закрыть эту лунку. А если я шаровку вперед поймал, то должен ткнуть ей в лунку. Кто первый — тот и выиграл. Потом играли — колышек вбивается в землю, на него ставится шарик и опять шаровкой определенное расстояние метров шесть должен попасть в этот шарик, он должен лететь. Точно также шаровку должен схватить ты первый, а если шарик недалеко, то его схватить. Эти две игры

¹ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

² Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 178.

³ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

⁴ Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 188.

помню. Потом в волейбол играли через сетку»¹. К.Ю. Кладова приводит воспоминания В.Е. Кунгурова, где тот описывает игру в крокет².

В 1930-е годы в детском досуге часто присутствовали милитаризационные аспекты. В некоторых детских компаниях к ним добавлялось гендерное разделение. Как рассказал И.А. Комарский: «Играли, понятно, в войну. Делали небольшие деревянные пистолеты, бегали, стреляли, прятались в репейнике... Девочки от мальчиков, конечно, отдельно играли. Мы их не принимали — они все ябедничали ходили, говорили, что мы плохо ведем себя»³.

Другие, напротив, отмечали отсутствие межполовой вражды: «Играли тоже вместе. Иной раз только девочки своим кругом в избе играли, а мальчишки больше на улице. Только в деревне немножко прогалины появятся, мы идем играть. В кости играли – тогда они назывались бабки. Бегали – допустим, девчонки бегут, а мальчишки в них бросают»⁴. Поскольку респонденты слабо ассоциируют с такими несобытийными воспоминаниями свой возраст, сложно установить причину различия гендерных отношений среди разных групп детей. Возможно, основной причиной была разница в периодах взросления.

Так или иначе, в исследуемых округах игры были скорее традиционными, чем революционно-коммунистическими, и мало отличались от тех способов проведения досуга, к которому привыкли родители, бабушки и дедушки этих детей.

Время игр ограничивала учеба, общественные дела и домашние обязанности. Как отмечает Е.М. Балашов, «в домашнем труде участвовали все без исключения крестьянские дети.. время на домашние работы в 1926 году в два раза превышало время на учебные занятия. Городские дети были

¹ Воспоминания Корюкина А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в августе 2016 г.

² Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 188.

³ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

⁴ Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

значительно меньше загружены работой... в Москве дети работали по дому около двух часов в день»¹. Он также пишет, что занятость и разнообразие видов хозяйственных работ зависели от принадлежности к социальной группе: «более всего трудились дома дети торговцев, рабочих, ремесленников, меньше – дети служащих и совсем мало – дети лиц свободных профессий»².

Труду в советской воспитательной концепции уделялось значительное место. Он был обязательным атрибутом жизни в детском доме и школьной повседневности – не случайно в 1920-е годы школу называли Единой трудовой. Правда, А.М. Колонтай писала, что многие учителя толковали название и цели новой школы слишком прямо и потому превратно: вместо новаторства в обучении и подготовки трудовых людей, они делали все по-старому, только заставляли детей убирать классы и пропалывать огород. Однако, мощное воспитательное воздействие трудовой дисциплины признавалось повсеместно, а А.С. Макаренко было положено в основу перевоспитания трудных подростков. Но был еще другой труд – не воспитательный, а обязательный, связанный с домашним хозяйством и домашней экономикой. Он носил не советский привнесенный характер, а был органической частью жизни семьи со старого времени. Против этого труда власть была категорически против. От него хотели освободить женщину, но помимо нее в таком труде участвовали и дети. Загруженность мешала им учиться, отнимала время, положенное на выполнение домашних заданий, не позволяла отдохнуть, заняться саморазвитием. Однако на деле такой труд сливался с воспитательным, школьным и производственным и в целом был распространен повсеместно и принимался советскими людьми как должное.

А.Ю. Рожков отмечает влияние территориального расположения жилища на детскую занятость: по его наблюдениям, школьники городских окраин были загружены больше, чем дети, проживавшие в центральной части города. При этом в городе «основными видами работ были хождение в лавку

¹ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека». СПб, 2003. С. 79.

² Там же. С. 80.

или на базар за продуктами, уборка жилища, мытье посуды, уход за младшими детьми, приготовление пищи, стирка и глажение белья... В деревне 40% трудового времени учащихся затрачивалось на тяжелые работы по крестьянскому хозяйству»¹. Он делает вывод, что, судя по перечню домашних занятий городских детей, основная нагрузка ложилась на девочек: «в среднем из 100 дней в году мальчики имели 230 часов досуга, а девочки только 169 часов. Практически не было выходного дня у обследованных деревенских детей, занятых крестьянскими заботами. Единственной возможностью досуга для них был час клубной работы, когда они могли заняться чтением или другими познавательными занятиями»². Следовательно, мальчики в сравнении с девочками и городские дети в сравнении с деревенскими имели гораздо больше времени и сил на учебу, игры, кино, чтение, могли позволить себе заниматься саморазвитием или хулиганством.

Однако была и другая форма труда – производительная. В 14 лет подростки уже могли быть членами колхоза и работали почти на равнее со взрослыми. Это, безусловно, еще больше мешало учебе, а нередко заставляло вообще бросить школу, но при этом редко порицалось, скорее наоборот, поощрялось. Ведь именно трудящийся человек был положительным персонажем советского социума, а его антиподом – тунеядец. Например, житель Курганского округа А.С. Сахаров 1927 года рождения с малых лет осваивал ремесло отца: «Раз отец был мельником, его дело досталось мне — я мальцом еще наблюдал за ним, многому научился. Как немного подрос, пришлось становиться и кочегаром, и машинистом. На лесозаготовках трудили спины: сплавливали бревна, пилили дрова для масло- и стекольных заводов. За работу получали кусочек хлеба без соли»³.

А.Н. Корюкин вспоминает, что труду обучали с малого возраста. В отличие от большинства респондентов он четко отделяет жизненные этапы,

¹Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 173.

² Там же. С. 176.

³ Воспоминания Сахарова А.С. 1927 г.р. Записано в с. Белозерское Курганской области в феврале 2015 г.

связывает события и возраст, опираясь, в том числе, на факты из биографии других членов семьи и исторические события, что позволяет отнести к его датировке с доверием: «Мне уже было 7 лет. Отец косит пшеницу литовкой, мать в горсти собирает, снопы вяжет. А я грабли таскаю, чтобы колосочки все заскрести и потерь не было никаких. А на сучке на старой березе вешали люльку, а в ней братишка 24 года рождения. Как начинает он шевелиться, кричать, так я его бегаю качаю, проверяю, сухой он или мокрый. Весь день только и делаю, что грабли таскаю и люльку качаю...»¹.

Когда дети становились старше, им поручали тяжелые физические работы: «Были молотилки. Восемь лошадей запрягли и целый день гоняли по кругу. А там канат был натянут и колесо двухметровое. Это колесо приводилось в движение, колесо крутило маленький блок и он был так, что его было слышно за 12 – 15 километров. И мы, такие вот пацаны десятилетние, гоняли целый день лошадей и молотили с потемок и до потемок. Целый день. На обед остановились на несколько минут, пообедали, и снова пошли на работу»². Конечно, жатва или обмолот носили сезонный характер, и требовали мобилизации сил в определенное время. Тем не менее, мы видим по данным примерам, что деревенские мальчишки работали совсем не по-детски. Разве что занятия им все-таки давали по силам. Работать в колхоз А.Н. Корюкин пошел в 14 лет.

И.А. Комарский прямо сказал: «Как родился — так уже и работаешь. Пока маленький — на своем хозяйстве, а подрос, в школу пошел, стали привлекать на колхозные работы». У него были типичные для сельского ребенка обязанности: «Я гусей пас, уток, присматривал за огородом — поливал, пропалывал, бабушке помогал. А от школы нас посылали на колхозные поля убирать и полоть. Когда сенокос начинался, нас на покос отправляли — мы там жили безвыездно, там были избушки... Мы возили снопы, возилки. Когда урожай поспевал, я, хотя пацан был — мне 10 лет было

¹ Воспоминания Сахарова А.С. 1927 г.р. Записано в с. Белозерское Курганской области в феврале 2015 г.

² Там же.

— уже на обогрейке работал: на платформу пшеница падает, ее собираешь немножко и сбрасываешь. А сзади женщины снопы эти завязывали и свозили на ток. Так все дети работали»¹. В отличие от А.Н. Корюкина, он вспоминает свою работу без обиды. Напротив, с гордостью: «В школу пошел — все уже, я государственный человек»². Ему нравилось ощущения важности во взрослом мире, причем важности именно для страны, советского государства.

Опять же необходимо отметить, что такая работа с детства была не обязательным правилом для всех детей. Многое зависело от места жительства, традиций воспитания, работы педагогов и колхоза, от уровня достатка в семье. Так, А.Н. Корюкин, например, жил впроголодь, и прогуливал школу, чтобы в колхозе получить на обед кашу и хлеб, часть из которых он приносил домой матери. Для И.А. Комарского труд был частью социализации, а не вынужденной необходимостью, потому и воспоминания о нем светлые. Многие дети ограничивались несложной помощью по хозяйству: «Проводить и встретить свою корову было занятием несложным для подростков, поэтому Вениамин и Григорий Кунгуровы часто помогали в этом деле родителям»³ — пишет К.Ю. Кладова. Она также отмечает, что дети часто делили с родителями и досуговые формы пополнения запасов пищи: «В семье Кунгуровых отец занимался рыбалкой и брал с собой ловить рыбу сыновей. Вениамин Евграфович вспоминает, что они с отцом часто рыбачили на увальском озере у старого поста ГАИ: ставили сети, морды, пугали рыбу боталом. Сети и морды вязали сами зимой»⁴.

В больших семьях, где детей было много, обязанности делились на всех, и почти не ощущались: «Детство было что — только пойдут грибочки, мы идем все в лес — мальчишки и девчонки — собираем грибы. Ягоды пошли — ягоды собираем. Несем домой, матери готовят, а мы кушаем в это время. Нас было 2 дочери и 4 сына. Обязанности по дому разделялись как — кто постарше, тот

¹ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

² Там же.

³ Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 183.

⁴ Там же.

потяжелее работу выполняет»¹. В таких семьях и на досуг времени хватало, особенно зимой, когда работы меньше: «Зимой – в 5 в 6 начинает темнеть у нас, и мать скажет: к 6 чтоб все были дома. А мы ведь иной раз один туда убежит, другой туда, но к 6 всегда приходили, в этом были дисциплинированы»².

В приведенной цитате также видим отношение детей к взрослым, в частности, к родителям. Традиционно оно предполагало уважение и почтительность в сочетании с естественным желанием детей вырасти и обрести самостоятельность. Советская школа и пионерская организация давали такую возможность, поэтому занимали значимое место в детской жизни. К тому же нередко, как уже говорилось выше, в семье могли возникать конфликты на почве столкновения мировоззренческих систем, и раз уж власть была новой, и молодежь хотела нового, то они в большинстве случаев поддерживали друг друга. А.Ю. Рожков, отмечает, что «по опросу 1926 года более 43% респондентов отказались говорить о семье, многие недружелюбно высказывались о родителях... Дети писали, что они нигде и никогда не видели хороших отношений между «отцами и детьми», что «это два враждебные, постоянно враждующие лагеря» и что «сила теперь не на стороне отцов»³, при этом к школе отношение было противоположным – как ко второму дому. Объединенные на его основе дети собирали утильсырье, занимались с отстающими и неграмотными, шефствовали над малышами, занимались «культурной работой», распространяли книжки, участвовали в соцсоревнованиях. То есть, имели постоянную возможность чувствовать свою значимость и нужность, получать отклик на свою деятельность, тогда как домашние обязанности представляли собой бесконечную рутину.

Конечно, школа тоже не всегда могла обеспечить подходящие условия для деятельности и развития, но дома их, как правило, было еще меньше. Для

¹ Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

² Там же.

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: НЛЮ, 2014. С. 45.

многих учеба была возможностью вырваться из той рутины, в которой живут родители, и перейти в слой общества, к которому принадлежат учителя, врачи и важные партийцы как в настоящий момент, так и в будущем.

Педагоги привлекали детей неординарностью, необыденностью. По воспоминаниям уроженца Половинского района И.А. Комарского, учителям даже приписывалась иная повседневность, точнее, ее отсутствие – противопоставляясь рутине их собственных будней, она представлялась вечным праздником: «Учителя были все, конечно, из города — молодые, красивые. Все обходились с нами очень аккуратно. Мы даже считали, что это какой-то особый класс людей. Иногда мы подсматривали в окна, как они жили. Как они едят, как проверяют тетради. Это было очень интересно. Если идет учитель из школы — был у нас такой — у него красный портфель, сам элегантно так одет. Все выходили — и мы, и старики — смотреть, как он идет, он на частной квартире жил неподалеку от нас. Мы с таким уважением всегда кланялись ему — и старые и мы. Мы думали, как он ест: как руку держит, как в рот все закладывает? Как из другого мира люди. Они действительно были не похожи на наших деревенских взрослых. Хотелось ли в школу? Конечно! Мы тогда за знаниями гнались! Если мне поставят тройку я плачу, а когда все разойдутся, учительницу прошу, чтоб она приняла меня снова, что я на четверку знаю, а за тройку меня родители будут ругать. Она немножко позанимается со мной, я пересдам на четыре и иду домой довольный»¹.

Практически все респонденты обоих полов мечтали в детстве быть учителями. Некоторые, как П.Г. Дурманова, свою мечту воплотили в жизнь. Для других она была просто стимулом к учебе. Даже те, кто преподавать не собирался, понимали, что знания очень важны. К.Ю. Кладова приводит в воспоминаниях В.Е. Кунгурова следующий момент: «оценки были неплохие. Но старание было, конечно, большое, потому что знали, что нужно получить

¹ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

образование, о дальнейшей жизни немножко задумывались»¹. Считалось, что Советский Союз становится страной грамотных новых людей, поэтому образование воспринималось и детьми и взрослыми как путевка в жизнь.

Хотя были и исключения, причем в немалых количествах. Проблемой советской школы было второгодничество, прогулы, невыполнение домашних заданий, хулиганство, саботаж на уроках. В архивах сохранились дела школ, в которых содержатся характеристики на учащихся, в основном отрицательные – они составлялись при отчислении или неперевде в следующий класс: «Авлинов Николай, учащийся 13 семестра ФЗС, оставлен на повторительный 13 семестр. Способности средние, развитие ниже среднего. Отношение к делу крайне недобросовестное – систематическая неявка на уроки, нежелание работать, как в классе, так и на практике и общественной работе. Несколько раз был замечен в воровстве»². Часто такими недобросовестными учениками оказывались воспитанники детских домов, на которых повлияла улица. А также обычные школьники, предоставленные самим себе и много времени проводившие в уличных компаниях, занятые «бесцельным шатанием», которым никто не объяснил важность образования. На прогулы влияло также семейное положение и достаток. Многие ребята не посещали школу из-за отсутствия одежды или из-за занятости на работе. Большую роль играл личностный фактор. Например, А.Н. Корюкин вспоминает, что чтению, письму и рисованию он научился до школы: «куда с добром мог. Научился лет где-то к 10. Учила учительница из Москвы. Девушка молоденькая, евреечка по национальности, красивая-красивая. Звали ее Любовь Азарьевна. Я нет-нет, а в школу-то забегал. Потому что я в нее втрескался, в эту учительницу-то»³.

Так или иначе, независимо от того, позитивным или негативным было отношение школьников к учебе и труду, оно в основном не соответствовало

¹Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2014. Ч. 9. С. 182.

² ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

³ Воспоминания Корюкина А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в августе 2016 г.

идеальной программной установке партии, поскольку направлено было на удовлетворение личного интереса, а не общественного. Ребята работали, чтобы получить еду или не схлопотать наказание от родителей, не задумываясь, что таким образом способствуют развитию страны. Также и учились для того, чтобы занять желаемое место в социуме и удовлетворить личные амбиции, воплотить мечты. Если что и делалось ради общественной пользы, то тоже через личный интерес – ведь это сулило поощрение и статус. Ровно по той же причине дети прогуливали школу или хулиганили на уроках – у них мысль о поощрении проецировалась на другие источники. По сути, наиболее остро свою советскость и именно государственно-политическую значимость дети ощущали, когда занимались общественной работой: постановкой спектаклей, ликбезом и другими заданиями пионервожатых. Но и об этом можно говорить с натяжкой. Как правило, им просто было интересно, а через активную деятельность можно было привлечь внимание к своей личности.

Тем не менее, школа, представлявшая собой общество в миниатюре со своим самоуправлением, прессой, судом, активно выявляла нарушителей в своей среде и подвергала их публичному осуждению. Это было, на наш взгляд, очень мощным способом воздействия на детскую психику, так как ребенок с его еще не устоявшейся системой ценностей воспринимал неодобрение сверстников и исключение из их компании значительно острее, чем взрослый, и в отсутствии альтернативной группы, более сильной и при этом поддерживавшей его поведение, логично должно было вести к раскаянию и исправлению. Сама же возможность товарищеского суда служила своего рода «предварительной цензурой».

Один из ярких примеров такого суда, в то же время вскрывающий ряд других проблем, отражен в копии протокола №8 детского собрания Катайского детдома от 18 февраля 1924 года, обнаруженной в архиве города Шадринска. Повестка дня – обсуждение поступка воспитанницы Бабиной, которая присвоила выданную ей в приюте суконную жакетку и, «основываясь на том, что она ей стала в последнее время мала, решила ее самовольно

распороть и попросила девочку старшего возраста Куликову, к тому же состоявшую членом бельевой комиссии, скроить башмаки... Вещь была изрезана и приведена в полную негодность...»¹. Девочку судили за присвоение коллективной собственности, находившейся в ее личном пользовании, и распоряжение с ней по своему усмотрению, которое привело к уничтожению этой собственности. На примере данного инцидента можно проследить специфику детского коллективного осуждения, воспитание особого отношения к собственности и реальное отношение к ней детей, что как раз является частью пресловутого классового сознания. Мы видим, что несмотря на внушаемые ценности, отношение к одежде как к материалу, прикрывавшему наготу, с возрастом, особенно у девочек, переходило в желание обладать красивыми (по мере возможности) вещами и привлекательно выглядеть, и это желание дети старались удовлетворить, в том числе, через ложь и, как в данном случае, присвоение общественной собственности.

Здесь выявляется важный парадокс советского проекта по созданию нового человека. Ценность вещи диктовалась всеобщим дефицитом и нищетой детского дома, но кроме того, как ни странно, и спецификой воспитания. Когда у ребенка нет ничего своего, когда даже такой элемент сугубо частной жизни как одежда не мог ему принадлежать, возникала потребность каким-то образом восполнить нехватку личного пространства, которое создается, в числе прочего, и через вещи, на которые ребенок осуществляет психологический перенос части своего я гораздо сильнее, чем взрослый. При том, что и взрослый репрезентирует себя через одежду, дом, прическу и другие внешние факторы и вещи (об одежде жителей Кургана 1920-1930-х годов написала на основании фотодокументов К.Ю. Кладова²). Поэтому желание Бабиной обладать жилеткой и распорядиться ей по своему усмотрению, как бы подчеркивая факт обладания, вполне естественно.

¹ ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 355. Л. 58.

² Кладова К.Ю. Внешний вид жителей города Кургана в 1920–1930-е гг. (по фотодокументам) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. №1. С. 133-147.

Неестественна последовавшая за этим ситуация: согласно протоколу, дети единогласно решили, что, воспитываясь на коммунистических началах, будущие борцы за коммунизм никакой собственности иметь не могут, а все, что имеют – общее. Девочку единогласно осудили, и решили рассказать о ее неблагоприятном поступке в более высокой инстанции. Хотя не возникает сомнений, что большинство из участников собрания сделало это, погрешив против своего собственного желания иметь. Кроме идеологической необходимости вынести именно этот приговор, здесь замешана также зависть к Бабиной, которая присвоила общую вещь – общую не в том смысле, что она никому лично не принадлежит, а в том, что потенциально она может принадлежать каждому из собравшихся, и каждый хотел бы поступить с ней так же вольно, но не решался или не мог.

Этот парадокс сказывается также на формировании идеалов и жизненных планов детей и подростков. Рожков пишет, что в годы нэпа «около 70% опрошенных школьников мечтали о собственном благополучии и материальных благах, причем 60% новоявленных «мещан» были детьми рабочих и лишь 10% — крестьян»¹, при этом отмечается, что такие мечты стали гораздо более явными и широко распространенными, чем в дореволюционной России. Возможно, одна из причин касается психологии революции, в прямую истолкованного лозунга «Кто был ничем, тот станет всем». При старом порядке жизнь была относительно стабильна, и ребенок знал, что ждет его в будущем, как он проведет свою взрослую жизнь, как состарится и умрет. После революции все счета обнулились. Будущее стало многовариантным. И вполне возможным вариантом могло быть овладение всем тем, что когда-то принадлежало узкой группе людей определенного социального происхождения. Кроме того, «несмотря на все усилия новой школы воспитать из учащихся альтруистов-энтузиастов, они гораздо сильнее, чем дореволюционные гимназисты, оказались увлечены личными проблемами

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 140.

и переживаниями»¹. Он отмечает, что среди крестьян «мещанские» устремления были значительно реже, чем среди рабочих.

На наш взгляд, это как раз связано с потенциальным спектром возможностей. Деревенские дети видели их в меньшем количестве, и они были значительно больше загружены по хозяйству, а, значит, ограничены в свободном времени, когда можно играть и мечтать о будущем. К тому же у многих сельских детей, особенно в 30-е годы в условиях начавшейся коллективизации, были слишком тяжелые условия жизни. Их собственные устремления были достаточно приземленными, вращались вокруг семьи и удовлетворения ее материальных потребностей.

Одним из примеров «собственных» интересов крестьянских детей служат воспоминания А.Н. Корюкина о периоде его 14-летия: «Весь скот отцовский забрали. Я день ходил на работу, второй ходил на работу. Все едят, значит, а потом молочком запивают. А у меня коровы нет – корову колхоз увел. Я с ребятами играл на улице до двух часов ночи, а потом говорю, ребята, пошли домой. Нас трое было. Они пошли своей дорогой, я своей. Я пошел на ферму. Днем я узнал, где моя корова привязана, я подхожу, значит, называю ее по кличке. Слышу – она забрякала, застучала: она кличку знала. Я отвязал ее, двери открыл, по задам ее привел домой. А дома спрятать-то некуда, все изломано. Так я ее в сенки завел и в кладовку устроил. Там тесно, но хорошо. Я эту ночь не спал ни капельки. Раз она пришла домой, эта коровушка. Я соорудил какую-то тряписину, побежал на склад – знал, где сено хорошее – натеребил сена, так чтобы не видно было, навязал, притащил домой и накормил ее. Наверное, с неделю так вот ночью бегал, теребил. Потом сделал крючок: рукой берешься, в зарод его заделаешь, заткнешь, а этим крючком потянешь – он вытащит большой кусок сена хорошего. И ночью воровал ходил. Никто ничего не узнал. А потом Сталин издал приказ

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 140.

мелкую животину всю, которую взяли у народа, вернуть обратно. И я выпустил за пастуха коровушку. И я с молоком стал ездить в поле»¹.

Записанные воспоминания принадлежат взрослому человеку, однако в них ясно заметна детская обида на несправедливость: ребенок не понимает, почему отнимают скот, за которым ухаживал он и родители, почему отнимают нажитое трудом имущество. В его случае это вызвало глубокую обиду на советскую власть, которую он иногда явно демонстрировал.

«...Я пока шел за бороной, песни составлял. Не положено такие песни составлять. А я почему так делал? Потому что у меня отца ограбили. У меня, значит, дом стоит, а вокруг дома ничего нет. Двери открыты, окна открыты. Я песни стал сочинять. Пошел, коров понужаю потихоньку и песню составил:

Пятилетка не конфетка
Ее в зубы не возьмешь,
Четыре года проработаешь,
Пятый – по миру пойдешь.

А уполномоченный от райкома-то и говорит: ну-ка, иди-ка сюда! Я подхожу – в чем дело? Он говорит: «Кто тебя научил?» А я говорю: «Сам вот сейчас пошел и сочил эту песню». «Врешь», – говорит. Я говорю: «Правда». Он: «Ну ладно. Не пой такие песни. Тебя посадят и нас посадят». Я говорю: «Хорошо, не буду больше петь». За такие песни, говорит, если взрослый, так расстреляют, а если ты пацан, так тебя посадят и нас посадят. Так вот поговорили со мной и все»².

В данном примере мы наблюдаем ярко выраженную детскую субъективную реакцию на происходящее, детский протест, причем не только внутренний, но и деятельный. Ребенок был свободнее в проявлении протестных чувств, чем взрослый, так как всегда оставалась возможность перевоспитания. А.Н. Корюкин пронес свою обиду через всю жизнь и искренне радовался концу Советского Союза. При этом он вступил в

¹ Воспоминания Корюкина А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в августе 2016 г.

² Там же.

пионерский отряд, когда начал ходить в школу, однако в пионерской деятельности не участвовал, как он объяснил, из-за занятости на работе, только иногда играл с ребятами. Школу прогуливал по тем же причинам. Он понимал, что в такие условия, когда он не может получить образование и прожить нормальное детство, его поставила власть. Такого рода свидетельства резко диссонируют с публикуемыми в газетах восторженными славословиями детей в адрес Ленина и Сталина. Они открывают детство реальное, а не создаваемый властью и обществом его образ.

О детских протестах пишет и А.Ю. Рожков: «В порядке вещей считалось сорвать плакат или стенгазету, посвященные наступавшему политическому празднику; приклеить непотребный лозунг к изречениям Ленина, развешанным на стенах или расписать портрет вождя мирового пролетариата непристойностями»¹.

Однако до политической формы проявления детского несогласия доходило только в случаях достаточно развитого личного мышления, способности связать неприятности в собственной жизни и государственную идеологию. Часто хулиганство было проявлением подростковой борьбы за независимость, и портреты вождей страдали только потому, что они попали под руку. Тот же А.Ю. Рожков, а также Е.М. Балашов приводят свидетельства того, что такие хулиганистые школьники, мало значения придававшие учебе, и даже их более старательные сверстники, часто не знали имена главных вождей революции, не могли объяснить, что такое коммунизм, кто такой Ленин, почему и как произошла революция. Детство было гораздо дальше от политики, чем это показывали в фильмах и писали в книжках для пионеров.

Часто хулиганские выходки вообще носили обыкновенный характер дисциплинарных нарушений: «за неоднократный срыв уроков в классе, хулиганство и оскорбление учащего персонала... ученика 5 класса Черных

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 149.

Ивана из школы исключить до конца учебного года»¹. Этот документ датируется 1929 годом. Надо отметить, что исключение из школы – до конца года или на более долгий срок – стало распространенным наказанием с конца 1920-х годов. Николая Засыпкина, ученика 3 класса, исключили без права поступления в школу на три года. Еще одним видом наказания был выговор – Николаю Зеленину, ученику 7 класса, он был объявлен за «появление 6 октября на школьный вечер в пьяном виде»². Как пишет А.Ю. Рожков, курение и алкоголизм среди учащихся стали в 1920-е годы массовым явлением³. Один из респондентов И.А. Комарский так вспоминает о своем знакомстве с курением в школе: «Когда в 1 или во 2 класс пошел, старшие ребята — они всегда негативно относятся к младшим — заставили нас курить. А курить-то не из чего, табака-то не было, а уже 1 сентября, подсолнухи созрели, листья пожелтели. Мы листья намнем, сделаем закрутку. Они говорят, «В затыг надо, в затыг». И я накурился, назатыгивался так, что пришел домой еле живой. Но родители на работе были. Так как бабушка со мной занималась, она и говорит, ты чего такой бледный пришел, на тебе лица нет. А я говорю: накурился. Я не умел врать с самого детства. Она и говорит, иди ложись спать, чтобы родители не видели, а утром я с тобой поговорю. Я лег, а когда утром проснулся в школу, она говорит, ну что, не идет тебе курить, так что сынок, не кури. И с тех пор сколько уже лет я живу, ни одной сигареты не выкурил, ни одной папиросы»⁴.

Чаще всего детей порицали за хулиганские выходки: четверокласснику Сартакову «за неоднократную стрельбу из резинки, последний раз даже на уроке, в присутствии учителя химии.. за нетактичное отношение к пионерработнику»⁵ — здесь также подчеркивается субординация в отношениях учителя и ученика.

¹ ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

² Там же. Л. 11.

³ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 187.

⁴ Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

⁵ ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 45. Л. 14.

Кроме перевоспитания явных хулиганов школа и пионеротряд занимались борьбой с «мещанством», что отмечал, в частности, А.Ю. Рожков: высмеивались ученицы, напудривавшиеся на переменах — их именовали «барышнями», в учеников, которые увлекались «мещанским флиртом», называли «кавалерами»¹. В Кургане, в том числе в детских домах, отмечали мещанские интересы среди воспитанников: «у некоторых детей замечаются не совсем здоровые стремления, как-то: старые «институтские» альбомчики, проявления кокетства и тому подобное. Воспитатели недостаточно ведут работу в этом направлении. Коммунистическое воспитание в доме отчетливо не поставлено»². В связи с этим, воспитателям рекомендовалось «установить точно границы занятий танцами, драматизацией и т.п., не доводя это до увлечения, отрицательно воздействующего на воспитанников», отмечается в заключении по обследованию детского дома №1 в Кургане 18 января 1924 года. И добавлялось также, что «есть среди детей одаренные личности, которые воспитательным персоналом выявлены»³ главное, направить их способности в нужное русло.

Интерес в данном случае представляет документ «Описание жизни в Чернавском детском доме» от января 1924 г. В доме было 62 ребенка, из них 22 дошкольника. Дежурство по дому и хозяйству здесь было единственной возможностью выйти зимой на свежий воздух, возможно, это было одной из причин, по которой «дежурные выполняли свои обязанности беспрекословно»⁴, несмотря на отсутствие мер поощрения. Здесь починка одежды и обуви стояла на первом месте среди занятий, предпочитаемых детьми во время послеобеденного отдыха, о салазках, коньках и музыке речь не шла и речи, тем более о «мещанских» занятиях, подчеркивалось отсутствие материалов для кружковой работы. Зато по вечерам воспитатели, школьники и дошкольники собирались вместе для общего чтения, игр и декламации в

¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 87.

² ГАКО. Ф. Р-48. Оп.1. Д. 4. Л. 18.

³ Там же.

⁴ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 69. Л. 65.

попытке коллективного противостояния жизненным невзгодам, совмещенная с идеологическим воспитанием. Летом в свободное от работы время проводились экскурсии в лес, на реку, на озеро, на элеватор. Некоторые детдома устраивали экскурсии в Курган, если позволяло расстояние, погода и настроение воспитателей и детей. Например, у воспитанников Кривинского детского дома «была экскурсия в Курган с большими детьми (14 человек). Вышли рано, пришли еще засветло (55 верст). В городе были на вокзале, в депо, осматривали устройство паровоза, были на электрической станции, на спортивной площадке, на водокачке, в саду, нам дали бесплатные билеты в цирк...»¹. Тот же детский дом в августе 1929 году собирался приобрести «балалайку, барабан, сигнальную трубу, крокет, шашки и шахматы... Договориться о посылке кинопередвижки»². Идеальный досуг должен был непременно носить познавательный характер и способствовать коммунистическому воспитанию. Однако нельзя было забывать и о детских запросах, иначе организовать досуг и времяпрепровождение детей удастся только на словах.

То есть, детский мир, раскрывавшийся в разных аспектах деятельности, существовал если не сам по себе, то диктовал власти серьезные условия. Его нельзя было навязать, надиктовать, в силу детской искренности и обостренного чувства справедливости. Конечно, можно было запретить определенные книги и фильмы, создать другие. Однако даже в этом оказалось необходимо учитывать детские интересы, иначе дети их просто проигнорируют и не воспримут как источник жизненных сценариев. То же касается игрушек и игр. Последние вообще практически не поддавались контролю со стороны взрослых за пределами учебных учреждений и были чистым проявлением детской субъективности и творческого преобразования реальности.

Детский труд, как еще одна из значимых форм деятельности ребенка, был наиболее подконтролен взрослым-посредникам, но не самому государству, и часто мотивировался традиционными воспитательными задачами или экономической необходимостью. Учебная деятельность была

¹ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 69. Л. 66.

² Там же. Л. 137.

самой идеологизированной из всех, за исключением общественной, хотя и здесь проявлялась детская аполитичная мотивация, связанная с мещанской мечтой о хорошей жизни, доступной образованным слоям общества. По сути, стремясь воспитать нового человека, власть создавала определенные рамки, отсекая то, что могло помешать процессу. Но рамки эти были достаточно зыбкими, даже в период строгого тоталитаризма, поскольку детская фантазия контролю не поддавалась. И в этих рамках она могла вести себя совершенно по-разному. Безусловно, через пионерские собрания, школьные комитеты, комиссии школьного самоуправления, митинги и другие политизированные мероприятия, выстраиваемые согласно сценарию, особенно те, что предполагали протоколирование, как бы направляли детскую волю в нужном направлении и русле, связывали ее «взрослым письмом», строгой последовательностью и смысловой нагрузкой действия. Но для большинства детей это представлялось скучным, а потому мало влияло на их сознание, хотя, безусловно, влияния не быть не могло. А в случаях, когда такое воздействие подкреплялось таким же настроением в семье ребенка или, напротив, его противостоянием «непросвещенным» домочадцам, его сила возрастала до степени, определяющей судьбу и взгляды. Но такое мощное воздействие было возможно только при совпадении вектора политической воли и воли детской.

В какой-то степени в рамках идеологизированного государства дети гораздо в большей мере, чем взрослые, были свободны, хотя это кажется парадоксальным при том, что именно они были главной мишенью политики создания нового человека. Дело, на наш взгляд, в том, что ребенок – не просто пластилин, из которого взрослые могут лепить что им угодно, но очень своенравный пластилин, не поддающийся грубому воздействию и требующий очень тонкой работы. А людей, способных на такую работу, в первые советские десятилетия явно было недостаточно, особенно в провинции. Потому именно здесь очень заметен процесс свободного формирования личности, с помощью собственного творчества создающей свой мир и свой досуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение детской повседневности на материалах Курганского и Шадринского округов позволяет по-новому взглянуть на историю Советской России 1920-х годов, получить более полное знание о развитии советского общества, о формировании феномена «советского народа», увидеть, как жили и о чем мечтали провинциальные дети в первые послереволюционные десятилетия.

Итогом работы над темой диссертации стало выявление особенностей повседневной жизни советских детей как необходимого условия формирования феномена «советского человека». Для этого были изучены нормативные акты Советского государства и материалы региональных архивов, а также созданы новые исторические источники путем интервьюирования современников исследуемого и последующего за ним периодов.

В процессе работы удалось решить поставленные исследовательские задачи. Были выявлены противоречия между политикой государства в отношении семьи, образования и системы призрения детей и реальным детством. Выделены сходства и различия в государственной политике в сфере детства в 1920-е и 1930-е годы. Отмечены отличия детской повседневности Курганского и Шадринского округов от общероссийских тенденций, а также совпадения с ними. Проведена реконструкция детского быта в пространстве семьи, школы, детских домов и коммун; оценено влияние предметного пространства на формирование детских идеалов. Изучена роль пионерской организации в повседневной жизни детей, отношение детей к школе, книгам, кино, а также степень осознания ими политической ситуации и современных гендерных установок, соотношение религиозности и атеизма в детской жизни.

Проведенное исследование показало, что особенности повседневной жизни детей 1920-х годов определялись двойственным отношением советского государства к ребенку. С одной стороны, дети представляли собой ценность как будущее страны. С другой стороны, ребенок имел значение не как индивидуальность, а как деталь государственного организма. Дети

должны были проявлять творческое начало в рамках существующей политической системы, в связи с чем им давали относительную свободу самовыражения в заданных идеологических рамках, чтобы они привыкли направлять свою волю на благо общему делу и от имени коллектива. В целом же для государственной машины детское сообщество было материалом, состоявшим из качественных и некачественных элементов, и нуждавшимся в должной обработке для более эффективного использования. Специальная наука – педология – занималась изучением детей и способов изменения их личностей и жизненных установок. Создавалась идеологически выверенная литература для детей, снимались фильмы «правильного» содержания, происходило цензурирование игрушек и переделывание традиционных игр. Таким образом, создавая правильное пространство, власть намеревалась создать правильных граждан.

Однако непосредственное воздействие на детей власть оказывать не могла. В реальной жизни – семейной, школьной, детдомовской, общественной, пионерской – дети контактировали с посредниками из числа взрослых, не всегда ответственно подходивших к своему делу. Таким образом, сама власть в части политики детства оказывалась заложником общества.

Как показало исследование, реальное пространство детской повседневности, создаваемое значимыми для детей взрослыми, отличалось от того, что декларировала власть. В 1920-е годы в законодательстве и педологических проектах реальность идеализировалась: грандиозные планы по переустройству общества и сознания не соответствовали закладываемому в этот процесс бюджету, кадрам, способным этим заниматься, общему уровню культуры населения страны, податливости детской психики внешним влияниям. В связи с этим нормы, регулирующие детство, постоянно пересматривались. Менялось семейное законодательство, отношение к опекунству, способы организации обучения в школе – власть задавала параметры конструирования детской повседневности и меняла их, если предыдущие схемы не действовали. К концу десятилетия происходила

стабилизация образа советского детства как элемента советского образа жизни. В начале 1930-х гг. была принята единая программа обучения по единым учебникам, запрещена педология, приняты меры по укреплению семьи.

Непосредственное влияние на детскую повседневность оказывало пространство, создаваемое близкими и значимыми взрослыми – родителями, педагогами, воспитателями, врачами, представителями детских служб на местах. В следствие этого детство обладало уникальными, свойственными конкретному времени характеристиками.

В первую очередь тон детской повседневности задавала семья: отношение родителей к детям, создаваемый в доме быт, условия питания, одежда, трудовой режим и режим дня, возможность посещать школу, отрицание или принятие вредных привычек, религиозность или согласие с официальной атеистической идеологией. В связи с этим в главе 2 нами предложено пять типов семейного пространства, оказывавших разное воздействие на детскую повседневность: 1) полная семья с большим количеством детей, живущая по устаревшим дореволюционным ценностям; 2) полная коммунистическая семья; 3) полная семья, внутри которой есть противостояние ценностных систем между взрослыми членами; 4) неполная семья вдовы/вдовца, разведенной женщины или матери-одиночки; 5) семья без родителей, где ребенка воспитывал дедушка/бабушка.

Во вторую очередь влияние на детскую повседневность оказывала школа, которая также создавала определенное бытовое и психологическое пространство, в котором дети находились на протяжении достаточно длительного времени в течение дня, формировала навыки межличностного общения и общения со старшими, в том числе преподавателями, задавала тон отношения к здоровью и личной гигиене, знанию, общественно-политическому строю, семейному укладу и религии. В исследуемый период школа воспринималась как один из наиболее действенных социальных лифтов, в связи с чем отмечается интерес к ней как детей, так и взрослых. Однако государственное обеспечение образования в 1920-е гг. либо было

незначительным, либо полностью отсутствовало, что мешало реализации школьной политики. Дети учились в две или три смены, но все равно школа не могла вместить всех детей школьного возраста. Книги поступали с опозданием и в недостаточном количестве, не хватало письменных принадлежностей и покупать их приходилось на деньги, заработанные детьми. При этом в 1930-е гг. государство, напротив, стало принимать активное участие в организации школьного пространства. Школьное руководство смогло подумать о создании предметных кабинетов и лабораторий, повышении качества образования. Тогда же, в 1930 г. было введено всеобщее начальное образование. В дальнейшем в 1930-е гг. произошла централизация системы образования, был введен строгий контроль над отдельными учреждениями и составом учителей. В 1934 г. проведена реформа среднего образования, в результате которой появилась классическая советская школа с классно-урочной системой преподавания, строгой дисциплиной и образовательной преемственностью.

Школа играла большую роль в жизни детей и часто знакомила их с другой стороной жизни, отличающейся от сложившейся в семье. В том числе, нередко отличались и идеологические установки, так как школа была проводником новых взглядов и научного знания, а семья чаще всего сохраняла патриархальные традиционные ценности и религиозность. Дети выступали как агенты новой политической системы и атеистического мировоззрения в семье, занимались обучением взрослых. Это нередко приводило к конфликтам или к своего рода удвоению ценностей, разделению жизни на «дома» и «вне дома» в идеологическом смысле. Такая двойственность, как следствие вмешательства власти в область частного (например, в сферу религиозного сознания), сохранялась на протяжении всей советской истории, однако именно в исследуемый период ситуация представляется особенно острой, в силу непосредственной близости к дореволюционному имперскому времени и образу мышления.

Помимо идеологической позиции в семье и школе на детей оказывали влияние бытовые условия: еда, одежда, организация пространства влияли не только на состояние здоровья, внешний вид и другие физические характеристики, но и на моральное состояние. Многие дети мечтали получить образование и жить иначе, чем родители. Часто в этом стремлении их поддерживали взрослые. Благодаря расширению кругозора за счет чтения, общения с учителями, экскурсий на предприятия и культурные объекты, границы детского мира раздвинулись далеко за рамки своей деревни или квартала, и, тем более, своей семьи. Однако, помимо стимулирующего воздействия быт мог оказывать и обратное влияние, затягивая детей в область сексуальных извращений, пьянства, домашнего насилия. Здесь, как и в случае с оппозицией школы и дома, дети снова попадали в ситуацию выбора.

Еще одним типом пространства, представленным в исследовании, стали детские учреждения призрения, представлявшие комплекс семейного и школьного воспитания. В пространстве детского дома ребенок (в идеальном случае) помещался в благоприятную идеологическую среду и у него не возникало идеологических противоречий. Однако, во-первых, воспитанники детских домов также решали конфликт: на них влияли не только воспитатели, но и улица – или оставленная, или преследующая в лице соседей по детскому учреждению. Во-вторых, идеальные детские учреждения, которые планировалось создать после революции 1917 года, так и не появились из-за недостатка финансирования и педагогических кадров. В реальности детские учреждения (за редким исключением, в числе которых – рассматриваемая в данной работе Илецко-Иковская трудовая коммуна) были ненадежными пристанищами, где дети мерзли, болели, умирали в постоянном ожидании еды. Даже наличие образцовых (с учетом условий, в которых им приходилось существовать) детских домов не решало проблемы. Однако изучение особенностей жизни детей в пространстве детских домов и коммун показало, что детские учреждения также являются полем проявления субъективной воли

детей, которые могли самостоятельно проявлять инициативу по благоустройству своей жизни при бездействии или даже противодействии взрослых.

Наиболее сильное влияние на детское сознание оказывала пионерская организация, вовлекая детей непосредственно в общественно-политическую деятельность и подготавливая наиболее достойных к членству в комсомольской организации и коммунистической партии. Пионерия претендовала на тотальное вмешательство во все аспекты детской жизни – от семьи и школы до игр и общения друг с другом. Однако, как показало исследование, влияние пионерской организации на детскую повседневность ограничивалось личностным фактором (отсутствие грамотных пионервожатых), объективными условиями (нехватка средств в отряде и школе, бедность родителей), а также отношением детей, которые нередко вступали в отряд без личной заинтересованности в его работе, а из погони за статусом: чтобы быть не хуже других.

В силу возраста большинство пионеров не понимали, что такое коммунизм, а также плохо знали имена вождей революции и партии, продолжали исполнять религиозные обряды, а иногда и ругать советскую власть. Тем не менее, в целом пионерия составила неоспоримую конкуренцию другим видам детской самоорганизации и играла значимую роль в процессе взросления будущих советских граждан, пусть и не всегда совпадающую с той, что предполагалась в проекте. Пионеры шефствовали над другими школьниками, октябрятами, беспризорными детьми и необразованными взрослыми, ставили спектакли на политические темы, занимались ликвидацией неграмотности, изданием просветительских стенгазет, сбором макулатуры, участвовали в митингах и праздниках, выезжали в специальные летние лагеря. Жизнь ребенка благодаря пионерской организации становилась деятельной и насыщенной на события, настолько, что многим не хватало времени на учебу. И даже если дети воспринимали пионерию как игру и не понимали политической составляющей движения в полной мере, идеология становилась неотъемлемой частью их жизни, также как имена вождей революции.

Другим способом влияния на детей был контроль их досуга через создание идеологически правильного кино, литературы, игр и игрушек. Однако в провинции он оказывался наименее действенным: игрушки здесь делали сами, в кино ходили редко и на что придется, читали то, что удавалось достать. Именно отсутствием тотального контроля со стороны власти, неразвитостью инфраструктуры и досуговой сферы, господство традиционных патриархальных ценностей, смешивающихся с советскими идеологическими установками, отличало детство в Курганском и Шадринском округах от столичного детства. Свой отпечаток накладывала также хозяйственная специфика региона, историческая удаленность от центра и сформировавшаяся в следствие этого некоторая независимость мышления местных жителей.

Из-за недостатка других развлечений провинциальные дети (пример – Курганский и Шадринский округа) очень любили читать, и делали это даже на уроках или дома по ночам, тайком от родителей. Играть предпочитали в традиционные игры типа лапты и городков. В своем отношении к взрослым членам семьи дети исследуемых округов чаще демонстрировали желание оторваться от их мира и жить иначе – лучше, культурнее, обеспеченнее. Часто, особенно в сельской местности, их идеалами становились учителя. Но среди мотивов изменить жизнь очень редко отмечалось желание построить коммунизм. Вписанные в постреволюционное идеологическое пространство дети часто сохраняли «мещанские» интересы, и нередко демонстрировали умение использовать идеологию – например, пионерскую организацию и комсомол – для своего продвижения и получения выгод и преференций. То есть, если власти и ее представителям удавалось так сформулировать свои идеи, что дети видели в них для себя перспективы и интерес, возникал своего рода резонанс, который мог приводить детей к конфликтам с взрослыми членами семьи, сохранившими антисоветский образ мышления. Однако были и настоящие приверженцы новой жизни и новых идей в детской среде. Власть не имела возможности тотального контроля над детским досугом и активностью, над детским сознанием, поскольку дети отказывались

принимать неинтересные для них идеологические продукты и находили способы обходить запреты, а иногда активно выражали недовольство политикой советской власти, в частности, в 1930-е гг., раскулачиванием и коллективизацией.

Таким образом, будучи наиболее подходящим материалом для создания нового человека в рамках советского проекта, дети, тем не менее, порой оказывались менее податливы, чем взрослые. Если последние привыкали приспособливаться, понимая опасность сопротивления, то дети открыто демонстрировали свою приязнь или неприязнь. Однако, принимая какую-либо идею, роль, образ, дети чаще всего делали это искренне и полно, не из притворства. Несмотря на то, что детей по большей части интересовали их детские дела, а полунищий быт формировал у них «мещанские» ценности, их привлекала возможность делать что-то значимое и «взрослое», которую давала пионерия и новая школа, им нравилось быть «маленькими гражданами большой страны». Советские дети, балансируя между двумя ценностными мирами, впитывали тот и другой, формируясь в уникальных советских людей, не совпадающих с проектом власти, но также не похожих и на поколение своих родителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

И С Т О Ч Н И К И

Нормативно-правовые акты

1. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических республик: принят 2-й сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. [Текст]. – М.: Центр. испол. ком. Союза Сов. Соц. Респ., 1924. – 20 с.
2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Текст] // Петроград: Изд. Петроградского Совета рабочих и красн. депутатов, 1918. – 16 с.
3. Свод законов Российской империи. – 1900. – Том 10 [электронный ресурс] // URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/> (дата обращения 03.03.16).
4. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 года) [Текст] // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. № 818.
5. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 8 марта 1926 года «Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» [Текст] // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1926. – № 19. Ст. 143.
6. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» [Текст] // СУ РСФСР. 1917. – № 11. Ст. 160.
7. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 26 января 1925 года «О местных фондах имени В.И. Ленина для организации помощи беспризорным детям» [Текст] // СУ РСФСР. 1925. – № 8. Ст. 52.
8. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19 декабря 1917 года «О расторжении брака» [Текст] // СУ РСФСР. 1917. – № 10. Ст. 152.

9. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 5 октября 1925 года «Положение о Народном комиссариате просвещения РСФСР» [Текст] // Известия. 21 октября 1925. № 241.

10. Декрет ВЦИК от 16 октября 1918 года «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики (Положение)» [Текст] // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1026-1030.

11. Декрет ВЦИК от 2 мая 1922 года «Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях» [Текст] // СУ РСФСР. 1922. – № 39. Ст. 447.

12. Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [Текст] // СУ РСФСР. 1918. – № 18, ст. 263.

13. Декрет СНК РСФСР от 11 сентября 1917 года «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» [Текст] // СУ РСФСР. 1917. – № 3, ст. 32.

14. Декрет СНК РСФСР от 23 ноября 1926 года «Об учреждениях для глухонемых, слепых и умственно-отсталых детей и подростков» [Текст] // СУ РСФСР. 1926. – №83. Ст. 613.

15. Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 года «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» [Текст] // Собрание узаконений. 1918 г. № 16, ст. 227.

16. Декрет СНК РСФСР от 23 сентября 1921 года «О детской социальной инспекции (Положение)» [Текст] // СУ РСФСР. 1921. – №16, ст. 227.

17. Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» [Текст] // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 14 января 1918. № 8.

18. Декрет СНК РСФСР от 7 октября 1920 года «О неделе ребенка» [Текст] // СУ РСФСР. 1920. – № 82, ст. 403.

19. Декрет СНК РСФСР от 5 июня 1918 года «О передаче в ведение Народного комиссариата просвещения учебных и образовательных

учреждений и заведений всех ведомств» [Текст] // Известия ВЦИК Советов. 5 июня 1918. №113.

20. Декрет СНК РСФСР от 18 декабря 1923 года «Устав единой трудовой школы» [Текст] // Известия ВЦИК. 28 декабря 1923. № 296.

21. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 14 августа 1930 года «О всеобщем обязательном начальном обучении» [Текст] // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР). 1930. – № 39. Ст. 420.

22. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 15 сентября 1933 года «О школах фабрично-заводского ученичества» [Текст] // СЗ СССР. 1933. – №59. Ст. 357.

23. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [Текст] // СЗ СССР. 1936 г. – № 34. Ст. 309.

24. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» [Текст] // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 381, 382.

25. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года «О ликвидации беспризорности и безнадзорности» [Текст] // Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.). М., 1938. С. 351, 352.

26. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 года «О структуре начальной и средней школы в СССР» [Текст] // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 16 мая 1934. № 113.

27. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1936 года «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» [Текст] // СУ РСФСР. 1936. – № 9. Ст. 49.
28. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 года «О мерах к улучшению положения и работы детских домов» [Текст] // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 29 ноября 1928. № 227.
29. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 года «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети» [Текст] // СУ РСФСР. 1925. – № 69. Ст. 543.
30. Постановление ВЦИК РСФСР от 19 ноября 1926 года «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» [Текст] // СУ РСФСР. 1926. – № 82, ст. 612.
31. Постановление СНК РСФСР от 25 июня 1927 года «О внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством» [Текст] // СУ РСФСР. 1927. – № 61. Ст. 424.
32. Постановление Народного комиссариата труда РСФСР, Народного комиссариата здравоохранения РСФСР от 11 ноября 1920 года «О мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью» [Текст] // Известия ВЦИК Советов. 11 ноября 1920. № 253.
33. Постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 года «Об охране здоровья женщин» [Текст] // Известия ВЦИК Советов. 18 ноября 1920. № 259.
34. Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 4 июня 1919 года «Об организации дела внешкольного образования в РСФСР (Положение)» [Текст] // СУ РСФСР. 1919. — № 21. Ст. 267.
35. Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 20 сентября 1919 года «О непрерывности занятий в дошкольных учреждениях» [Текст] // СУ РСФСР. 1919. – № 47. Ст. 453.
36. Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 20 января 1918 года «Об упразднении должностей директоров, инспекторов

народных училищ, и губернских дирекций и инспекций» [Текст] //Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 274.

37. Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 11 декабря 1917 года «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению» [Текст] // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 129.

38. Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 29 ноября 1917 года «О реформе средней школы» [Текст] // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 61.

39. Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 18 декабря 1917 года «О представлении всех зданий и помещений низших, средних и высших учебных заведений и благотворительных обществ во время, свободное от занятий для культурно-просветительных целей» [Текст] // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 21 декабря 1917. № 38.

40. Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 31 мая 1918 года «О введении обязательного совместного обучения» [Текст] // Известия ВЦИК Советов. 31 мая 1918. № 109.

41. Постановление Народного комиссариата государственного призрения РСФСР от 26 января 1918 года «О переходе в ведение НК Госпризрения всех учреждения призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении коллегии призрения несовершеннолетних» [Текст] // СУ РСФСР. 1918. – № 22. Ст. 321.

42. Постановление Народного комиссариата труда РСФСР от 3 июля 1919 года «О применении труда малолетних» [Текст] // СУ РСФСР. 1919. – № 34. Ст. 338.

43. Постановление Народного комиссариата труда РСФСР от 11 декабря 1920 года «О сверхурочных работах несовершеннолетних» [Текст] // Известия ВЦИК Советов. 11 декабря 1920. № 279.

44. Постановление Народного комиссариата труда РСФСР от 19 июня 1923 года «О труде малолетних в возрасте от 14-ти до 16-ти лет» [Текст] // СУ РСФСР. 1923. – №57. Ст. 529.

45. Распоряжение Народного комиссариата государственного призрения от 6 января 1918 года «О взимании налога с публичных зрелищ и увеселений» [Текст] // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 6 января 1918. № 4.

Архивные документы

Государственный архив города Шадринска

46. Ф. Р-213. – Отдел народного образования исполнительного комитета Шадринского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 1, 22, 24, 45, 86, 285, 350, 354, 355, 359.

47. Ф. Р-209. – Шадринский окружной исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 9.

48. Ф. Р-519. – Средняя общеобразовательная трудовая политехническая школа №9 г. Шадринска. Оп. 1. Д. 1, 4, 17, 45.

49. Ф. Р-225. – Шадринская окружная детская комиссия. Оп. 1. Д. 2, 6, 14, 23, 47.

Государственный архив Курганской области

50. Ф. Р-13. – Статистическое бюро Курганского окружного исполнительного комитета. Оп. 1. Д. 1610.

51. Ф. Р-47. – Отдел народного образования Курганского уездного исполнительного комитета. Оп. 1. Д. 12.

52. Ф. Р-48. – Отдел народного образования Курганского окружного исполнительного комитета. Оп. 1. Д. 2, 4, 5, 13, 31, 33, 64, 69, 135, 198.

53. Ф. Р-409. – Лопатинский детский дом, село Лопатинское Лопатинской волости. Оп. 1. Д. 4.

54. Ф. Р-465. – Курганский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д.: 11, 116, 121, 124, 148, 193.

55. Ф. Р-472. – Курганская окружная детская комиссия по улучшению жизни детей. Оп. 1. Д. 3, 7, 8, 10.

56. Ф. Р-512. – Введенская кустарно-промысловая артель «Безбожник». Оп. 1. Д. 12.

57. Ф. Р-619. – Лопатинский районный совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 86.

58. Ф. Р-800. – Отдел народного образования Курганского окружного исполнительного комитета. Оп. 1. Д. 2, 4, 10.

*Государственный архив общественно-политической документации
Курганской области*

59. Ф.10. – Курганский городской комитет КПСС. Оп. 1. Д. 252.

60. Ф. 13. – Шадринский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 37, 714.

61. Ф. 102. – Курганский городской комитет ВЛКСМ. Оп. 1. Д. 43, 93, 79б, 93а, 99.

62. Ф. 104. – Шадринский окружной комитет ВЛКСМ. Оп. 1. Д. 68

63. Ф. 131. – Шатровский районный комитет ВЛКСМ. Оп. 1. Д. 441.

Документы ВКП(б) и Советского государства

64. Дошкольное воспитание в деревне // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения [Текст]. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С. 463.

65. О борьбе с детской беспризорностью // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения [Текст]. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С. 189.

66. О всеобщем начальном обучении // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения [Текст]. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С.190.

67. Письмо ВЦИК от 11 июня 1928 года «О мерах по борьбе с детской беспризорностью» [Текст] // Письма СССР 1917-1992 [электронный ресурс] URL: http://gospismo.ru/library/sssripismo_6/ (дата обращения 20.05.18).

68. Программа российской коммунистической партии большевиков [Текст] // Протоколы съездов и конференций ВКП(б). Восьмой съезд РКП(б) 18-23 марта 1919г. М.: Парт. Изд-во. 1933. С. 379-379.

69. О пионердвижении в деревне [Текст] // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С. 201.

70. О пионерском движении [Текст] // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С. 202.

71. О положении детей в РСФСР [Текст] // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С. 350.

72. О социальном воспитании [Текст] // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С. 347.

73. О труде подростков [Текст] // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С. 163.

74. О ходе всеобщего начального обучения [Текст] // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. С. 467.

75. Постановление Центрального Комитета ВКП(б) о педологических извращениях в системе Наркомпросов [Текст] // Известия. 5 июля 1936 г. №155.

Работы деятелей государственной власти

76. Крупская, Н.К. Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми [Текст] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения. Т.5. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1958. – 688 с.

77. Крупская, Н.К. Дошкольное воспитание. Вопросы семейного воспитания и быта [Текст] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения. Т.6. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1958. – 464 с.

78. Крупская, Н.К. Общие вопросы педагогики. Организация народного образования в СССР [Текст] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения. Т.2. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1958. – 375 с.

79. Крупская, Н.К. Обучение и воспитание в школе [Текст] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения. Т.3. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1958. – 797 с.

80. Крупская, Н.К. Трудовое воспитание и политехническое образование [Текст] / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения. Т.4. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1958. – 630 с.

81. Ленин, В.И. VIII съезд РКП(б) [Текст] / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 38. . М.: Изд-во полит. лит-ры. 1970. С. 56-91.

82. Ленин, В.И. Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г. [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.. Т. 37. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1970. С. 179-181.

83. О воспитании и образовании [Текст] / В. И. Ленин. – М.: Просвещение, 1987. – 495 с.

84. Ленин, В.И. Материалы к статье «О работе Наркомпроса» [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.. Т. 42. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1970. С. 159-160.

85. Ленин, В.И. Пункт программы в области народного просвещения [Текст] В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 38. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1970. С. 53.

86. Луначарский, А.В. О детской литературе, детском и юношеском чтении [Текст] / А.В. Луначарский. – М.: Детская литература, 1985. – 435 с.

Сборники документов и материалов

87. Беспризорность на Урале в 1929 – 1941 гг: сборник документов и материалов [Текст] / Г.Е. Корнилов, И.А. Лаврова. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Изд-во АМБ, 2009. — 736 с.

88. Всесоюзная перепись населения 1926 года [электронный ресурс] // Справочник статистических показателей. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_26.php. (дата обращения 16.07.17).

89. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: Наркомпрос РСФСР. 1931. – 496 с.

Воспоминания

90. Воспоминания Алефцева К.Г. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в апреле 2016 года [Текст] // Личный архив Перовой М.А.

91. Воспоминания Дурмановой П.Г. 1924 г.р. Записано в с. Парамоново Альменевского района Курганской области в ноябре 2014 года [Текст] // Личный архив Перовой М.А.

92. Воспоминания Комарского И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 года [Текст] // Личный архив Перовой М.А.

93. Воспоминания Комогорова А.В. 1926 г.р. Записано в с. Раскатиха Притобольного района Курганской области в марте 2015 года [Текст] // Личный архив Перовой М.А.

94. Воспоминания Корюкина А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в августе 2016 года [Текст] // Личный архив Перовой М.А.

95. Воспоминания Окуловских Е.Л. 1920 г.р. Записано в г. Кургане в декабре 2014 года [Текст] // Личный архив Перовой М.А.

96. Воспоминания Сахарова А.С. 1927 г.р. Записано в с. Белозерское Курганской области в феврале 2015 года [Текст] // Личный архив Перовой М.А.

97. Воспоминания Филимонова В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 года [Текст] // Личный архив Перовой М.А.

Периодическая печать

1. Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства – официальный орган Совета народных комиссаров [Текст]. Петроград, 1917-1918.

2. Известия ВЦИК Советов – орган ВЦИК и Московского совета рабочих и красноармейских депутатов [Текст]. Москва, 1918, 1920.

3. Известия ЦИК СССР и ВЦИК – официальный орган руководящих органов Советской власти [Текст]. Москва, 1923 – 1934.

4. Красный Курган: ежедневная уездная газета — орган Курганского уездного комитета РКП(б) [Текст]. Курган, 1922.

5. Красный Курган: орган окружного комитета ВКП(б), окружного исполнительного комитета и окружного профсовета [Текст]. Курган, 1923–1930.

Публицистика, художественная литература

83. Гольцман, А.З. Реорганизация человека [Текст] / А.З. Гольцман. – Л.: Госиздат, 1925. – 56 с.

84. Гурьян, О.М. Пионеры пришли! [Текст] / О.М. Гурьян. – М.: Госиздат. 1929. – 20 с.

83. Залкинд, А.Б. Педология в СССР [Текст] / А.Б. Залкинд. – М.: Работник просвещения, 1930. – 276 с.

84. Залужный, А.С. За марксистско–ленинскую постановку проблемы коллектива [Текст] / А.С. Залужный // Педология. – 1931. – №3. – С. 44-51.

85. Носов, Н. Огурцы [электронный ресурс] / Н. Носов // URL: <http://www.planetaskazok.ru/nnosovskz/ogurtsynosov> (дата обращения 20.05.18).

ЛИТЕРАТУРА

Книги, брошюры

86. Анналы экономической и социальной истории [Текст]. Избранное / В.В. Анашвили, А.Л. Погорельский. М.: Изд-во «Территория будущего», 2007. – 494 с.

87. Балашов, Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: Становление «нового человека» [Текст] / Е.М. Балашов. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. – 236 с.

88. Бессмертный, Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние Века. Очерки демографической истории Франции [Текст] / Ю.Л. Бессмертный. – М.: Изд-во «Наука», 1991. – 240 с.

89. Булдаков, В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика послереволюционного времени. Россия, 1920 – 1930 гг. [Текст] / В.П. Булдаков. – М.: Изд-во «РОСПЭН», 2012. – 756 с.

90. Гессен, В.Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР [Текст] / В.Ю. Гессен. – Л.: Госиздат., 1926. – 162 с.

91. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Изд-во «Наука», 1972. – 320 с.

92. Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Российские дети в конце XIX - начале XXI в.: историко-демографические очерки [Текст] / В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец. – М.-СПб: Центр гуман-ых инициатив, 2018. – 223 с.

93. История культуры Южного Зауралья: коллективная монография [Текст] / ред. В.В. Подливалов. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 508 с.

94. Конюс, Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917 – 1940) [Текст] / Э.М. Конюс. – М.: Центр. ин-т усоверш. врачей, 1954. – 404 с.

95. Кошелева, О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI – XVIII вв.) [Текст] / О.Е. Кошелева. – М.: Изд-во Ун-та Рос. акад. образования, 2000. – 162 с.

96. Криворученко, В.К. Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде: монография [Текст] / В.К. Криворученко. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2011. – 166 с.

97. Лебина, Н.Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.) [Текст] / Н.Б. Лебина, М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во «Прогресс-Академия», 1994. – 185 с.
98. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-1930 годы [Текст] / Н.Б. Лебина. – СПб.: журнал «Нева» - «Летний сад», 1999. – 316 с.
99. Мельников, В.П., Холостова, Е.И. История социальной работы в России [Текст] / В.П. Мельников, Е.И. Холостова. – М.: Изд-во «Дашков и К», 2004. – 344 с.
100. Нечаева А.М. Охрана материнства и детства в СССР [Текст] / А.М. Нечаева. – М.: М-кий рабочий, 1988. – 92 с.
101. Очерки культуры повседневности города Кургана XIX – первой трети XX века: коллективная монография [Текст]. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 240 с.
102. Пушкарева, Н.Л. Частная жизнь русской женщины. Невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.) [Текст] / Н.Л. Пушкарева. – М.: Изд-во «Ладомир», 1997. – 330 с.
103. Рожков, А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов [Текст] / А.Ю. Рожков. – М.: Изд-во «НЛО», 2014. – 640 с.
104. Сальникова, А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования [Текст] / А.А. Сальникова. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – 256 с.
105. Смирнова, Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917 – 1940 гг. [Текст] / Т.М. Смирнова. – М.; СПб.: Изд-во «Центр гуманитарных инициатив», 2015. – 384 с.
106. Федорова, В.П. Вопросы культуры в Зауральской прессе 20-30-х годов XX века [Текст] / В.П. Федорова. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – 264 с.

107. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.) [Текст] / В.Г. Чуфаров. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. – 378 с.

108. Шварцман, П.Я., Кузнецова, И.В. Педология [электронный ресурс] / П.Я. Шварцман, И.В. Кузнецова // URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/books/os2/121-139.htm> (дата обращения 20.05.18).

109. Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов [Текст] / гл. ред. Л.Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. – 754 с.

Статьи

110. Безрогов, В.Г. Практики письма в начальной школе первых советских поколений [Текст] / В.Г. Безрогов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2012. – №11. – С. 54-62.

111. Белкина, Л.Р. Детский журнал 1920х гг. - соцзаказ или реальность? [Текст] / Л.Р. Белкина // Система ценностей современного общества. Новосибирск. – 2010. – №15. – С. 90-94.

112. Бердова, О.В. Из истории школьного образования и костромского учительства периода формирования советской школы (1918-1930) [Текст] / О.В. Бердова // Вестник КГУ им НА Некрасова. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 228-234.

113. Бритвина, И.Б. Война глазами детей [Текст] / И.Б. Бритвина // VIII Зыряновские чтения: Мат-лы Всеросс научн.-практ. конф. (Курган, 9-10 декабря 2010 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – С. 103-105.

114. Быкова, Е. Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917-1930 гг.: организационные и идеологические аспекты [Текст] / Е.Ю. Быкова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – №1. – С. 179-189.

115. Васильева, А.М. Курганские приюты 1920-х гг. [Текст] / А.М. Васильева // V Зыряновские чтения: Мат-лы Всеросс научн.-практ. конф. (Курган, 12-14 декабря 2007 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 55-59.

116. Васильева, Л.Е. Особенности развития семейного права в СССР в области охраны материнства и детства в 1930-40-е годы [Текст] / Л.Е. Васильева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 7. – Вып. 2. – С.67-69.
117. Гаврилова, М.В. Трансформация традиционных русских игр в советской педагогике (1920-1930-е гг) [Текст] / М.В. Гаврилова // Антропологический форум №19 online. – 2013. – С. 130-197.
118. Стоюхина, Н.Ю. Доминанта социального воздействия в советской педологии 1930-х гг. [Текст] / Н.Ю. Стоюхина // Publishing House "ANALITIKA RODIS" Pedagogical Journal. – 2013. – С. 51-74.
119. Замараева, З.П., Новоселов, Н.В. Особенности трансформации института отцовства в советский период [Текст] / З.П. Замараева, Н.В. Новоселов // Теория и практика общественного развития. Социологические науки. – 2012. – №6. – С.53-56.
120. Зеленина, Г.С. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований [электронный ресурс] / Г.С. Зеленина // URL: <http://polit.ru/article/2008/10/03/zelenina/> (дата обращения 01.06.14).
121. Кладова, К.Ю. Внешний вид жителей города кургана в 1920-1930-х гг. (по фотодокументам)» [Текст] / К.Ю. Кладова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 1 (21). – С. 133-147.
122. Кладова, К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках [Текст] / К.Ю. Кладова // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: коллективная монография Ч. 9 / ред. Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2014. – С. 172-192.
123. Коган, С.В. Детство как этап формирования «нового человека» в довоенном советском обществе [Текст] / С.В. Коган // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Социология. – 2012. – С. 164-170.

124. Кон, И.С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства [Текст] / И.С. Кон // Вестник РГГУ. – 2010. – №15. – С. 12-24.

125. Королева, М. В., Сеница, А. Л. Нравственно-религиозные основы семейной политики Российской империи начала XX века [Текст] / М.В. Королева, А.Л. Сеница // Демографическая и семейная политика: Сборник статей / Под ред. Елизарова В. В., Джанаевой Н. Г. М.: МАКС Пресс, 2008. С.140-162.

126. Косинцева, Н.Н. Воспоминания о первых детских пионерах (к 90-летию пионерии) [Текст] / Н.Н. Косинцева // X Зырянские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 6-7 декабря 2012 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. С. 109-110.

127. Косолапова, Д.И. Ювенильная журналистика в российской историографии [Текст] / Д.И. Косолапова // Вестник Пермского университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 124-135.

128. Лебина, Н.Б. Советский дом-коммуна: границы тела [электронный ресурс] / Н.Б. Лебина // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2012. – № 23. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2118> (дата обращения 16.07.17).

129. Ляшок, А.С. Семиотика детской повседневности [электронный ресурс] / А.С. Ляшок // Теория и практика общественного развития. Культурология. – 2010. – №3. URL: <http://www.twirpx.com/file/515337/> (дата обращения 01.06.14).

130. Малякова, Н.С. Идеи антропологической направленности воспитания в отечественной школе [Текст] / Н.С. Малякова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2011. – С.141-145.

131. Марков, Б.В., Соломин, Ю.Н., Шилков, Ю.М. Жизненный мир личности [Текст] / Б.В. Марков, Ю.Н. Соломин, Ю.М. Шилков // Социально-политический журнал (социально-гуманитарные знания). – 1997. – № 2. – С. 80-93.

132. Маслинская, С.Г. «Пионерская» беллетристика vs «большая» детская литература [Текст] / С.Г. Маслинская // Детские чтения. – 2012. – №1. – С. 100-116.

133. Нуркина, К.К. Категории «детство», «советское детство» и «повседневность» в историческом исследовании [Текст] / К.К. Нуркина // VII Емельяновские чтения: Мат-лы Всеросс научн.-практ. конф. (Курган, 28-29 апреля 2014 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 82-84.
134. Пушкарева, Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [электронный ресурс] / Н.Л. Пушкарева // URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения 29.01.19).
135. Рожков, А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие [Текст] / А.Ю. Рожков // Вопросы истории. – 2000. – № 11. – С. 134-139.
136. Ромашова, М.В. Занимательное источниковедение: история детства [Текст] / М.В. Ромашова // Вестник Пермского университета. – 2012. – №3. – С. 172-179.
137. Ростовская, И.В. Эволюция отечественного законодательства о несовершеннолетних: дореволюционный и советский период [Текст] / И.В. Ростовская // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2012. – Вып. 2. – С.98-101.
138. Рыбаков, Р.В. К вопросу об альтернативах в молодежном движении России (1917 – 1920-е гг.) [Текст] / Р.В. Рыбаков // Вестник Томского университета. – 2014. – №382. – С. 119-124.
139. Сажина, Н.С. Социальная политика в отношении материнства и детства в первые годы советской власти [Текст] / Н.С. Сажина // Вестник Брянского государственного университета. История и политология. Право. Литературоведение. Языкознание. – 2013. – №2. – С.91-94.
140. Салова, Ю.Г. Клубная работа с детьми в практике советской школы 1920-х годов [Текст] / Ю.Г. Салова // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст. / Пермский гос. ун-т. — Пермь, 2010. — С. 152-164.
141. Сенькина, А.А. Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930 –1932 гг. [Текст] / А.А. Сенькина // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2012. – С. 60-91.

142. Славко, А.А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти [Текст] / А.А. Славко // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – №4/4 (64/4). – С. 229-234.

143. Мишина, М.А. Борьба с беспризорностью и создание системы детских домов на Урале в 1920 – 1930 годы [Текст] / М.А. Мишина, С.С. Смирнов // II Емельяновские чтения: Мат-лы Всеросс научн.-практ. конф. (Курган, 11-12 мая 2007 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 149-151.

144. Сомов, В.А. Детство 1930-х: советская политика в области воспитания подрастающего поколения [Текст] / В.А. Сомов, Д.В. Сомова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История. Исторические науки. – 2013. – С. 121-127.

145. Тагирджанова, А.Н. Татарские детдома в Петрограде-Ленинграде 1920-х годов [электронный ресурс] / А.Н. Тагирджанова // URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/pedagog_tagirdganova.htm (дата обращения 01.06.14).

146. Федоров, А.Н. Охрана материнства и детства в советской России в условиях революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) [Текст] / А.Н. Федоров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2009. – №9 (64). – С.175-182.

147. Черняева, Н. Идеология семейных ценностей: повторяем пройденное? [электронный ресурс] / Н. Черняева // 60 параллель. – 2010. – № 2(37) // URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/37/9.pdf (дата обращения 03.03.16).

148. Шевцова, Н.В. Коммуникативные намерения современных критиков при оценке детского чтения советской эпохи [Текст] / Н.В. Шевцова // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – №5. – С.85-90.

Диссертации и авторефераты

149. Алиева, Л.В. Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства. Автореф. ... дис. д-ра пед. наук [Текст] / Л.В. Алиева. – М., 2002. – 56 с.
150. Афанасова, Е.Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Е.Н. Афанасова. – Иркутск, 2007. – 26 с.
151. Балакирев, А.Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии: 1923–1991 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / А.Н. Балакирев. – Улан-Удэ, 2006. – 23 с.
152. Безрогов, В.Г. Становление образовательных традиций христианской школы в I – V веках. Автореф. дис. ... д-ра. пед. наук [Текст] / В.Г. Безрогов. – Москва, 2004. – 42 с.
153. Бекмурзаева, С.А. Роль Советского государства и общества в формировании нового человека. Дис. ... канд. ист. наук [Текст] / С.А. Бекмурзаева. – Астрахань, 2010. – 205 с.
154. Блонский, Л.В. Детская беспризорность в СССР периода нэпа: опыт ликвидации на материалах Поволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Л.В. Блонский. – Саратов, 2004. – 24 с.
155. Бородина, С.Н. Школа как институт политической социализации. Автореф. дис. ... канд. полит. наук [Текст] / С.Н. Бородина. – Краснодар, 2007. – 21 с.
156. Волохатова, В.М. Сиротские учреждения Советской России: история становления и проблемы функционирования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / В.М. Волохатова. – Москва, 2005. – 21 с.
157. Гребенкина, А.А. Становление и развитие социальной защиты детства в 20-30-е годы XX столетия на территории Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд. пед. наук [Текст] / А.А. Гребенкина. – Омск, 2006. – 22 с.
158. Катионова, А.О. Социальные и психолого-педагогические основы организации призрения детей в России в 20-30-е годы XX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук [Текст] / А.О. Катионова. – Санкт-Петербург, 2003. – 22 с.

159. Кесаева, Ж.К. Деятельность государственных учреждений и общественных организаций Северной Осетии по борьбе с детской беспризорностью: 1920-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Ж.К. Кесаева. – Владикавказ, 2006. – 22 с.
160. Клемантович, С.П. Эволюция государственной политики в области народного образования в 1920–1930-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / С.П. Клемантович. – Москва, 2000. –16 с.
161. Копейкина, Ю.Л. Субкультура детства. Автореф. дис. ... канд. культ. наук [Текст] / Ю.Л. Копейкина. – Нижний Новгород, 2000. – 31 с.
162. Кудинов, В.А. Общественные движения и организации детей и молодежи в России XX веке. Дис. ... д-ра ист. наук [Текст] / В.А. Кудинов. — Кострома, 1994. — 366 с.
163. Кульгускина, Л.В. Государство и молодое поколение в конце 1920-х – 1930-е годы: опыт создания новой ментальности. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Л.В. Кульгускина. – Барнаул, 2005. – 22 с.
164. Маслова, О.Б. Ликвидация массовой беспризорности в Советской России в 1920-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / О.Б. Маслова. – Пятигорск, 2010. – 26 с.
165. Нечаева, К.М. Организация воспитательной работы с подростками в России в 20-е годы XX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук [Текст] / К.М. Нечаева. – С-Пб., 2010. – 24 с.
166. Полянскова, Л.Ю. Политика Советского государства по формированию нового социокультурного облика крестьянства в период нэпа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Л.Ю. Полянскова. – Самара, 2009. – 22 с.
167. Рожков, А.Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х гг., повседневная жизнь в группах сверстников: школьники, студенты, красноармейцы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук [Текст] / А.Ю. Рожков. – Краснодар, 2003. – 44 с.

168. Синельников, С.П. Православное религиозное образование в РСФСР в 1918–1929 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / С.П. Синельников. – Волгоград, 2011. – 24 с.

169. Славко, А.А. Детская беспризорность в первое десятилетие советской власти. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / А.А. Славко. – Чебоксары, 2005. – 27 с.

170. Тепцова, Р.Н. Деятельность московских городских властей в сфере охраны детства в 20-30-е гг. XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Р.Н. Тепцова. – М., 2010. – 25 с.

171. Хубулова, Э.В. Формирование молодого поколения Северной Осетии в условиях трансформирующегося общества 1920-х гг: исторический опыт. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Э.В. Хубулова. – Владикавказ, 2005. – 21 с.

172. Шуткова, Е.Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних: 1917 – 1953 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Е.Ю. Шуткова. – Ижевск, 2003. – 26 с.

Литература на иностранном языке

173. Аръес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке [Текст] / Ф. Аръес [пер. с франц. Я.Ю. Старцева]. – Ек.: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 416 с.

174. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. [Текст] / Ф. Бродель. – Том 1-3. – М.: Изд-во «Прогресс», 1986 – 1992.

175. Гинсбург, К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. [Текст] / К. Гинсбург [пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской]. – М.: Изд-во «РОСПЭН», 2000. – 272 с.

176. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада [Текст] / Ж. Ле Гофф [пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного]. – М.: Изд-во «Прогресс-Академия», 1992. – 376 с.

177. Людтке, А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти [Текст] / А. Людтке [пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона и др.]. – М.: Изд-во «РОСПЭН», 2010. – 271 с.

178. Мид, М. Культура и мир детства [Текст] / М. Мид. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 429 с.
179. Холмс, Л.Ю. Социальная история России: 1917 – 1941 [Текст] / Л.Ю. Холмс [пер. с англ. Л.А. Вертоградова, А.П. Захарова]. – Ростов-на-Дону.: Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 144 с.
180. Юинг, Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. [Текст] / Е.Т. Юинг [пер. с англ. Д.А. Благова]. – М.: Изд-во «РОССПЭН»; Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. – 359 с.
181. Loraine de la Fe. Empire`s children: soviet childhood in the age of revolution / Де ла Фе Лорейн. Дети империи: советское детство в эпоху революции [Текст] /Л. Фе/ Флорида: изд-во Интернационального университета Флориды, 2013.
182. Hannah Freeman. Russia`s International Adoption Policies: Realities of the Soviet Happy Childhood Myth / Фриман Ханна. Русская интернациональная политика усыновления: реалии и миф советского счастливого детства [Текст] /Х. Фриман/ Иллинойс: Международные исследования, 2012.